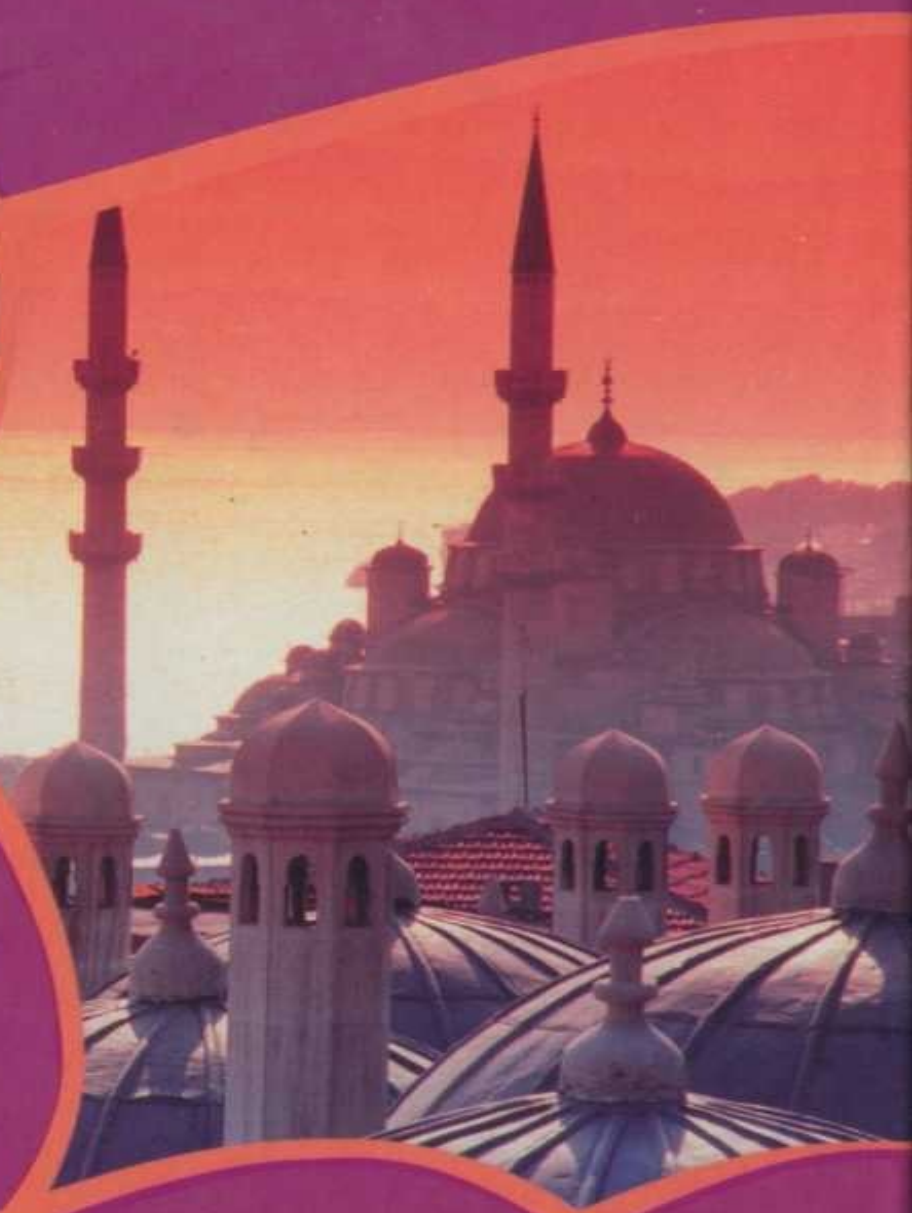

ТАЙНЫЕ СТРАСТИ
ПРИНЦЕССЫ
ДЖЕЛЛЫ

ДВОРЦОВЫЕ
ТАЙНЫ

Annotation

Необычайное романтическое приключение ждет молодого англичанина Джорджа Малькольма в Индии. Таинственным образом он оказывается в покоях дворца, хозяйка которого, принцесса Джелла, скрывает лицо под маской. Кто она? Прекрасная обольстительница, заманивающая в свои сети юношей, или предводительница повстанцев, ведущих борьбу за освобождение страны?

Сможет ли Малькольм вырваться из сладкого плена и забыть ласки восточной красавицы? Найдет ли принцесса Джелла в себе силы расстаться с возлюбленным? Или им суждено соединить свои судьбы?

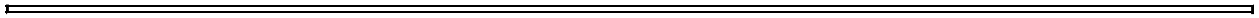
Ответ вы найдете, прочитав захватывающий колониальный роман, полный восточной неги, невероятных приключений и бешеных страстей.

-
- [Ксавье де Монтепен](#)
    - [ЧАСТЬ ПЕРВАЯ](#)
      - [I. РОКОВОЕ ПРЕДЗНАМЕНОВАНИЕ](#)
      - [II. КРУГЛАЯ КОМНАТА](#)
      - [III. ТАИНСТВЕННОЕ ПОСЕЩЕНИЕ](#)
      - [IV. СЦЕНА ИЗ ИНДИЙСКОЙ СКАЗКИ](#)
      - [V. СЦЕНА ИЗ ИНДИЙСКОЙ СКАЗКИ](#)
      - [VI. ПРОБУЖДЕНИЕ](#)
      - [VII. РАССКАЗ КАЗИЛЯ](#)
      - [VIII. ДОЛГОЖДАННАЯ ВСТРЕЧА](#)
      - [IX. ОТЕЦ И СЫН](#)
      - [X. ТАЙНА СЭРА ДЖОНА МАЛЬКОЛЬМА](#)
      - [XI. СОН ПРОДОЛЖАЕТСЯ](#)
      - [XII. РОКОВОЙ ДЕНЬ](#)
      - [XIII. КРИК СОВЫ](#)
      - [XIV. СОГОР И НЕЗНАКОМКА](#)
      - [XV. СОГОР И ДЖОРДЖ](#)
      - [XVI. ПЕРВОЕ ПРИГЛАШЕНИЕ](#)
      - [XVII. ВТОРОЕ ПРИГЛАШЕНИЕ](#)
      - [XVIII. ПРИГОТОВЛЕНИЯ К ОХОТЕ](#)
      - [XIX. ЛОШАДЬ ПРИНЦЕССЫ ДЖЕЛЛЫ](#)
      - [XX. В ЛЕСУ](#)
      - [XXI. НЕОЖИДАННЫЙ ГОСТЬ](#)

- [XXII. НЕПОСТОЯНСТВО ЖЕНСКОГО СЕРДЦА](#)
- [XXIII. КЛАДБИЩЕ СЛОНОВ](#)
- [XXIV. УЖИН](#)
- [XXV. ВСЕ КОНЧЕНО](#)
- [XXVI. ЦВЕТЫ ЛОТОСА](#)
- [XXVII. ОПЯТЬ КЛАДБИЩЕ СЛОНОВ](#)
- [XXVIII. ПЛЕННИК](#)
- [XXIX. СМЕРТЬ ДЖОНА МАЛЬКОЛЬМА](#)
- [XXX. НОЧНОЕ ПОСЕЩЕНИЕ](#)
- [XXXI. ВСТРЕЧА СЫНА С ОТЦОМ](#)
- [ЧАСТЬ ВТОРАЯ](#)
  - [I. РАССКАЗ ЛЕЙТЕНАНТА МИДЛЕЯ](#)
  - [II. РАЗГОВОРЫ](#)
  - [III. ДУРГАЛЬ-САИБ](#)
  - [IV. РЕВНОСТЬ](#)
  - [V. КАК УДАР ГРОМА](#)
  - [VI. ВО ИМЯ БОВАНИ](#)
  - [VII. НЕПРИЯТНОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ СТОПА](#)
  - [VIII. ОДИН ИЗ АКТОВ ДРАМЫ](#)
  - [IX. ДРАМА ПРОДОЛЖАЕТСЯ](#)
  - [X. СВИДЕТЕЛИ](#)
  - [XI. ЗАГОВОР](#)
  - [XII. ПРОЦЕССИЯ ДЖАГАРНАТА](#)
  - [XIII. СТРАННЫЙ ВИЗИТ](#)
  - [XIV. ВЕЛИКАЯ АКТРИСА](#)
  - [XV. ЭДУАРД](#)
  - [XVI. ДЖОРДЖ](#)
  - [XVII. КАЗИЛЬ ПОЯВЛЯЕТСЯ ВНОВЬ](#)
  - [XVIII. ПОХИЩЕНИЕ](#)
  - [XIX. НАПАДЕНИЕ](#)
  - [XX. ХРАМ БОВАНИ](#)
  - [XXI. СВЯТИЛИЩЕ](#)
  - [XXII. СВЯЩЕННЫЕ ЗАЛОГИ](#)
  - [XXIII. ПОСЛАННИК БОГИНИ](#)
- [ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ](#)
  - [I. ПЛЕННИЦЫ](#)
  - [II. У КАЗИЛЯ](#)
  - [III. СЕСТРЫ](#)
  - [IV. РАДОСТЬ ДУРГАЛЬ-САИБА](#)

- [V. НЕОЖИДАННОЕ ПОСЕЩЕНИЕ](#)
- [VI. РАДЖА ГИДЕРАБАДА](#)
- [VII. ИСПОВЕДЬ ДЖЕЛЛЫ](#)
- [VIII. ЛОГОВО ТИГРИЦЫ](#)
- [IX. ОБЕЩАННЫЙ ПРАЗДНИК](#)
- [X. УДАР ГРОМА](#)
- [XI. В ГРОБНИЦЕ](#)
- [XII. ПОКРЫВАЛО БОВАНИ](#)
- [XIII. ВО ДВОРЦЕ ДУРГАЛЬ-САИБА](#)
- [XIV. МАРИЯ](#)
- [XV. НАПИТОК](#)
- [XVI. «СЛАВА БОЖЬЕМУ ПРАВОСУДИЮ!..»](#)

○

Ксавье де Монтепен

Тайные страсти принцессы Джеллы

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I. РОКОВОЕ ПРЕДЗНАМЕНОВАНИЕ

В ночь с 10 на 11 июля 1830 года двенадцать индусов, медленно, трудно взбираясь по скалистой тропе, несли паланкин, сменяя друг друга каждые четверть часа. Во главе их шел масалчий, или факельщик. Впереди был Бенарес, а до него еще половина пути. Рядом с факельщиком шел молодой индус, почти ребенок, лет четырнадцати, — слабенький, маленького роста, с черными глазами, пристальный взгляд которых свидетельствовал о его уме и проницательности. Фигурка юноши четко выделялась на фоне всей группы и напоминала бронзовую флорентийскую статуэтку.

В десяти шагах от паланкина, верхом на худой, но сильной лошади следовала весьма оригинальная личность. Внешне это был типичный англичанин, терпеливо сносивший все тяготы нелегкого похода и вздрагивавший при каждом толчке. Мы имеем в виду не породистого англичанина, а лишь карикатуру на него, особенно распространенную на провинциальных сценах Франции. Густые рыжие волосы обрамляли красное, старательно выбритое лицо, на котором отчетливо выделялись густые клочкообразные брови. Белый, сильно накрахмаленный галстук подчеркивал кирпичный цвет лица. Костюм англичанина состоял из черного сюртука, брюк и штиблет. Войлочная, с узкими полями шляпа, надетая на затылок, дополняла его наряд, чрезвычайно неудобный для путешествия под палящим солнцем Индии.

Прошедший день выдался жарким. К ночи большие черные тучи плотно закрыли серебряный диск луны. На горизонте время от времени вспыхивали зигзаги молний, но они лишь на мгновение освещали непроницаемую темноту. Казалось, буря уже приблизилась и вот-вот раздадутся первые удары грома.

Крутая, узкая и всеми забытая дорога извивалась между скалами, нагроможденными в страшном беспорядке, среди зарослей индийской опунции.

Носильщики, едва дыша и изнемогая от усталости и невыносимой жары, продвигались с большим трудом. Факел, время от времени поливаемый маслом, скупое освещал белые и красные тюрбаны индусов, отчего небольшой караван имел фантастический вид.

Оригинальный и даже комический оттенок всей картине шествия придавал англичанин, сидевший на низкорослой лошади, которая плелась

позади всех.

После трех часов подъема караван достиг самой верхней части гористой и трудной дороги. В этом месте находилась широкая площадка, ограниченная огромными валунами, — за ними были крутые обрывы.

Восхождение завершилось, теперь предстоял спуск. Носильщики остановились. Рука в лайковой перчатке отдернула занавеску паланкина, и раздался звучный молодой голос.

— Казиль! Подойди сюда, мой мальчик, я хочу с тобой поговорить. — Эти слова были произнесены по-английски.

Молодой индус, которого мы сравнивали с бронзовой флорентийской статуэткой, тотчас приблизился к паланкину и спросил также по-английски, с легким акцентом:

— Что угодно господину?

— Почему мы остановились?

— Господин, восхождение на гору было трудным... Индусы выбились из сил и теперь отдыхают.

— Далеко ли до Бенареса?

— Шесть часов ходьбы.

— Значит, мы прибудем туда с восходом солнца?

— Да, господин, если только гроза не остановит нас по дороге.

— А ты думаешь, что все-таки начнется гроза?

— Боюсь, что да.

В тот же момент, словно подчиняясь заклинанию демона бури, небо пронзила яркая молния, а за нею последовал сильный, оглушительный удар грома, грозно повторенный горным эхом.

— Голос Шивы! — прошептал молодой индус, склонив голову и прижимая руки к груди. Остальные индусы упали на землю, а худая с длинной гривой лошадь рванулась в сторону, едва не выбросив всадника из седла.

— Вы слышали, господин, — прошептал Казиль, — гроза приближается...

— Нам нужно торопиться, — сказал англичанин, — вели носильщикам продолжать путь, больше нигде не останавливаясь.

Казиль сказал несколько слов на местном наречии, и носильщики поднялись с земли, намереваясь двигаться дальше. Однако яркая вспышка молнии, а затем глухой удар грома превратили весь небесный свод в одну громадную наковальню. Раздался второй удар грома, и он был настолько близким, что люди снова прижались к земле. Подул сильный, порывистый ветер, сопровождаемый таким проливным дождем, что казалось, небо

разверзлось для нового потопа.

Человек в черном спрыгнул с седла и, держа лошадь под уздцы, приблизился к паланкину. Распростертые на земле индусы испуганно поднимали головы, били себя в грудь и торопливо выкрикивали какие-то молитвы, желая смягчить гнев рассвирепевших богов.

— Чего они ждут? — спросил англичанин.

— Господин, — ответил Казиль, — мы не можем идти дальше.

— Почему?

— Гроза не утихнет всю ночь.

— Какое нам дело до грозы! Если мы не можем ее избежать, то остановка не защитит нас ни от грома, ни от молнии. Вперед, в дорогу!

— Господин, это невозможно.

Англичанин сделал нетерпеливый жест.

— Через несколько минут, — продолжал молодой индус, — горная дорога станет непроходимой, ее размоют дождевые потоки. Если мы не останемся здесь, то будем смыты водой и разобьемся о скалы.

— Ничего себе перспектива! — воскликнул англичанин. — Что скажет об этом мой бедный Стоп?

Последние слова были адресованы человеку в черном, молча стоявшему возле паланкина. Тот почтительно снял мокрую шляпу и ответил:

— Ах, ваша честь! Я говорил и говорю, что Индия — проклятая страна! Мои волосы, мои бедные волосы, которые хорошенькие девушки Нортумберленда сравнивали с цветом спелой ржи, поседеют раньше времени. Как хорошо нам было в вашем доме в Аусбюри! Я спрашиваю себя: зачем, ваша честь, оставив милую Англию, вы поехали в такую даль, в эту забытую всеми богами землю, взяв меня с собой?

— Ты мог бы не ехать! Я же предлагал тебе остаться дома... Ты свободно мог принять любое решение.

— Совершенно верно! Я был абсолютно свободен, как и всякий подданный веселой Англии, но если вам потребуется пройти через огонь — а это, я чувствую, непременно произойдет — или через воду, как сейчас, то вы можете рассчитывать на меня: я буду рядом. Однако тень имеет право жаловаться, и я пользуюсь этим правом...

— Да, все так, — смеясь, ответил господин, — ты предан... очень предан... отдаю справедливость. Но у тебя не хватает философского взгляда на некоторые проблемы...

— Это не моя вина. Если бы я учился, как ваша честь, в Кембриджском университете или в Оксфордском, то, может быть, я тоже

был бы философом. Но тогда я был бы не лакеем, а дворянином, что, по правде говоря, не очень выгодно для вашей чести, так как вы с трудом нашли бы мне замену...

— Уж что-то слишком ты себя хвалишь, Стоп!

— Что ж, я делаю это вполне искренне. Не каждый знает, чего он стоит...

Разговор между господином и слугой был прерван новыми раскатами грома. Дождь полил еще сильнее, а ветер рвал занавески паланкина, заливая его обильными струями воды.

— Казиль, может быть, поблизости есть какая-нибудь пещера или грот, где можно спрятаться от дождя? — спросил англичанин.

— Не знаю, — ответил юноша.

Молнии, следовавшие без перерыва одна за другой, осветили в темноте небольшую площадку, на которой сгрудились путешественники. Но англичанин заметил на расстоянии двухсот-трехсот шагов какое-то строение, напоминавшее полуразрушенный замок с причудливыми башнями.

— Что это? — спросил он.

Казиль испугался.

— Это развалины храма, — волнуясь, произнес он. — Храма бога Шивы.

— Без сомнения, хоть один из сводов храма невредим и может стать для нас надежным убежищем. Думаю, что бог Шива, которого я уважаю, на нас не рассердится. Казиль, передай индусам, что мы направляемся к храму. В нем наше спасение.

Выслушав господина, Казиль, вместо того чтобы исполнять его распоряжение, стоял в нерешительности, неподвижный как статуя.

— Что это значит? — в изумлении воскликнул путешественник. — Разве ты не слышал моих слов, упрямец? Или ты плохо понимаешь по-английски?

— Нет, я слышал и понял... — пробормотал Казиль, хотя по-прежнему в нерешительности топтался на месте.

— Так что же удерживает тебя здесь? Ступай! — приказал англичанин.

— Господин, мы находимся на священной горе, носящей название Беома! Немало ужасных рассказов мне довелось слышать об этом месте. Таинственное существо оберегает этот храм лучше целой гвардии сипаев... Тень Шивы, бога зла, живет в развалинах.

— Возможно, так оно и есть, — улыбнувшись, согласился путешественник, — но бог зла Шива, предоставив нам убежище от грозы,

станет богом добра, а это, согласишься, значительно лучше для всех...

— Храм — священное место для верующих, — торопливо начал пояснять Казиль, — неверующим оно несет проклятие.

— Останемся здесь, ваша честь, — прошептал Стоп умоляющим голосом, — останемся здесь! Я всегда боялся дьявола, а бог этих людей должен быть для нас дьяволом! Переждем грозу здесь, а то нечистая сила изжарит нас. Вода лучше огня... Обойдемся без храма. Я его боюсь.

Вместо ответа господин из паланкина негодуяюще вымолвил только два слова:

— Я приказываю!

Молодой индус, подчинившись, отошел к людям, изнемогавшим под дождем, и заговорил с ними на родном языке. Один из них ответил. Казиль возразил, затем последовало несколько реплик низкорослого толстого индуса. Разговор затягивался, и путешественник решил прервать его.

— Ну, что там? — спросил он, выглянув из паланкина. — Так и будем торчать под дождем?

— Господин, — извиняющимся тоном произнес юноша, — они отказываются повиноваться.

— Почему, черт возьми?

— Страх перед храмом непреодолим.

— Но разве я не нанял их, разве они не находятся у меня на службе, по крайней мере до прибытия в Бенарес?

— Все это так, господин. Они выполнял все ваши условия, готовы даже рисковать собой, они согласны идти дальше, даже если им придется погибнуть в горах, но ничто не заставит их войти в такую ночь в развалины храма и топтать землю, принадлежащую Шиве, грозному, всемогущему богу.

Путешественник понял, что любая его попытка заставить этих людей действовать вопреки их религиозным предрассудкам будет безуспешной и лишь затян timer.

— Ладно, — согласился он, выходя из паланкина, — я пойду один со Стопом.

— Я последую за вами, — прошептал молодой индус.

— Ты, Казиль? — удивился англичанин.

— Да, господин, если вы не против...

— Но разве ты не боишься, как другие твои соплеменники?

— Мое тело дрожит от страха, сердце бьется быстрее... Я знаю, что нас ожидает опасность, но я не могу бросить своего господина...

— Ты смелый юноша. Пусть индусы, трясущиеся от страха, принесут

паланкин к развалинам.

— Они исполнят это, господин, обещаю вам.

Казиль сказал несколько слов индусам, и они тотчас же, подхватив паланкин на плечи, быстро пустились вперед, к указанному месту. Но по мере приближения к развалинам храма их шаги, сначала уверенные, становились робкими, нерешительными, и наконец они остановились на расстоянии нескольких шагов от храма.

— Господин, — сказал Казиль, взяв факел из рук масалчия, — они не сделают дальше ни единого шага. Пойдемте!

II. КРУГЛАЯ КОМНАТА

За сто лет до описываемых нами событий, в эпоху своего величия, храм Шивы, знаменитый далеко за пределами Индии, занимал большое пространство на самой вершине горы Беома, своими башнями и вычурными куполами возвышаясь над миром и упираясь в самое поднебесье. Во всяком случае, так казалось всем находящимся у подножия горы и взирающим на ее вершину с благочестивым трепетом.

В тот момент, когда путники, застигнутые грозой в горах, приблизились к развалинам храма, дождь все еще хлестал. Один портик храма, довольно хорошо сохранившийся, представлял удобный вход в развалины с той стороны, с которой подошли Казиль и два англичанина. С большим трудом они пробирались сквозь колючие, густо сплетенные между собой растения, мешавшие им идти, и наконец очутились внутри храма.

Дождь продолжал лить как из ведра. Сильный ветер стремился погасить пламя факела. Свет, исходивший от него, придавал странный вид массивным колоннам, украшенным великолепными барельефами с гигантскими слонами. Изредка огненные молнии рассеивали окружающий мрак, и их белесоватый свет выхватывал на миг громадные статуи, разбросанные по каменным плитам.

Молодой индус ожидал с минуты на минуту появления среди развалин бога Шивы и немедленной смерти пришедших к нему безумцев, не уважающих его святилища. Стоп с трудом сохранял спокойствие. Он то и дело оглядывался по сторонам, в любой момент ожидая нападения невидимого врага. И только англичанин, которого Стоп называл «ваша честь», был хладнокровен. Он осматривал храм, не выказывая при этом ни малейшей тревоги.

Опишем бегло этого человека, который должен стать героем нашего повествования.

Англичанин был в том возрасте, когда еще хочется познавать мир: двадцати восьми или тридцати лет, роста выше среднего, стройный; белокурые, вьющиеся от природы волосы падали кольцами на его высокий лоб. Небольшие бакенбарды такого же цвета обрамляли белое, без каких бы то ни было изъянов лицо, слабый румянец покрывал его щеки, а красивые голубые глаза дополняли выразительный, не лишенный благородства облик. Описанная нами его внешность могла бы показаться слишком

женственной, если бы на лице не отражалось выражение решимости и отваги. На молодом человеке было парусиновое пальто, которое, намкнув от дождя, вырисовывало гибкий и в то же время сильный стан.

В тот момент, когда наши герои вошли в храм, раздался резкий крик совы. Казиль остановился. Через минуту крик совы повторился, но уже с другой стороны. Юноша сделал несколько осторожных шагов по каменному полу, затем снова замер. Закрыв глаза, он пробормотал сквозь зубы:

— Наши братья бодрствуют...

— Ага! — воскликнул англичанин, засмеявшись. — Ночные птицы не очень-то уважают святое место!

— Господин, — ответил Казиль, — сова освящена Шивой.

— У вашего бога, кажется, дурной вкус, — дрожащим голосом пробормотал Стоп. — Сова — проклятое творение природы. Она приносит несчастье. Я ненавижу этих ужасных птиц. Когда они собираются ночью на старых крышах Аусбюри, я беру ружье и начинаю охотиться на них, убивая без всякого сострадания. Их отвратительный крик в этом каменном мешке не предвещает ничего хорошего. Уйдем отсюда, пока не поздно, ваша честь, уйдем как можно скорей.

— Ты очень похож на мокрую курицу, мой бедный Стоп! — улыбнулся англичанин.

— Не знаю, курица я или нет, — жалобно пролепетал лакей, — но я знаю, как неприятно быть мокрым с ног до головы. Я словно искупался в холодной Темзе. Между прочим, это весьма вредно для здоровья, так можно во цвете лет заработать ревматизм. И дай Бог, чтобы я отделался только ревматизмом!

— Ты трус!

— Трус? О нет, я не трус. Никогда! Никогда...

— Кто же ты?

— Всего лишь благоразумный человек. Я отдал бы все свое годовое жалованье за то, чтобы вы походили в этом на меня.

— Довольно болтать, Стоп! Поищем лучше пристанище среди этих развалин. Гроза, как мне кажется, усиливается, черт возьми!

— Ваша честь! Ваша честь! — вскричал Стоп. — Ради Бога, ради неба, не призывайте черта в это проклятое место. Мы и так зашли слишком далеко, и всякое может случиться... да вот... ах, Боже мой...

Произнеся последние слова сдавленным голосом, Стоп громко вскрикнул, показывая рукой влево. Он начал пятиться, словно перед ним возник призрак с того света.

Молодой англичанин повернул голову в направлении, указанном Стопом, и рассмеялся, увидев то, что так напугало лакея. Это была безобидная статуя одного из индусских богов, с бычьей головой на крупном туловище.

— Ну что, ваша честь, — пробормотал Стоп, — ну что?

— Страх повредил твой рассудок, — заметил путешественник. — Тебе нужно уйти отсюда. Мы же с Казилем останемся здесь.

Стоп недовольно пробормотал:

— Ваша честь хорошо знает, что ни за что в мире я не брошу своего господина в минуту опасности! Если черту суждено унести вашу честь, пусть прихватит и меня...

— В таком случае, оставайся и молчи.

— Молчу, молчу и буду повиноваться вашей чести. Но мне кажется, что я все правильно говорю.

Молодой англичанин взял из рук Казиля факел и начал осматривать развалины. С трудом пробираясь сквозь густые ветви вьющихся растений, они втроем обшарили все уголки храма. И вдруг молодой англичанин радостно воскликнул:

— Нашел!

Он раздвинул лианы, приоткрыв узкий проход, видимо некогда соединявший паперть храма с главным святилищем, предназначенным для торжественных обрядов, и шагнул в темноту. Вслед за ним, робко ежась, последовали остальные. При свете факела они увидели большую круглую комнату, стены которой еще сохраняли следы былой росписи. Сквозь налет времени проступали яркие цвета и четкие линии. Купол, оставшийся невредимым прикрывал пространство святилища от неистовства бурь и ураганов. Плиты пола, покрытые мелкой пылью, тесно примыкали друг к другу.

— Победа! — воскликнул путешественник. — И благодарение Шиве! Бог зла оказывает нам ныне гостеприимство, за что я благословляю его!

Внутренний вид зала, не имевшего в себе ничего страшного, кроме несоразмерных скульптурных изображений и ярко раскрашенных стен, казалось, разогнал страх лакея. Он с удовольствием осматривался вокруг, время от времени облегченно вздыхая.

— Господин, — сказал Казиль, обращаясь к путешественнику, — с вашего платья стекает вода... Я разведу огонь...

— Хорошая мысль, — заметил Стоп, — отличная мысль! Этот маленький индус не глуп!

— Огонь? — спросил англичанин. — Но как же его добыть?

— А это уж предоставьте мне...

Казиль вытащил из-за пояса кинжал, с которым индусы никогда не расстаются, и вышел из зала. В его отсутствие англичанин еще раз внимательно изучил скульптурные изображения, стараясь понять их смысл. Барельефы, рисунки и изваяния представляли собой действующих лиц из священной поэмы «Рамаяна» и наивное воспроизведение многочисленных воплощений божества.

Вверху стены заканчивались оригинальным фризом, изображавшим головы слонов с длинными хоботами вперемежку с бычьими мордами с загнутыми рогами.

Стоп и его господин смотрели на украшения храма, время от времени произнося одну и ту же фразу:

— Какие безобразные идолы, какие безобразные идолы!

Через некоторое время вернулся Казиль с огромной охапкой ветвей и сучьев. Вскоре радостный огонек, а затем и яркое пламя осветили трех путешественников. Однако юноша не удовлетворился этим и снова исчез. Через минуту он возвратился с новой ношей — ковриками и подушками из паланкина.

— Господин, — сказал он, — вы не можете все время стоять. Гроза будет длиться всю ночь, вам необходимо отдохнуть, поспать, подкрепить силы.

— Благодарю, мальчик. Ты боишься, что я устану и не смогу идти дальше?

— Да, господин.

— Но ведь я — мужчина!

— Вы приехали из страны, где, как говорят, мужчины не могут иметь сильных мускулов и крепких кулаков...

— Ты хоть и моложе меня, конечно же, тоже устал после такой трудной дороги.

По губам Казиля пробежала гордая улыбка.

— Не беспокойтесь, господин, — ответил он. — Мне не так много лет, но у меня есть сила и воля. Я могу, если потребуется, долго не есть и не пить, ходить под дождем и солнцем и при этом не уставать. Ваш отец может подтвердить сказанное мною, если вы передадите ему мои слова.

— Ты очень любишь моего отца?

— Люблю ли я его? Да если бы не ваш отец, я был бы уже давно мертв. И умер бы ужасной смертью. Он спас меня. Я обязан ему жизнью. Я люблю его и люблю вас, потому что вы его сын. Если вам будет угрожать опасность, я не пожалею своей жизни, чтобы защитить вас. Я отдам ее за

вас точно так же, как за него и за вашего брата Эдуарда.

Англичанин взял обе руки Казиля и пожал их, прошептал с волнением:

— Доброе, благородное сердце! Ты любишь моего отца, любишь моего брата. А я, в свою очередь, буду любить тебя!

По бронзовой щеке индуса скатилась слеза.

— А дикари не лишены чувств, честное слово, — вымолвил Стоп, с изумлением наблюдавший эту сцену. — Если бы у них еще была хорошая кухня...

III. ТАИНСТВЕННОЕ ПОСЕЩЕНИЕ

Прошло полчаса.

Огонь продолжал гореть благодаря веткам, подбрасываемым Казилем в костер. Ветер снаружи бушевал все сильнее, но дождь перестал, молнии сверкали реже, изредка гремел гром.

— Гроза, кажется, проходит, — сказал путешественник, парусиновое пальто которого сохло у костра.

— Да, — ответил Казиль, — я ошибся, считая, что ураган продлится всю ночь, через два часа все кончится.

— И тогда мы сможем продолжать путь.

— Нет, господин. О путешествии раньше восхода солнца нельзя и думать.

— Почему?

— Нужно переждать, пока вода стечет с горных дорог. Поверьте мне и спите спокойно. Я вас разбужу, как только увижу, что можно двинуться в путь.

— Да, да, ваша честь, — поддержал мальчика Стоп, едва сдерживая зевоту. — Поспим, дремота одолевает меня...

— А ты? — спросил англичанин Казиль.

— Я буду бодрствовать.

— Разве ты из железа?

— Да, — просто ответил Казиль.

«Какой счастливец! — подумал Стоп. — Мне бы такую выносливость. У меня подкашиваются ноги».

— Ладно, — сказал путешественник. — К тому же меня что-то лихорадит после этого ливня. Я с удовольствием отдохну час или два. Советую последовать моему примеру и Стопу.

— Благодарю, ваша честь, я непременно воспользуюсь вашим позволением.

Казиль разложил подушки у стены, и путешественник тут же прилег на них. Стоп, не имея подушек, растянулся на полу, проклиная жесткие плиты.

Что касается Казилья, то молодой индус, скрестив на груди руки, прислонился к стене напротив входа и стал потихоньку напевать какую-то индусскую мелодию, сходную по монотонности с напевом колыбельной песни, которой кормилицы во всех странах убаюкивают детей.

Не прошло и трех минут, как Стоп захрапел.

Глаза его господина оставались открытыми немного дольше, но постепенно его взгляд, устремленный на мрачный купол храма, потерял способность различать цвет и форму. Усталость взяла верх. Веки опустились, и он тоже заснул богатырским сном.

Через некоторое время недалеко послышался слабый крик совы.

Казиль, перестав напевать, внимательно вглядывался в кусты лиан, как бы выпрашивая у темноты, что это значит.

Крик ночной птицы больше не повторился, не нарушил ночного спокойствия. Но зато нечто фантастическое показалось в круглой комнате. Один из нижних барельефов, изображавших шестое воплощение божества, сдвинулся с места без какого-либо шума, образовав в стене четырехугольное отверстие. Это отверстие находилось как раз у подушек, на которых спал путешественник. Некоторое время отверстие оставалось свободным, но потом в нем показалась женская голова удивительной красоты. У женщины были черные роскошные волосы, заплетенные в косы, губы ярко-красного цвета и большие черные глаза, источавшие магнетические токи. Взгляд остановился на лице спящего и, казалось, не мог оторваться от него. Затем зрачки глаз блеснули подобно бриллиантам. Губы открылись для улыбки, обнажив при этом ряд зубов, которые могли бы соперничать с жемчугом.

Сверхъестественное или земное существо, которому принадлежало это лицо, должно было быть царицей или феей...

Спустя несколько минут видение исчезло, но отверстие оставалось открытым.

Неожиданно одна из плит в комнате отодвинулась почти у самых ног Казиля. Мальчик хотел закричать, но не мог. На месте, где раньше находилась плита, появился индус гигантского роста. Этот человек приложил палец к губам, а другой рукой сделал какой-то таинственный жест. Казиль, без сомнения, понял его, и губы мальчика, открывшиеся для крика, снова сомкнулись. Не страх, а страдание и печаль были теперь на лице Казиля.

Индус вышел из отверстия подобно сказочным чародеям, остановился перед Казилем и, дотронувшись пальцем до его плеча, откинул широкий рукав, открывший мускулистую руку, и показал мальчику синий знак, вырезанный на его бронзовой коже.

Казиль взглянул на знак и сделал слабое движение, вызванное страхом перед гигантом.

Индус приблизился к англичанину, все еще глубоко спящему, и, став

перед ним на колени, начал водить над ним руками подобно гипнотизеру.

Прекрасная женщина опять появилась в отверстии. Она следила за каждым движением индуса.

Вскоре дыхание молодого человека стало порывистее и громче, его тело вздрогнуло. Потом наступило полнейшее спокойствие, скорее похожее на смерть, чем на сон.

Тогда индус вынул из-за складок пояса пузырек с красной как кровь жидкостью и, налив несколько капель на руку, потер ею виски англичанина. Но это было только началом. Индус подошел к лакею и проделал с ним ту же операцию, что и с господином. Затем возвратился к англичанину и, по-видимому уверенный в том, что тот уже не проснется, поднял его на руки с такой легкостью, как поднимают ребенка.

— Неужели сыновья Бовани решили умертвить иностранца? — спросил Казиль дрожащим голосом у проходившего мимо индуса.

Гигант отрицательно покачал головой.

— Какие будут приказания?

— Оставайся здесь.

— До какого времени?

— До моего возвращения.

— Когда же?

— Следующей ночью.

Казиль протянул руку по направлению к Стопу и спросил:

— А что делать, если проснется этот человек?

— Он не проснется.

— Он жив?

— Да, но его сон очень похож на смерть, и он будет спать целые сутки.

— Индусы, несшие паланкин иностранца, не осмелились войти в храм и ждут снаружи.

— Пусть ждут.

— У них нет еды.

— Еду принесут.

— Повинуюсь...

Затем индус направился к отверстию и исчез в нем вместе с англичанином. Плита захлопнулась и скрыла таинственный ход. В ту же минуту исчезла и прекрасная женщина, наблюдавшая за всем происходящим в комнате. Нижний барельеф встал на свое место, и в круглой комнате воцарилось молчание.

Проследуем за индусом.

Спустившись по лестнице, он вошел в подземную комнату, слабо

освещенную маленькой лампой, стоявшей на большой глыбе гранита. В середине этой глыбы, в углублении, была кровь, как будто еще вчера на ней совершали ужасное жертвоприношение.

Не успел индус спуститься с последней ступеньки лестницы, как перед ним возникла прекрасная женщина, уже укутанная в белое покрывало. Она было среднего роста, прекрасно сложена. Драгоценные перстни украшали ее маленькие обнаженные руки.

— Я исполнил ваше приказание, госпожа, — сказал индус негромким голосом. — Вот иностранец...

— Как он прекрасен, Согор, не так ли? — сказала молодая женщина.

— Не знаю, госпожа.

— Ты разве не смотрел на него?

— Конечно, смотрел, но не нахожу ничего особенного в красоте белого лица и в волосах солнечного цвета. Я не считаю мужчинами тех, которые похожи на женщин.

Молодая женщина улыбнулась под вуалью.

— Согор, — спросила она, — где немые?

— В подземной галерее с паланкином.

— Хорошо, я отопру железную дверь.

— Куда мы пойдем, госпожа?

— Во дворец.

— Должен ли идти впереди?

— Нет, немые отнесут иностранца в паланкине.

— Но там может поместиться только один человек.

— Я пойду пешком.

— Но...

Молодая женщина прервала индуса повелительным жестом, не терпящим возражений.

Согор поклонился и замолчал.

В одной из стен подземной комнаты виднелась массивная железная дверь, похожая на те, которые обычно закрываются за осужденными на смерть. Женщина, отвязав от пояса ключи, отперла ее. За дверью шла галерея, которая, казалось, служила дорогой к центру Земли. Двенадцать негров, одетых в красное платье, с цветными тюрбанами на голове, стояли возле паланкина. Двое факельщиков находились тут же.

Все эти люди были действительно немые, и ни один из них не умел писать. Поэтому им смело можно было довериться, не опасаясь их излишнего любопытства.

IV. СЦЕНА ИЗ ИНДИЙСКОЙ СКАЗКИ

Негры при появлении прекрасной женщины упали на колени лицом к земле, как будто перед ними предстала небожительница.

Индус, которого, как мы уже знаем, звали Согор, открыл занавески паланкина и, положив на мягкие подушки бесчувственное тело англичанина, отдал неграм приказание идти.

Носильщики тотчас же встали и, подняв паланкин на плечи, отправились в дорогу размеренным шагом. Впереди шел высокий факельщик. Согор и молодая женщина следовали за ними.

Галерея, в которую мы ввели наших читателей, по своим гигантским размерам представляла любопытное зрелище. Даже римляне, властители Древнего мира, не создали ничего подобного.

Вообразите туннель длиною более чем в целое лье, сначала прорезывающий гранитную гору, потом спускающийся под наклоном и наконец оканчивающийся кирпичной лестницей в двести пятьдесят ступеней.

Согор, взяв на руки англичанина, быстро вышел из туннеля и, поднявшись по высокой лестнице, достиг медной двери. За нею находилась большая комната, украшенная с восточной роскошью и, без сомнения, служившая передней подземного дворца.

Индус, все еще обремененный своей ношей, прошел переднюю и, миновав анфиладу богато убранных комнат, остановился в круглом будуаре, освещенном золотой люстрой. Этот будуар, обитый шелковой материей самых ярких цветов, поражал своим великолепием и изысканностью, хоть в нем не было никакой мебели, кроме одного низкого широкого дивана, стоявшего у стены и поддерживаемого ножками из слоновой кости, упиравшимися в богатый персидский ковер. Шелковые занавеси закрывали все двери.

Именно в этой комнате Согор оставил англичанина, положив его на диван. Затем индус низко поклонился и вышел из комнаты.

Молодая женщина сбросила вуаль, и ее лицо, ставшее при свете золотой люстры еще бледнее, открылось во всей своей дивной красоте. Ее глаза принимали странное, постоянно меняющееся выражение.

Женщина опустилась на колени перед диваном и в течение нескольких минут любовалась белокурой головой спящего. Потом нежно поцеловала его в лоб, вынула из-за лифа флакон, как две капли воды похожий на

склянку в руках Согора, и дала его понюхать молодому человеку.

Слабое, едва заметное дыхание англичанина в тот же момент стало учащенным, а веки дрогнули.

Увидев, что пробуждение вот-вот наступит, женщина поспешно поднялась и, пройдя по будуару, исчезла за портьерой.

Прошло две или три минуты. Англичанин окончательно проснулся, открыл глаза, приподнялся на диване и осмотрелся.

Легче понять, чем описать охватившее его чувство удивления. Заснув в храме под мрачным куполом круглой комнаты, он проснулся в восхитительном будуаре...

Но растерянность продолжалась недолго. И он, улыбнувшись, прошептал:

— Сказывается влияние Востока... Индия, страна фантазий и сказок, вскружила мне голову... Я грежу и в своих сновидениях уношусь в какие-то сказочные чудеса. Если со мной произойдет что-либо еще более необыкновенное, я этому не удивлюсь...

Едва он успел закончить свой короткий монолог, как издали послышалась тихая, приятная музыка. Играли на каких-то неизвестных ему инструментах. Но где находились таинственные музыканты? Англичанин никак не мог установить это. Звуки раздавались всюду — и наверху, и внизу, то удаляясь, то приближаясь...

Молодой человек улыбнулся и снова прошептал:

— Мой сон продолжается... он очарователен! Грезить так — значит жить вдвойне... я...

Но он не успел договорить. Часть стены без шума раздвинулась, и он увидел комнату с мраморными стенами. В середине комнаты бил фонтан, вода которого переливалась всеми цветами радуги при свете окружающих его ламп.

— Прекрасно, прекрасно, — бормотал англичанин, — сон усложняется. Лучшего не покажут и в театре Друрилейн в нашем славном Лондоне. Не хватает только балета!

Казалось, что таинственная всемогущая сила решила исполнять желания англичанина. Едва его губы успели прошептать последнюю фразу, как несколько баядерок вбежали в комнату с танцами, которыми так славится Восток.

Прозрачность костюмов открывала пластическую красоту их тел, достойных сравнения с античными статуями. Баядерки образовывали очаровательные группы, временами оставаясь почти неподвижными, иногда же их танец состоял только из быстрых чувственных движений

стана и ног.

Англичанин с удивлением и восторгом наблюдал это зрелище, тихо говоря:

— Мне следовало бы аплодировать, но боюсь... ведь я могу проснуться, а тогда прощай наслаждение.

Неожиданно свет серебряных ламп стал гаснуть, музыка затихла, баядерки исчезли, стена будуара стала на прежнее место.

«Неужели они танцевали только для меня? — подумал англичанин. — Да и какой конец будет у моего сна? Не сойдет ли ко мне принцесса Бадрульбудур? Или королева Анна? Ах, эти восточные сказки!..»

В этот момент приподнялась одна из портьер и в будуар вошла женщина, одетая в восточный костюм; бархатная полумаска скрывала часть ее лица.

Тонкая и гибкая талия таинственной женщины, прелестные руки, плечи, как будто изваянные из мрамора, свидетельствовали о ее молодости и красоте. В течение нескольких секунд она стояла на пороге. Можно было подумать, что застенчивость мешала ей идти дальше.

— Ах! — воскликнул англичанин. — Какое чудное видение! Ну почему это только сон? Я бы отдал год жизни, чтобы этот сон превратился в действительность!

Он не успел окончить этой фразы, как незнакомка, преодолев свою нерешительность, приблизилась к дивану и спросила:

— Как тебя зовут?

Англичанин встрепенулся.

«Как мне быть? — подумал он. — Должен ли я отвечать? Разговор с призраком?! Едва я открою рот — и видение исчезнет. А это будет так досадно...»

— Почему ты молчишь? — продолжала таинственная незнакомка. — Сегодня ночью ты мой гость, и я имею право знать имя человека, которому оказываю гостеприимство.

Англичанин наконец решился:

— Меня зовут Джордж Малькольм.

V. СЦЕНА ИЗ ИНДИЙСКОЙ СКАЗКИ

(продолжение)

— Джордж Малькольм, — прошептала незнакомка, — мне кажется, я уже слышала это имя. — Потом спросила: — Ты англичанин?

— Да, сударыня...

— Дворянин?

— Один из моих предков сражался рядом с Робертом Брюсом.

— Когда ты выехал из Англии?

— Два месяца тому назад.

— Что привело тебя в Индию?

— Желание моего отца, к которому я еду.

— Как зовут твоего отца?

— Сэр Джон Малькольм.

— Какую должность он занимает?

— Он главный судья в Бенаресе.

Незнакомка тихо прошептала:

— Джон Малькольм! Главный судья! Опасный сыщик! Я не ошиблась, так как действительно слышала это имя...

Наступило молчание. Потом незнакомка продолжала:

— Что ты думаешь о своем присутствии здесь?

— Вы требуете откровенного ответа? — с улыбкой спросил молодой англичанин.

— Конечно.

— Я думаю, что нахожусь во сне и только от вас зависит сделать его еще прекраснее.

— Что я должна для этого сделать?

— Снять маску, скрывающую ваше прекрасное лицо.

— Почему ты решил, что я красива? Ты можешь ошибиться.

— О нет, сударыня, я не ошибаюсь. Я очень волнуюсь, находясь рядом с вами.

Незнакомка улыбнулась:

— Ты говоришь это всем женщинам!

— Я не говорил этого ни одной женщине.

— И ты никогда не любил?

— Нет.

— Ты ведь не знаешь меня...

— Я восхищен вами...

Джордж Малькольм — ничто не мешает нам называть его этим именем — приподнялся с дивана и, схватив руки незнакомки, страстно поцеловал их.

— Сударыня, — продолжал он, — заклинаю вас, снимите маску. Позвольте мне взглянуть на ваше лицо! Разрешите мне обожать вас!

— Даже рискуя лишиться твоего обожания, я не могу исполнить того, чего ты желаешь: я не сниму маску...

— Но почему?

— Не хочу!

Последние слова были произнесены твердым, повелевающим голосом. Но потом, чтобы смягчить резкость, незнакомка прибавила:

— Если моя маска не пугает тебя, Джордж Малькольм, мы можем поужинать с тобой... Согласен?

— Еще бы! — ответил Джордж. Это новое дополнение к необыкновенному сну чрезвычайно изумило его. «Говорить во сне, брать руки женщины и целовать их — куда ни шло. Но ужинать!» Он ничего не мог понять и был убежден, что все это видит во сне, так как хорошо помнил, что, разбитый усталостью, заснул в храме бога Шивы.

В то время когда молодой человек раздумывал о необычности и странности своего положения, незнакомка отошла от него на несколько шагов и хлопнула в ладоши.

Тут же появились четыре негра в экстравагантных нарядах из пунцового атласа, окаймленного золотом, несших отлично сервированный стол. Положив по обе стороны от него подушки, они удалились.

— Джордж Малькольм, — сказала незнакомка, — окажи честь отужинать со мной...

«При первом же моем движении, — подумал англичанин, — все исчезнет».

Тем не менее, считая неприличным заставлять даму ждать, он поднялся с дивана и с крайним изумлением почувствовал, что хорошо стоит на ногах, как если бы это было наяву.

Незнакомка, взяв его за руку, подвела к подушке и заставила сесть, а сама села напротив.

Стол буквально ломился от всевозможных кушаний. Блюда, находившиеся на нем, окружали десерт, состоявший из лучших европейских и индийских фруктов. Французские, испанские и немецкие вина были перемешаны с кипрскими.

— Я буду угощать тебя, Джордж Малькольм, — сказала незнакомка, кладя ему на тарелку крылья фазанов. Потом, наполнив стаканы вином, прибавила: — Попробуй вот этого хереса 1789 года.

Джордж Малькольм медленно проглотил драгоценную влагу и почувствовал, что она, пробежав по его жилам, разогрела кровь и заставила сильнее биться сердце.

Ужин, начавшийся таким образом, окончился необыкновенно весело. Наш герой показал себя светским человеком, образованным, веселым, остроумным. Он ел, как любой другой проголодавшийся путешественник, пил, как пьет англичанин, знающий, что его голова крепка и застрахована от опьянения, чтобы не ударить лицом в грязь.

Таинственная незнакомка ни в чем не уступала ему и отвечала на все с пикантной оригинальностью.

Постепенно под влиянием вин и сладостных мелодий их разговор принял любовное направление.

«Сон, начавшийся так хорошо, не может плохо окончиться, — подумал Джордж Малькольм. — Посмотрим, что еще готовит мне моя счастливая звезда».

Он подошел к женщине, взял ее руки и горячо поцеловал их.

Была полночь, когда Согор, как мы уже рассказали, исполняя поручение прекрасной женщины, похитил Джорджа Малькольма из круглой комнаты в храме Шивы.

Мы просим читателя последовать за нами в ту самую комнату на следующую ночь, через сутки после похищения молодого англичанина.

Там мы снова находим Стопа и Казиль. Действие наркотической жидкости было таким сильным, что лакей ни разу не проснулся. Казиль же, сидя на подушках, служивших Джорджу Малькольму в течение какого-то часа постелью, бодрствовал. Его лицо выражало сильное беспокойство, а развитый слух пытался уловить малейший шум.

Хотя факел, взятый у масалчия, погас, круглая комната не была погружена в темноту. Безоблачное небо было усеяно множеством ярких звезд. Серебряный диск луны также освещал своими бледными лучами вековые развалины...

Вдруг Казиль, сделав быстрое движение, встал. Он услышал крик совы, доносившийся из подземелья храма.

— Вот они, — прошептал Казиль. — Что же будет? Сын человека, которому я обязан жизнью, в их руках. Я боюсь за своего господина...

И Казиль ждал, едва переводя дыхание. Спустя несколько минут уже

известная нам плита приподнялась и появился Согор, неся на руках крепко спящего англичанина.

Лицо Казилья посветлело, и радость сверкнула в его черных, глубоких глазах.

Согор положил Джорджа Малькольма на подушки из паланкина, потом, указав на Стопа, спросил:

— Этот человек не просыпался?

Казилья покачал головой:

— Нет...

— Хорошо, — отвечал индус, — я на это и рассчитывал.

Затем, вытащив флакон, он поднес его к ноздрям спящих и, повернувшись к Казилью, сказал:

— Через минуту они оба проснутся.

VI. ПРОБУЖДЕНИЕ

— Что мне теперь делать? — спросил Казиль.

— То же самое, что бы ты делал вчера, не случись грозы. Ты должен проводить этого англичанина в Бенарес, — отвечал Согор.

— Что мне отвечать на расспросы?

— Ты ничего не видел, не слышал, знаешь только, что эти люди долго спали.

— Повинуюсь...

— Очень хорошо... Сыны Бовани всегда слушаются и никогда не возражают.

Сэр Джордж и Стоп зашевелились. Согор бросился к проходу, и сдвинутая им плита стала на место.

Прошло минут пять. Господин и лакей открыли глаза. Взгляд Джорджа устремился на стены круглой залы, он узнал мрачный купол, странные барельефы. Безграничное удивление было на его лице.

— Неужели я действительно все это видел только во сне? — прошептал он.

Стоп, потирая бока, в свою очередь ворчал:

— Черт бы побрал эту Индию! Проклятый храм оказался сырее самого мерзкого погреба. Я, конечно, хорошо спал, но зато тело у меня разламывается, как будто я всю зиму охотился в Нортумберленде! Желудок же совершенно пуст, и страшно хочется есть.

Сэр Джордж встал с подушек и, подойдя к выходу, соединявшему круглую комнату с развалинами, посмотрел во двор, приняв бледный свет луны за рассвет.

— Мы спали долго, — сказал он, — уже наступает утро.

— Вы ошибаетесь, — ответил молодой индус. — Сегодня очень лунная ночь.

— Что ты говоришь?! — вскричал англичанин. — Значит, ночная гроза быстро прошла?

— Еще вчера, господин...

— Вчера? Я не понимаю тебя.

— Мы здесь находимся уже целые сутки. Ночь сменилась днем, а день ночью.

— Это невозможно! — воскликнул Джордж.

— Я говорю правду, господин! Вы оба спали, и ваш сон был настолько

глубок, что я не осмелился разбудить вас.

— Я уверен в этом, ваша честь! — подтвердил Стоп. — Теперь мне понятны судороги в желудке. Не есть в течение двадцати четырех часов. Я умираю с голоду. Пусть ваша честь спросит у своей совести, то есть, я хочу сказать, у желудка. Он должен чувствовать то же самое, что и мой, так как ваша честь постилась столько же времени, сколько и я.

— Вот ты и ошибаешься, — возразил Джордж, внимательно глядя на Казиля и изучая его.

— Ваша честь изволили завтракать?

— Нет, но зато я ужинал.

— А! Когда же это?

— Прошлой ночью.

— И где же?

— Не знаю.

— Ваша честь шутит! Ваша честь насмехается надо мной!

— Никогда в жизни я не был так серьезен.

— Но тогда, значит, вы не все время спали?

— Может быть... Что нам скажет по этому поводу Казиль?

В течение всего разговора господина со слугой лицо молодого индуса оставалось безразличным. Можно было подумать, что он ничего не слышит.

Когда же сэр Джордж прямо обратился к нему, он ответил:

— С тех пор, как вы уснули, я бодрствовал и видел, что ваши веки во время сна ни разу не приподнялись.

Это было сказано Казилем таким убедительным и чистосердечным тоном, что молодой англичанин почувствовал тут же, как рассеялись его последние сомнения.

— Мне все приснилось! — разочарованно сказал он.

Любопытство заставило Стопа наострить уши. Подойдя к господину, он спросил:

— Как, ваша честь видела сон?

— Да.

— Приятный?

— Восхитительный!

— Вероятно, ваша честь ужинала, и ужинала так хорошо, что не чувствует голода? Со мной, к несчастью, не случилось ничего подобного.

— Я действительно находился в стране чудес...

— Так вам приснилось еще что-то?

— Конечно.

Казиль, внешне спокойный, слушал рассказ с еще большим любопытством, чем Стоп, зная, что предполагаемый сон Джорджа Малькольма происходил в действительности.

— Во сне я ужинал не один.

— Наверное, Бог послал вам веселого собеседника?

— Собеседника? Нет. Собеседницу...

— О! Это еще лучше. И хорошенькую?

— Необыкновенно прекрасную... Впрочем, я могу только догадываться, потому что на ее лице была черная бархатная маска, которую она отказалась снять, несмотря на все мои просьбы.

— Странное упрямство! Такое я видел однажды, и то лишь в парижской опере... Ну и как вела себя дама?

— Я поклялся ей в любви; и клянусь честью дворянина, в ту минуту я говорил от всего сердца.

— Такое бывает после ужина. Все знают, что такие обещания ни к чему не обязывают!

Джордж Малькольм засмеялся.

— Уж не принадлежишь ли ты, Стоп, к числу ловеласов?

— Да нет. Не совсем. Но каждый раз, когда мы бывали в Лондоне, дамы очень меня баловали.

Затем, немного выждав, Стоп спросил:

— И дама в черной маске поверила клятвам вашей чести?

— По крайней мере внешне.

Стоп приложил палец правой руки к левому глазу и лукаво произнес:

— Ну а потом?

— Потом я почувствовал, что непреодолимый сон овладевает мной... голова закружилась, и я потерял сознание... Если случившееся со мной было сном, то и теперь вряд ли я бодрствую.

— О, ваша честь не спит сейчас, так же как и я! — вскричал Стоп. — Можно смело поклясться в этом!

— Но как объяснить это странное явление... этот длительный сон, овладевший нами обоими?

Джордж Малькольм опять повернулся к Казилью:

— Известны ли тебе подобные случаи?

— Да, господин. Гроза часто оказывает подобное действие на впервые приехавших в нашу страну.

У Джорджа Малькольма не было причин подозревать молодого индуса во лжи, и поэтому он поверил ему.

— Надеюсь, ничто не сможет помешать нам продолжать путь?

— Конечно, господин. Люди отдохнули, погода хорошая, ночь светлая, а дороги сухи. Еще до восьми утра мы будем у цели.

— И я скоро обниму отца и брата! — прошептал Джордж.

— А я отлично пообедаю, — добавил Стоп, — а пока покрепче затяну ремень.

Казиль собрал подушки, и наши герои направились к индусам, которые, сидя на земле, терпеливо ожидали их.

Луна освещала уступы гор, вдали виднелся спавший Бенарес, а за ним, подобно громадному змею с серебристой чешуей, извивался Ганг.

Казиль издал гортанный крик, сообщая о приближении господина. Индусы вскочили, масалчий зажег факел, худая лошадь Стопа была оседлана.

— Господин, — сказал Казиль, положив в паланкин подушки, — все готово, входите!

— Нет, — отвечал сэр Джордж, — мои руки и ноги оцепенели от длительного сна, я пойду пешком. Дай знак — и в дорогу!

Караван двинулся. Носильщики шли впереди, за ними следовали молодой англичанин с Казилем, а Стоп по обыкновению замыкал шествие.

Продвигались быстро и молча. Казиль говорил только тогда, когда его спрашивали, а Джордж Малькольм, ушедший в воспоминания о странном сновидении, не произносил ни слова. Наконец он решил отогнать навязчивые мысли, подозвал Казиля и спросил:

— Ты несколько раз упоминал, что мой отец, сэр Джон Малькольм, спас тебя от смерти?

— Да, господин, это правда.

— Расскажи мне, пожалуйста, как это случилось.

— Мне приятно повиноваться вам, так как сердце мое сильнее бьется при мысли о сэре Джоне Малькольме.

VII. РАССКАЗ КАЗИЛЯ

— Это случилось два года тому назад, мне уже исполнилось двенадцать лет. Однажды я вздумал пойти поудить рыбу...

— Карпов?

— Мы не так ее называем, — ответил Казиль. Затем, произнеся какое-то странное название, продолжал: — Эта рыба водится около берегов, покрытых лесами. В особенности ее много в Ганге около Рамгаратского леса, в трех милях от Бенареса...

Имея при себе удочку и мух, я покинул Бенарес на рассвете и через два часа был уже на месте. Не отдыхая ни минуты, принялся удить рыбу, но она не шла.

Тогда я отправился вдоль берега найти место получше, но все было напрасно. Вскоре я обнаружил около одного дерева рыбацкую лодку. Мне пришло в голову воспользоваться ею. Недолго думая, я сел в лодку и поплыл на середину Ганга. Уж там я порыбалил! Два или три часа прошли незаметно, рука моя устала, и я решил вернуться в Бенарес.

И в тот момент, когда я собирал улов, лодка вдруг обо что-то ударилась. Я оглянулся и подумал, что это бревно. Но обман длился недолго: передо мной появилось страшное чудовище, с громадной головой, острыми зубами и круглыми глазами, взгляд которых я никогда не забуду. Это был самый ужасный обитатель Ганга — кайман.

Я редко испытываю страх, господин. И хотя тогда я был совсем ребенком, мне не раз уже пришлось встретиться лицом к лицу с опасностью. Но тут, признаюсь, увидев рядом с собой такое чудовище, которого индусы боятся больше всего, я задрожал.

— Мне кажется, — прервал его сэр Джордж, — и самый храбрый человек не сохранил бы хладнокровия и присутствия духа, оказавшись на твоём месте.

— Однако я не совсем потерял голову, — продолжал Казиль, — и решил спастись бегством, бросив кайману свою удочку. Пока кайман грыз ее, я схватил весло и, напрягая все силы, начал грести к берегу.

Кайман погнался за мной. Опасность придает силы, и вначале мне казалось, что я оторвался от него. Но тут я остался без весла. Чудовище схватило его после того, как покончило с удочкой.

Джордж Малькольм даже вскрикнул, тем самым показав, насколько рассказ мальчика взволновал его.

— Без весла о бегстве нечего было и думать, — продолжал Казиль, — мне оставалось только ожидать смерти... Я стал на колени и призвал на помощь Вишну — бога-создателя, доброго бога, врага Шивы — бога зла...

Лодка колыхалась на беспокойных водах Ганга, кайману ничего не стоило перевернуть ее, но вдруг чудовище нырнуло и исчезло. Я считал себя уже спасенным и благодарил Вишну за услышанную молитву, когда мой враг снова показался над водой. Не мешкая ни минуты, он бросился на лодку и опрокинул ее. Все это произошло мгновенно, значительно быстрее, чем длится мой рассказ. Я очутился в реке и, хотя плаваю неплохо, хорошо понимал, что избежать зубов каймана не смогу и меня уже ничто не спасет. Однако, несмотря на такую прискорбную уверенность, инстинкт самосохранения одержал верх. Схватившись за киль, я начал кричать душераздирающим голосом. Удивленный кайман вертелся вокруг меня, испуская зловонный запах мускуса, брызгая своим длинным хвостом и с каждым мгновением приближаясь ко мне.

Я продолжал отчаянно кричать, и кто-то услышал мой зов о помощи и теперь кричал мне: «Мужайся, я спасу тебя!»

Сознание того, что я не одинок, вернуло мне силы. Оглянувшись, я увидел на берегу человека, сидящего верхом на лошади, безуспешно пытающегося заставить ее войти в реку. Лошадь сопротивлялась, поднималась на дыбы, и казалось — вот-вот опрокинется на спину. Борьба между человеком и животным длилась несколько минут. Наконец незнакомец одержал победу. Усмиренная лошадь вошла в реку и, направляемая железной рукой, быстро приближалась ко мне.

Кайман, увидев новую добычу, более достойную его аппетита, бросил меня и направился к смельчаку. Всадник ожидал чудовище, которое сразу же бросилось на него. Он вонзил кинжал в пасть так, что побежденный кайман уже не мог закрыть ее. Затем мой спаситель вытащил пистолет и выстрелил в чудовище, которое сразу же погрузилось в воду, но вскоре всплыло на поверхность кверху брюхом. Солнце осветило белую кожу его живота и серебристую чешую...

Кайман погиб! Господин подплыл ко мне... Я почувствовал, что силы покидают меня, глаза закрываются, а сердце перестает биться.

— Ты спасен, мой мальчик! — сказал незнакомец таким добрым, ласковым голосом, что силы вновь вернулись ко мне. — Ничего не бойся, поедem со мной!

Сказав это, он взял меня на руки, посадил на лошадь и вернулся на берег.

Казиль помолчал некоторое время, потом отер рукой слезу, застывшую на его длинных ресницах, и прибавил:

— Господин, всадник, рисковавший жизнью для спасения незнакомого ребенка, не принадлежащего к его племени и религии, был сэр Джон Малькольм, ваш отец!

— Мой благородный отец! — прошептал молодой англичанин. — Он настоящий герой! Он считает самопожертвование самым естественным делом!

— Теперь вы можете понять, как сильно я люблю его, — продолжал Казиль, — и всех, кто ему дорог.

— Казиль, — спросил Джордж, — жива ли твоя мать? Индус отрицательно покачал головой.

— А отец?

— Нет, господин.

— Есть ли у тебя кто-либо из родных?

— Никого!

— Как? Ты — сирота, один во всем мире?

— Да, господин, я сирота, никто никогда не любил и не любит меня, кроме вашего отца. Я, в свою очередь, люблю только его и близких ему людей.

— Если хочешь, мы больше не расстанемся.

Казиль опустил голову и не отвечал.

— Неужели возможность жить рядом со мной, в доме моего отца и брата, пугает тебя? — спросил Джордж.

— О нет, господин! — вскричал Казиль.

— Значит, ты боишься потерять свободу. Но ты напрасно беспокоишься, ты будешь для нас скорее другом, чем слугой.

— Господин, меня не это беспокоит.

— Что же?

— Беру в свидетели богов, что я был бы счастлив жить рядом с вами, но я не свободен.

— Не свободен?

— Да.

— Ты принадлежишь кому-нибудь?

— Да.

— Кому?

— Этого я не могу сказать.

— Почему же?

— Я связан клятвой!

VIII. ДОЛГОЖДАННАЯ ВСТРЕЧА

Джордж Малькольм хотел настаивать, но Казиль, догадавшись о его новых вопросах, опередил его:

— Да, господин, я поклялся хранить тайну! Вы хотите спросить меня о секретах, которые мне не принадлежат. Не спрашивайте меня об этом, умоляю вас, так как я не могу отвечать вам!

— Сохрани свою тайну так же, как и свою свободу, — ответил Джордж. — Ты не можешь быть со мной. Очень жаль, так как я любил тебя!

Невольный вздох Казилия был красноречивым ответом.

В течение целого часа англичанин шел рядом с индусом, расспрашивая его о нравах, обычаях страны, восхищаясь ясными и четкими объяснениями, которые давал ему Казиль, проявивший ум и наблюдательность.

Мало-помалу луна опустилась к горизонту и вскоре совершенно скрылась за скалами. Поднялся северный ветер; теплота первой половины ночи сменилась пронизывающим холодом, предвестником зари.

Джордж, приказав Казилю дать знак остановиться, расположился на подушках паланкина, закутавшись в мягкие складки дорожного одеяла, и караван снова двинулся вперед.

Тихо качиваемый, молодой человек вскоре задремал, что, естественно, позволило ему снова вызвать воспоминание о прелестном видении прошедшей ночи.

Он и не заметил, как прошло время, и сильно вздрогнул, когда Казиль, отдернув занавески, сказал ему:

— Господин, мы приближаемся к Бенаресу, посмотрите на город...

Уже наступил день. Джордж Малькольм тотчас же встал и устремил взгляд на восхитительную панораму, представшую перед его глазами.

Первые лучи восходящего солнца бросали красноватый свет на крыши храмов, зданий, многочисленных башен индийского города, занимавшего огромное пространство по обе стороны священной реки. Изумительный вид совершенно заворожил Джорджа Малькольма на некоторое время, потом, повернувшись к Казилю, он сказал:

— Покажи мне квартал, где расположен дом моего отца.

Казиль, указывая рукой на отдаленное предместье, ответил:

— Он живет там.

— Но то место, на которое ты показываешь, скорее похоже не на город, а на деревню.

— Дом сэра Джона Малькольма находится действительно почти в деревне. Главный судья предпочитает стены из зелени стенам из кирпича. С высоты веранды он может обозревать обширные сады с их чудными цветами.

— Мой отец остался таким же, каким был и прежде: он любит цветы и зелень.

Помолчав, Джордж спросил:

— Мы скоро прибудем?

— Примерно через полчаса, господин.

— Поспешим же, Казиль, поспешим! Ты понимаешь, как мне хочется поскорее обнять своего отца?

Казиль кивнул головой, и они пошли так быстро, что намного опередили носильщиков, а Стоп, чтобы догнать их, вынужден был пустить лошадь рысью.

Минут через двадцать наши путешественники уже шли вдоль забора из бамбука.

— Эти сады принадлежат вашему отцу, господин, — сказал Казиль.

Джордж приложил руку к сильно забившемуся сердцу, побежал, желая хоть на минуту ускорить свидание с родными. Он быстро достиг калитки и бросился в сад, крича взволнованным голосом:

— Отец! Брат! Я здесь!

Джордж находился возле очаровательного павильона, окруженного корзинами цветов, прекрасных как для глаз, так и для обоняния.

Едва молодой человек произнес свои восклицания, как два голоса, слившихся воедино, ответили ему, и из павильона выбежали два человека.

— Отец... Брат... Вот теперь мы вместе... Дайте мне посмотреть на вас, ведь мы так давно не видели друг друга, — говорил Джордж.

И он устремил на старика и молодого человека влажные глаза, блестящие сыновней и братской любовью.

Мы назвали отца молодых людей стариком, но это выражение плохо передает нашу мысль и может обмануть читателя. Если Джон Малькольм и был стариком по летам (ему уже исполнилось шестьдесят), то, взглянув на него, любой человек понял бы, что его тело и душа вполне сохранили свежесть зрелого возраста. Густые, когда-то белокурые, а теперь седые волосы окаймляли лицо, почти не имевшее морщин и покрытое румянцем. Высокий рост и худощавое сложение сохранили ему гибкость.

Главный судья действительно был таким, каким его представил Казиль

в своем рассказе: способным броситься на лошади в волны Ганга для того, чтобы избавить от ужасной смерти несчастного ребенка.

Физиономия сэра Джона Малькольма запоминалась с первого взгляда и не могла не внушить к себе почтительного уважения. Его лицо со следами былой красоты выражало непреклонную волю. Большой, высокий лоб свидетельствовал о богатой натуре и глубокомыслии. Задумчивый взор, казалось, проникал в глубину души, раскрывая самые сокровенные человеческие тайны. Ласковая улыбка часто появлялась на его губах, но хорошо очерченные линии рта представляли неопровержимое доказательство решимости и твердости его характера.

Эдуард Малькольм был красивым молодым человеком около двадцати пяти лет и представлял собой живой портрет матери, умершей, когда он был еще совсем маленьким. Эдуард не был похож ни на отца, ни на брата. Но его черные глаза, черные волосы и бакенбарды придавали необыкновенный шарм его привлекательному бледному лицу.

— Ах, батюшка, как я счастлив! — восклицал Джордж. — В течение шести лет океан разделял нас. Но эти шесть лет, благодарение Богу, не оставили следов на вашем лице. Тяжелый климат Индии пощадил вас.

— Мальчик мой, — шептал Джон Малькольм, снова и снова целуя сына. — Я принял на себя очень важное, громадное дело! Надеюсь, Бог сохранит мне силы до его окончания. Тогда, если Он и призовет меня к Себе, я отойду в иной мир без сожаления, со словами: «Господи, да будет воля Твоя!»

Джордж, взяв руку отца, почтительно поцеловал ее.

— Если бы все люди походили на вас, то человечество было бы счастливо!

Потом, повернувшись к брату, прибавил:

— Тебя же, милый Эдуард, я оставил почти ребенком, а теперь ты настоящий мужчина. Если бы ты знал, как я счастлив видеть тебя таким. Меня охватывает радость, когда я сжимаю твои руки в своих и когда могу произнести: брат мой, пусть из двух душ составится одна душа, пусть из двух сердец составится одно сердце!

Эти излияния Джорджа были прерваны появлением Стопа и Казилья.

Лакей сэра Джорджа соскочил с лошади и бросился к господам. Казиль же считал, что лучше оставаться в стороне и не мешать своим присутствием первому свиданию родственников.

Стоп хорошо знал сэра Джона и сэра Эдуарда, питал к ним, как и к своему господину, фанатичную любовь. Увидев их, он не знал, что делать от радости; восторженные фразы, громкие восклицания, скорбные жалобы

на Индию, ее климат и жителей так и сыпались из его уст.

Джордж остановил его.

— Стоп, — засмеялся он, — хватит на сегодняшний день, продолжение оставь на завтра!

Лакей, приняв важный, серьезный вид, отошел.

— Твой пустой желудок стонал всю ночь и просил пищи, — продолжал Джордж, — ты должен в данный момент умирать с голоду. Пойди на веранду, мой друг, и вели подать себе завтрак; выпей за наше здоровье бутылочку вина, отец разрешает!

Эти слова вернули улыбку на лицо Стопа. Ему не требовалось дважды напоминать о пустом желудке, и он быстро направился к дому с целью вознаградить себя за потерянное время.

В этот момент Джон Малькольм заметил Казиля и сделал ему знак подойти.

— Благодарю, дитя мое: ты привел мне сына целым и невредимым и этим заплатил мне долг, теперь мы квиты!

— Господин, — прошептал Казиль, став на одно колено перед стариком и по индусскому обычаю положив его руку на свою голову, — я обязан вам жизнью и до тех пор, пока не пролью свою кровь за вас, останусь вашим должником...

— Кто знает, дитя мое, — возразил сэр Джон, — кто знает, что готовит нам будущее. Не исключено, что скоро настанет день, когда мы будем нуждаться в твоей преданности. И тогда, я надеюсь, мы найдем тебя, не так ли?

— Я буду с вами в тот день, господин! — поспешно заверил Казиль.

Джон Малькольм с Эдуардом ввели Джорджа на веранду и проводили в тщательно убранные комнаты, обычно предназначавшиеся для самых дорогих гостей. Это были комнаты с широкими окнами, украшенными индийскими шторами, пропускавшими свет и в то же время рассеивающими солнечные лучи, с паркетным полом и бамбуковой мебелью.

Джордж Малькольм, следуя английскому обычаю, прежде всего умылся, разогнав остаток усталости; затем, переменяв одежду, спустился с Эдуардом к отцу, ожидавшему их в столовой, где был накрыт стол с самыми изысканными кушаньями.

Усевшись за стол, Джордж почувствовал аппетит, не уступающий аппетиту Стопа. Он отрезал кусок сочного бифштекса, потом ветчины. Утолив голод, откинулся на спинку кресла и сказал:

— Ну вот, теперь можно и поговорить.

— Сын мой, — сказал Джон Малькольм, — у меня давно уже вертится на языке вопрос.

— Какой, батюшка?

— Почему ты явился к нам только сегодня? Согласно донесению Казилья я ждал тебя вчера и уже начал беспокоиться, намереваясь сегодня утром идти с Эдуардом тебе навстречу... Что же явилось причиной опоздания?

Джордж улыбнулся.

— Милый батюшка, — ответил он, — вы не ошиблись! Я действительно еще вчера должен был быть у вас. Но странное приключение, непонятное для меня, помешало быть у вас вовремя.

— Какое приключение?

— Сон, длившийся сутки!

Сэр Джон сделал жест удивления. Джордж продолжал:

— Да, батюшка, я спал ровно двадцать четыре часа, и к тому же в непригодном для сна месте.

— Где же это?

— В развалинах храма Шивы, на горе Беома.

— В развалинах храма Шивы? — переспросил отец.

— Да, батюшка.

— Как ты попал туда?

— Сильный ураган вынудил меня искать убежище. Там я и заснул.

— И спал сутки?

— Да... Заснув в одиннадцать часов вечера, я проснулся примерно в то же время на следующую ночь.

— Странно. А что было со Стопом?

— Спал так же, как и я.

— А Казиль?

— Думаю, что и он спал, как и мы, хотя он уверяет меня, что не смыкал глаз.

— Что же делали носильщики в течение этого долгого сна?

— Они ожидали, пока мы проснемся.

— Рядом с вами?

— Нет. Ничто в мире не могло заставить их войти в развалины храма, настолько силен был их страх.

— И ничто не потревожило эту летаргию?

— Ничто, кроме приятного сновидения... И если бы у меня была надежда, что сон повторится, я бы променял его на самую прекрасную действительность.

- Вероятно, в этом сновидении была женщина?
- Да, бабушка...
- Ты хорошо запомнил этот сон?
- Малейшие подробности запечатлелись в моей памяти.
- Тогда расскажи его мне, ничего не прибавляя и не убавляя.
- Рассказать? Зачем?
- Об этом ты узнаешь позднее. А теперь рассказывай!

IX. ОТЕЦ И СЫН

Джордж никак не мог понять желания отца. Напрасно спрашивал он себя, почему отца так заинтересовал его сон. Однако, подчиняясь этому желанию, он рассказал все, с подробностями, уже известными нашим читателям.

Джон Малькольм выслушал его с большим вниманием и, когда он закончил, спросил:

— Если я правильно понял, женщина была в маске?

— Да, батюшка...

— Ты несколько раз просил ее снять маску, но получал отказ?

— Да...

— Не помнишь ли ты, какой последний поступок этой женщины был в твоём сне?

— Она дала мне понюхать платок с острым и резким запахом.

— Ага! — вскричал Джон Малькольм. — Я был в этом уверен.

— В чем уверены, батюшка? — спросил Джордж, сильно заинтересовавшись.

— В том, что ловкая женщина усыпила тебя одним наркотиком, который в соединении с местными трапами широко распространен до сих пор в Индии.

Джордж улыбнулся.

— Женщина, о которой вы говорите, существовала только в моем воображении. Это был только сон, иллюзия...

— Мальчик мой, — улыбувшись, ответил судья, — иллюзия существует только в твоём воображении. Ты оказался в руках ловких людей, которые заставили тебя поверить, что это был сон.

Джордж устремил на отца удивленный взгляд.

— У меня оказались достойные противники! — продолжал старик. — Они одарены огромной силой воли. Они очень сильны! Все это не было сном, дитя мое. Твое приключение произошло на самом деле. Таинственная женщина в маске существует. Я давно ищущу ее, потому что подобные приключения случались не только с тобой.

— Неужели? — пробормотал Джордж с удивлением, которое легче понять, чем описать.

— Да, — продолжал Джон Малькольм. — Немало наших молодых людей воображали себя попавшими в рай на один час...

— Как?! — вскричал Джордж. — Неужели на самом деле существует богатая, могущественная женщина, удовлетворяющая без малейшего стыда свои странные минутные капризы?

— Почему бы и нет?

— Это чудовищно!

— Свет полон чудовищных дел! Вспомни школьные уроки истории, вспомни о мрачной Нельской башне. Там царица завлекла в свой замок красивых молодых людей и тоже носила маску. А ее любовь оканчивалась убийством. Кровь после оргии! Благодарение Богу, индийская Маргарита Бургундская менее кровожадна и жестока. Она не убивает своих любовников, а только усыпляет их.

— Выходит, что это был не сон? — прошептал Джордж Малькольм.

— Конечно.

— Эта женщина необыкновенно хороша... — сказал молодой человек и прибавил еле слышным голосом: — Мне бы очень хотелось снова увидеть ее!

Судья сделал порывистое движение.

— Ты не можешь ее любить! Ты даже не видел ее лица!

— Да, конечно. Но в ней есть что-то очаровывающее...

— К счастью, ты ее больше не увидишь.

— Кто знает...

— Эта вся чертовщина пройдет, когда ты увидишь Марию Бюртель, которая, я надеюсь, станет твоей женой. Тогда ты поймешь, что твое счастье и судьба находятся возле очаровательной, чистой и кроткой женщины, принадлежащей тебе не только телом, но и душой! Очень скоро, через несколько дней, она и ее сестра Эва, невеста твоего брата Эдуарда, приедут сюда. Они — мои воспитанницы. Сейчас они гостят у своей родственницы Юдифи Бюртель, прекрасной женщины...

— И вы думаете, я люблю Марию?

— Чтобы не любить ее, нужно быть слепым и глухим. Красота этой молодой девушки овладеет твоим сердцем, будь оно даже из мрамора. И ты не ошибешься, женившись на ней. Но постарайся освободить свое сердце и забыть о мнимом сне.

— Батюшка! Мне пришла в голову мысль... Вы доверяете Казилю?

— Конечно.

— Тогда вы должны согласиться: если мое приключение происходило не во сне, то Казиль не заслуживает вашего доверия.

— Почему?

— Потому что он непременно должен был стать сообщником

таинственной незнакомки: меня не могли бы унести спящим из храма Шивы без его согласия.

— Смотри не ошибись! Если ты обвиняешь Казилья, то должен обвинить и Стопа.

— Почему?

— Разве Стоп, как и Казиль, не находился рядом с тобой?

— Да, но Стоп спал так же крепко, как и я.

— А почему не допустить, что и Казиль тоже задремал?

— Он сказал мне, что не спал.

Джон Малькольм пожал плечами.

— Казиль мог солгать, сам того не подозревая. Наркотик оказал на него такое же воздействие, как и на тебя, и на Стопа. Все это очень просто. Я знаю Казилья, он воплощение преданности. Признательная душа, честная и правдивая натура. Ничто не поколеблет моего доверия к нему.

Джордж был побежден.

Разговор между отцом и сыном продолжался, но тема переменялось. Нам здесь предстоит дать некоторые пояснения.

Семья Малькольмов происходила из древнего, знаменитого рода и обладала некогда громадным состоянием. Генри Малькольм, отец сэра Джона, вел веселую жизнь, у него было несколько сотен прекрасных лошадей, он проводил время на охоте, давал блистательные обеды для аристократии графства, был заядлым любителем прекрасного пола.

Но вот жена его умерла, сам он разорился и окончил жизнь на дуэли из-за прекрасных глаз балетной танцовщицы театра Друрилейн. Умирая, он оставил запутанное состояние и единственного двенадцатилетнего сына. Ребенка поместили в пансион, а юристы взялись поправить расстроенные финансы.

Мы знаем, как действуют такие люди. В Англии они поступают так же, как и во Франции. Под предлогом распутать дела они так их запутали, что через три года, после нескончаемых процессов, Джону Малькольму от состояния, оцениваемого примерно в триста тысяч годового дохода, остался только скромный доход в пятьсот фунтов стерлингов и маленький дом в Нортумберленде, в очаровательном и живописном местечке. Двенадцать тысяч дохода не считаются в Англии бедностью, но в то же время они недостаточны для жизни дворянина из хорошего дома.

Джон Малькольм, блистательно завершив учебу, решил, что ему необходимо сделать карьеру. Поэтому он бросился в лабиринт юриспруденции.

Обладая древним именем, он мог сделать партию и женитьбой

поправить свои дела, но подобная мысль даже не могла прийти ему в голову, потому что молодой человек безумно влюбился в прелестную девушку, достойную подобной любви, но не имевшую другого приданого, кроме красоты, ума и добродетели. Он женился на ней, и у них родилось двое детей: Джордж и Эдуард. Джон Малькольм был счастливейшим человеком до того дня, когда внезапная смерть похитила у него молодую жену. Казалось, он не перенесет удара и если не умрет, то, по крайней мере, потеряет рассудок.

И в самом деле, Джон Малькольм, чувствуя, что сходит с ума от отчаяния, хотел покончить с собой, чтобы соединиться с той, которую так сильно любил, но, к счастью, вовремя вспомнил, что он — отец: чувство долга одержало верх и вернуло его к жизни.

«Я буду жить для своих сыновей», — решил он.

С этого момента он очень много работает, и скоро его труды достойно вознаграждаются. Административный совет Ост-Индской компании предложил ему место главного судьи в бенаресской провинции. Всем известно, с какой поистине царской милостью одаряет Ост-Индская компания тех, кто преданно служит ей.

Джон Малькольм решил, что это предложение даст ему возможность за несколько лет сколотить надежное состояние для сыновей, и, даже не подумав о смертельных опасностях, которые ожидают всякого европейца в Индии, принял предложение. Поместив детей в колледж, он немедленно отправился к месту назначения.

Вернулся он через десять лет, взяв многомесячный отпуск. Старшему сыну Джорджу было тогда двадцать три года, а младшему Эдуарду — девятнадцать. Оба, окончив учебу, жили в замке Аусбюри, как настоящие дворяне, имея, благодаря отцу, все.

Джон Малькольм счастливо прожил с сыновьями около шести месяцев, и сердце его билось от гордости за своих красивых и сильных сыновей.

Когда наступило время отъезда, оба сына, не желая разлучаться с отцом, просили позволения сопровождать его.

Джон Малькольм, тронутый их привязанностью, чуть было не согласился на эту просьбу и едва не воскликнул: «Да, милые дети, мы больше никогда не расстанемся! Я беру вас с собой!»

Но, подумав о вредном индийском климате, эпидемиях, диких животных, о ненависти коренных жителей к иностранцам, он ответил:

— Я возьму с собой кого-нибудь одного. Другой же пока останется в Англии...

— Хорошо, — сказал Джордж, — я старший и потому последую за вами.

— Почему же не я, брат? — возразил Эдуард. — Будет большой несправедливостью учитывать возраст, который здесь не имеет значения.

И между братьями начался спор, длившийся бы до бесконечности, если бы им не пришлось в голову бросить жребий.

Случай благоприятствовал младшему, и Эдуард с восторгом закричал:

— Батюшка, я еду с вами!

Глаза Джорджа наполнились слезами.

— Мальчик мой, — сказал ему отец, взяв за обе руки, — наберись мужества и терпения: ты ненадолго останешься в Англии и скоро присоединишься к нам.

— Вы обещаете мне это? — с надеждой спросил Джордж.

— Клянусь тебе!

— И когда же это случится?

— Как только я получу уверенность в том, что климат и новые обычаи Ост-Индии не расстроят здоровья Эдуарда.

Через день после этой семейной сцены Джон Малькольм с младшим сыном сели на корабль, отправлявшийся в Индию.

Джордж, немного утешенный обещанием отца, продолжал вести в Аусбюри спокойную, однообразную жизнь деревенского дворянина, не забывая по нескольку часов в день отдавать изучению индусского языка по книгам, присылаемым отцом.

Прошло шесть лет. В течение этого времени несколько поездок в Лондон и четырехмесячное путешествие по Франции стали единственным развлечением Джорджа Малькольма.

Каждый месяц он получал письма от отца или Эдуарда. День, в который приходило ожидаемое послание в Аусбюри, был для Джорджа днем радости.

Однажды, в конце шестого года разлуки, Джордж собирался на охоту за зайцами. Уже были подготовлены собаки, и лошадь с нетерпением била копытами землю. Джордж поправил шпоры и, взяв хлыст с рукояткой из слоновой кости, приготовился выйти из комнаты, как внезапно вбежал Стоп, размахивая над головой письмом.

— Ваша честь, ваша честь, хорошая новость! Письмо оттуда.

«Оттуда» означало Ост-Индию.

Х. ТАЙНА СЭРА ДЖОНА МАЛЬКОЛЬМА

Сердце Джорджа забилося от радостного предчувствия.

Глядя на господина, Стоп с нетерпением и любопытством ждал объяснений.

— Мне кажется, если я не ошибаюсь, ваша честь получила приятную новость, — сказал он с почтительной фамильярностью слуги, которому многое доверяют.

— Ты не ошибся, мой добрый Стоп, — отвечал Джордж Малькольм, — я получил самую лучшую новость.

— Можно мне спросить у вашей чести...

— Что обрадовало меня? Ты сейчас узнаешь и поделишь мою радость! Через несколько недель я обниму батюшку и брата...

— Сэр Джон и сэр Эдуард возвращаются в Англию? — с живостью спросил Стоп.

— Как раз наоборот, — улыбнулся Джордж, — мы сами поедem к ним. Лицо Стопа сразу помрачнело.

— В Ост-Индию? — пробормотал он.

— Да, в Бенарес... Нас ждет прекрасное путешествие.

Стоп молчал, опустив голову.

— Но мысль об этом путешествии не должна делать тебя грустным.

— Все это так неожиданно...

— Не правда ли, приятный сюрприз?

— О, конечно, ваша честь; но нам так хорошо здесь жилось...

— Там нам будет еще лучше!

— Не смею противоречить вашей чести, но ведь переезд туда долог и сопряжен с такими опасностями... Да и кораблекрушения не так уж редки.

Джордж, строго взглянув на лакея, сказал:

— Если ты боишься ехать со мной, можешь спокойно оставаться здесь! Я не хочу, чтобы моим товарищем оказался человек, боящийся опасности и преданность которого ослабевает, как только приходит время доказать ее.

— Ваша честь прекрасно знает, что я последую за вами куда угодно, — возразил Стоп, делая над собой героическое усилие. — Чтобы не расставаться с вами, я готов стать под дуло пушки... Что же касается морской болезни, то я вынесу и ее.

— Вот теперь я узнаю тебя, мой добрый Стоп!

— Когда мы отправимся в дорогу, ваша честь?

— С первым кораблем, отплывающим в Калькутту. Я сейчас же пошлю письмо в Лондон за справками, а с завтрашнего дня начнем собираться в дорогу.

— Мои сборы будут недолгими, — прошептал с глубокой покорностью Стоп, выходя из комнаты, чтобы объявить остальным слугам о предстоящем скором отъезде таких важных личностей, как сэр Джордж и он.

Вот что содержалось в послании отца к Джорджу Малькольму: *«Пришло наконец время, милый мальчик, исполнить твое желание и согласиться на твой приезд в Индию. Советую тебе не пропустить корабль компании; я сгораю от нетерпения обнять тебя. Ты мне крайне необходим... Уже давно я принялся за таинственное священное дело. Я хочу привести в исполнение опасное намерение, известное только мне одному. Я приближаюсь к цели, по крайней мере, так думаю и надеюсь; но меня окружают многие трудности, невидимые враги; каждую минуту я могу пасть под ударом неизвестной руки. После смерти все сделанное мной может погибнуть... Это не должно случиться. Твой брат Эдуард слишком молод, чтобы заменить меня в случае необходимости. Из тебя же я хочу сделать преемника, передав окончание гигантского дела. После нас древнее имя Малькольмов не умрет, мы, может быть, упрочим владычество английской короны в Индии.*

Сделав тебе это признание, ты понимаешь, с каким нетерпением я ожидаю тебя. Каждый мой шаг вперед увеличивает опасность над моей головой... Итак, приезжай, сын мой, приезжай скорее, мой милый Джордж!

Молодой индус по имени Казиль, признательный и преданный мне, будет ждать тебя в Калькутте с паланкином и носильщиками. Он умен, неутомим и сумеет узнать тебя среди пассажиров английского корабля. Он будет твоим проводником; короче говоря, можешь во всем положиться на него.

До скорого свидания, мой Джордж. Все тебе кланяются; наши сердца радостно бьются примысли, что через несколько недель мы обнимем тебя.

Ожидающий и любящий тебя отец

Джон Малькольм».

Спустя неделю после получения письма Джордж и Стоп на великолепном корабле «Король Дагоберт» отправились в Калькутту. Переезд прошел благополучно, если не считать морской болезни, в течение всего времени путешествия мучавшей несчастного лакея.

Не успел корабль стать на якорь, как Казиль был уже на палубе и сразу узнал Джорджа. Последний пожелал два дня отдохнуть в Калькутте, а Казиль, воспользовавшись оказией, послал в Бенарес весть сэру Джону о скором приезде сына.

На третий день караван запасся провизией, Стоп приобрел для себя лошадь с длинной гривой, Джордж сел в паланкин и путешественники двинулись в путь.

Остальное уже известно читателям. Мы говорим о странном приключении на горе Беома, в развалинах храма Шивы, где таинственный дворец и незнакомка в черной маске ворвались в жизнь молодого англичанина.

Мы исполнили важную часть нашей задачи. Теперь читатели хорошо знают некоторых действующих лиц, и нам остается только идти вперед.

Комнаты сэра Джона Малькольма, расположенные на нижнем этаже веранды, состояли из передней, большого рабочего кабинета и спальни. В кабинете, обтянутом индийской материей удивительной работы, вдоль стен размещались шкафы с сочинениями знаменитейших писателей; большая конторка, привезенная из Англии и заполненная связками бумаг, стояла у окна.

Другой угол комнаты занимали охотничьи ружья, прекрасные шпаги, дамасские кинжалы и пистолеты, которые не могли не восхитить любителя.

Два окна, почти всегда открытые и защищенные от солнца китайскими шторами, придавали кабинету веселый вид. В этом кабинете мы и видим сэра Джона Малькольма и Джорджа на другой день после его приезда в Бенарес.

Судья сидел перед конторкой, облокотившись на руку, в тот момент, когда Джордж вошел к нему.

Услышав шаги, сэр Джон поднял голову и, повернувшись, улыбкой встретил сына.

Молодой человек, подвинув стул к конторке, сказал:

— Не хотите ли поговорить со мной, батюшка?

— Хочу ли я? Еще бы!

— Поговорим о вашем письме.

— О письме? — повторил Джон Малькольм.

— Да, о письме, которое сильно обеспокоило, заинтересовало меня и быстрее заставило покинуть Англию.

— Я ожидал с твоей стороны нетерпения и, признаюсь, был бы неприятно поражен, если бы увидел тебя холодным и равнодушным...

— Вам нечего бояться моего равнодушия. Я жажду узнать тайну, и вам

остаётся только открыть её мне.

— К сожалению, милый мальчик, придется еще немного подождать, — сказал Джон Малькольм.

— Ждать?! — повторил с разочарованием Джордж.

— Да, нужно вооружиться терпением, потому что сегодня твое любопытство не будет удовлетворено.

— Но почему?

— Из-за самолюбия автора...

— Что вы хотите этим сказать?

— Вот что. Точно так же как писатель, сочинив роман или пьесу, не решается отдать их на суд публики, не исправив сначала слабых мест, так и я не хочу сообщать о своем деле, не соединив всех деталей в единое целое.

— Как сын я пойму вас и пощажу ваше самолюбие, — сказал Джордж.

— В тебе говорит сердце, но мне нужно не сыновнее восхищение, а разумное одобрение. Поэтому-то я и откладываю свою исповедь...

— Но, отец, вы же думали по-другому, когда писали письмо?

— Правда.

— Почему же ваше решение изменилось?

— Потому что за это время я намного продвинулся вперед. Секрет, отыскиваемый мной и часто обманывавший меня в тот момент, когда я уже держал его в руках, не вырвется на этот раз. Секрет этот открыт. Я убежден в успехе и торжестве своего дела. Я приближаюсь к цели!

Когда сэр Джон произносил эти слова, необыкновенное возбуждение заставляло дрожать его голос.

— С тобой, сын, я разделю славу, — продолжал он. — Но последний шаг в этом деле я оставляю за собой.

— То есть вы хотите избавить меня от опасности?

Судья обнял сына.

— О, будь спокоен за меня, милое дитя! — возразил он. — Когда я, подобно Архимеду, буду в состоянии воскликнуть: «Эврика!», еще не все будет кончено. Тебе не избежать опасностей, которые заставили бы побледнеть от зависти и рыцарей Круглого стола!

— Хорошо, отец!

— Доволен ли ты?

— По крайней мере, немного утешился.

— И будешь терпеливо ждать?

— Да, если это необходимо.

— Обещаю долго не мучить тебя. Прошу всего один месяц начиная с сегодняшнего дня.

— Даже если ваши надежды на успех не осуществятся?

— Да.

— Хорошо, отец. Я согласен. Ровно через месяц я скажу вам:
«Раскройте мне вашу тайну».

XI. СОН ПРОДОЛЖАЕТСЯ

На следующий день Джордж Малькольм, поужинав, решил выйти в город. Заперев садовую калитку, он направился дорогой, по обеим сторонам которой стояли высокие деревья. Их ветви смыкались над головой, образуя таинственный свод, замерший в безветрии. Где-то под аккомпанемент барабана звучала индусская песня.

Едва Джордж сделал несколько шагов, как от забора отделилась высокая фигура в белом и последовала за ним.

Джордж, погруженный в свои мысли, шел медленно. Белая тень шла так тихо, что он не подозревал о присутствии кого-то недалеко от себя.

Вдруг на его плечо опустилась рука. Обернувшись, он встретился лицом к лицу с огромным человеком, закутанным в белое покрывало. Лица его совершенно не было видно, лишь три отверстия указывали на расположение глаз и рта.

Джон Малькольм взял с сына обещание никогда не выходить на улицу без индийского кинжала и карманного пистолета. Джордж выхватил пистолет и крикнул:

— Берегись! Я вооружен!

— В этом нет необходимости, — сказал голос на плохом английском языке. — Вам нечего опасаться...

— Почему же вы останавливаете меня?

— Мне необходимо задать вам несколько вопросов.

— Слушаю...

— Вы — сын человека, живущего в доме, из которого вы только что вышли?

— Да.

— Вы находитесь в Бенаресе не более трех дней?

— Именно так.

— Вашим проводником из Калькутты был молодой индус Казиль?

— Верно.

— Вас зовут Джордж Малькольм?

— Да.

— Дайте честное слово джентльмена, что согласитесь на все условия, которые вам предложат.

— Прежде чем дать клятву, я должен знать, каковы эти условия.

— Хорошо. Вы должны позволить завязать вам глаза.

— А если это западня?

— Вам нечего бояться... Никто не желает вашей смерти. Доказательством служит то, что я совсем недавно мог одним ударом уложить вас, и вы погибли бы, не успев даже вскрикнуть.

— Это верно, — прошептал Джордж и подумал: «Эта дорога как бы нарочно устроена для убийств». — Хорошо, я согласен, чтобы мне завязали глаза.

— Вы не будете стараться снять сегодня ночью повязку с глаз и никогда не станете отыскивать место, куда вас поведут.

— Согласен.

— Будете ли вы почитать женщину в бархатной маске, которая должна остаться для вас незнакомкой?

Джордж Малькольм сделал нетерпеливый жест.

— Как? Опять маска?! — воскликнул он.

— Да.

— Что все это значит? И когда кончатся ваши условия?

— Остается еще одно...

Последовало минутное молчание. Создавалось впечатление, что странный собеседник Джорджа затрудняется продолжать разговор и потому думает, в какую бы форму его облечь.

Наконец он решился.

— Вы помните ночь, проведенную в развалинах храма на горе Беома?

— Конечно.

— А помните увиденный вами сон?

Джордж не мог удержаться от удивления.

— Сон? — повторил он. — Откуда вам может быть известно, что мне приснилось?

— Мне все известно! Но отвечайте мне: помните ли вы свой сон?

— Конечно, помню!

— Какое впечатление производит на вас это воспоминание?

— Я бы не хотел с вами об этом говорить.

— А если бы вам предложили этот сон продолжить?..

— Кто может сделать мне подобное предложение? — прервал его Джордж Малькольм.

— Может быть... я, — ответил незнакомец. Потом добавил: — Примете ли вы это предложение?

— Да! Что я должен для этого сделать?!

— Вы принадлежите в Англии к привилегированному сословию, называемому джентльменами?

— Имею честь...

— Никто — ни отец, ни ваш брат, ни слуги — не должен знать о том, что случится с вами ночью.

— Клянусь!

— И потом, — продолжал незнакомец, — если кто-нибудь узнает случайно, что вы провели ночь вне дома, то постарайтесь найти благовидный предлог для объяснения этого.

— Обещаю, если воображение не изменит мне.

— Вы клянетесь?

— Да... честью дворянина!

— В таком случае пойдете!

— Как! Сейчас?

— Да... Вас ждут. Вы колеблетесь?

— Нет. Но отец, зная, что я вышел только на один час, будет ждать меня и умрет от беспокойства, видя, что я не возвращаюсь.

— В таком случае пойдите проститься с отцом, сделайте вид, что уходите в свою комнату, и возвращайтесь сюда.

Не прошло и четверти часа, как Джордж вернулся к незнакомцу, не забыв взять с собой ключи от веранды и калитки сада.

— Следуйте за мной, — сказал незнакомец и сбросил плащ. Они быстро зашагали рядом, не говоря ни слова. А когда достигли конца дороги, послышалось ржание лошадей. Проводник остановился.

— Я завяжу вам глаза...

— Как вам угодно.

— Вы, конечно, ездите верхом?

— Как и всякий англичанин, — ответил Джордж, — но почему вы задали этот вопрос?

— Вы слышали ржание лошадей?

— А! Мы поедем верхом?..

— Да.

— Далеко?

Незнакомец не ответил.

— Скажите мне, по крайней мере, успею ли я к утру вернуться домой?

— Успеете.

Они подошли к лошадям, и проводник сказал:

— Вы поедете на лошади, быстрота которой сравнима с ветром.

— Я уже в седле, — ответил Джордж, с ловкостью хорошего наездника вскочив на лошадь.

Проводник сделал то же самое и, взяв поводья из рук Джорджа, издал

гортанный звук.

Обе лошади быстро помчались.

«Пикантное приключение... — думал между тем Джордж. — Восток всегда останется Востоком! Волшебство сохраняет здесь свои права. Воскрешается старое доброе время очаровательных легенд, когда султанши, покрытые вуалью, похищали на один час тех кавалеров, которых желали сделать соперниками султанов».

Джордж Малькольм не заметил, как они приехали на место.

— Сойдите! — приказал ему проводник. — Дайте руку, я провожу вас.

Ноги Джорджа опустились на песок, мягкий, как персидский ковер. Он почувствовал свежий запах цветов. Слышалось журчание воды. Джордж не без основания заключил, что он проходит через сад, примыкающий к какому-нибудь дворцу. Они поднялись по лестнице. Дверь отворилась, опьяняющее благоухание Востока охватило нашего героя...

Джордж и проводник молча прошли, наверное, через несколько комнат, затем незнакомец отпустил руку Джорджа, сказав ему:

— Когда сосчитаете до двадцати, снимите повязку.

Джордж честно выполнил приказание; потом развязал шелковый платок и осмотрелся с легко понятным нам любопытством.

Комната, в которой он находился, напоминала уже описанную нами в одной из первых глав. Лампы, спускающиеся с потолка, создавали интимный полумрак. Широкие портьеры из китайского атласа, украшенные изображениями птиц и несуществующих цветов, закрывали все двери.

Джордж Малькольм сел на широкий диван; его голова была охвачена огнем, сердце билось, он с лихорадочным нетерпением ждал появления незнакомки. Каждая проходившая минута казалась ему вечностью.

Однако его ожидание продолжалось недолго. Одна из портьер медленно приподнялась, и перед глазами молодого человека предстала таинственная, прекрасная женщина.

Кисейная туника, вышитая серебром и почти прозрачная, едва скрывала ее тело. Густые, роскошные волосы спускались до самых пят. Большие глаза сверкали через отверстия в маске.

Джордж бросился к ней и, преклонив колена, безумно прошептал:

— Значит, это не сон! Вы существуете, сударыня! И сегодня откроетесь мне, вашему поклоннику...

— Да, я откроюсь тебе, — отвечала незнакомка, — ты увидишь меня, потому что я люблю тебя!

Несколько часов спустя наш герой снова остался один. Проводник, в

котором наши читатели, конечно, узнали Согора, вывел его из комнаты, не забыв предварительно надеть повязку на глаза. Они вскочили на лошадей и помчались по темной аллее.

День начал заниматься в тот момент, когда Джордж Малькольм соскочил с коня в нескольких шагах от дома отца.

XII. РОКОВОЙ ДЕНЬ

Джордж Малькольм условился со своим таинственным проводником, что каждый вечер около десяти часов он будет прогуливаться в саду возле дома и, услышав троекратный крик совы, извещающий о желании незнакомки в маске видеть его, поспешит к Согору, ожидающему в конце дороги.

В течение двух недель сигнал раздавался восемь раз, и восемь раз Джордж Малькольм спешил на свидание с лихорадочной поспешностью.

Мы будем не правы, если скажем, что наш герой полюбил незнакомку. Джон Малькольм очень точно выразился, что нельзя полюбить женщину, лица которой никогда не видел. Но странная незнакомка непреодолимо влекла к себе молодого человека. Его мысли были сосредоточены только на ней. Сладострастная дрожь пробегала по его жилам при воспоминании о благоухании, распространявшемся от ее волос, и ему становилось грустно уже при мысли о том, что настанет время, когда он больше не услышит знакомого сигнала.

Иногда он вспоминал рассказ отца о Марии Бюртель, и тогда его честная, благородная натура восставала против самого себя, проклиная увлечение, которому он не мог противиться.

«Мое поведение отвратительно! — думал Джордж. — Скоро наступит минута, когда отец представит меня кроткой, целомудренной девушке, которая станет моей невестой. Вместо того чтобы предложить свое сердце, достойное принять ее, я стал рабом неизвестной женщины, по капризу овладевшей мной и постоянно призывающей меня для удовлетворения своей страсти. Разве это не подлость? Разве я не обманываю заранее ту, которая станет носить мое имя?»

Так думал Джордж, всякий раз твердо намереваясь сопротивляться искушению. Но лишь наступала темнота и с колокольни звучал последний удар часов, он снова спешил в сад с бьющимся от волнения сердцем. Крик совы прерывал ночное безмолвие. Молодой человек шел на свидание и возвращался домой только с восходом солнца, полный печали и отчаяния.

Не следует особо говорить, что Джордж хранил тайну. Ни Джон Малькольм, ни Эдуард не подозревали, что он по ночам исчезает из дома.

Как мы уже сказали, прошло две недели. Однажды Джордж, возвратившись домой в четыре часа утра, заснул таким крепким сном, что пришлось немало потрудиться, чтобы разбудить его к завтраку. Быстро

одевшись, он сошел вниз и встретил отца, на лице которого сияла радость. Старик держал в руке распечатанное письмо.

— Что с вами? — спросил Джордж, целуя старика. — По-видимому, вы сегодня очень довольны!

— Ты не ошибаешься, — ответил отец.

— Причина этого в письме?

— Да. Оно содержит приятную новость, и ты поделишь со мной радость. Мои милые воспитанницы Мария и Эва едут к нам!

— А, — прошептал Джордж, — уже!

— Они приезжают завтра, — продолжал Малькольм, — завтра, Джордж, ты увидишь свою, надеюсь, невесту, а Эдуард — свою. Но почему ты озабочен? Ты равнодушен к этой новости?

Джордж попытался улыбнуться.

— Наоборот, я очень рад, — ответил он. — Но ведь я никогда не видел Марии Бюртель, хотя она, должно быть, очаровательна, если вы считаете ее такой.

— Ты прав, — ответил сэр Джон. — Несмотря на седые волосы, у меня горячая кровь, и я хочу все устроить слишком быстро, воображая тебя уже влюбленным! Впрочем, я ошибаюсь лишь во времени: сегодня ты равнодушен, но завтра ты будешь влюблен.

— Вы убеждены в этом? — спросил снова Джордж.

— Это так же верно, как и то, что меня зовут Джоном Малькольмом. Если сейчас твое сердце свободно, как ты клялся мне, то завтра оно будет занято!

Джордж не ответил, а с приходом Эдуарда разговор стал носить общий характер. Через минуту лакей пришел объявить, что завтрак подан. Все сели за стол. Джон Малькольм только и говорил о грации, прелести и прекрасных качествах Марии и Эвы Бюртель, к великой радости Эдуарда, нежность и любовь которого к одной из сестер были безграничны.

А Джордж страдал. Настойчивость отца причиняла ему сильную душевную боль, ему становилось невыносимо тяжело от упреков, которыми он награждал сам себя. Наконец он вышел из-за стола под предлогом головной боли и, удалившись в сад, бросился на скамейку, покрытую дерном.

Преувеличивая свою страсть к незнакомке, он считал, что вышел уже из пеленок и отец, желая настоять на своем, злоупотребляет родительской властью.

«Конечно, отец желает мне счастья, но он обманывается. Я свободен и хочу оставаться таковым! Мисс Мария Бюртель может выходить замуж за

кого ей угодно. Пусть выбирает сама, но ручаюсь, что ее мужем никогда не станет Джордж Малькольм».

Приняв это твердое решение, молодой человек несколько успокоился.

«Завтра я дам генеральное сражение», — подумал он, возвращаясь к отцу.

Остальная часть дня прошла совершенно незаметно. В десять часов вечера Джордж, следуя своему обыкновению, вышел в сад и с нетерпением ждал условного сигнала. Темнота окутала аллею и деревья, превратив все вокруг в волшебное великолепие таинственности и тишины.

Согор не приходил.

Молодого человека охватило отчаяние. Ревность подсказывала ему: уж не пришла ли в голову его пассии идея сменить любовника? Он возвратился в свою комнату и бросился на постель. Всю ночь Джордж не спал и только на рассвете, измученный болезнью влюбленных, забылся в тяжелом сне.

Утром его разбудил необыкновенный шум, доносившийся из сада. Это были радостные, возбужденные женские голоса.

Джордж со спокойным любопытством подошел к окну и увидел большой паланкин, остановившийся перед главным входом в дом.

«Наверное, они приехали... Значит, официальное представление произойдет во время завтрака. Неприятная перспектива!» — подумал Джордж.

Однако, позвонив в колокольчик, с помощью Стопа, своего достойного камердинера, он старательно занялся туалетом.

Честный лакей, как уже заметили наши читатели, любил поболтать. Однако долг приличия заставил его молча дожидаться вопросов господина. Наконец, потеряв терпение, он первым начал разговор.

— Вашей чести известна новость?

— О какой новости ты говоришь, Стоп?

— Приехали молодые девушки...

— Ну и что?

— Как что? Если бы вы видели, ваша честь, что происходит на веранде! Все бегает, суетятся, торжествуют! Молодые мисс привезли с собой камеристку... индуску... по имени Скиндия... Не правда ли, смешное имя, ваша честь? Она все время смеется, такая миленькая!

— Уж не пленила ли тебя эта девушка? — спросил Джордж.

— Ах, ваша честь, — отвечал Стоп. — Я оставил свое сердце там, в Англии, в Аусбюри, в руках толстой Кэтти, дочери лесного сторожа, которая бела, как сливки, и красна, как роза! Я поклялся ей в верности и

сдержу слово! Впрочем, она так далеко отсюда...

Джордж не сдержал улыбки.

— Э-э-э! — воскликнул он. — И это постоянство?

— Что делать? Плоть слаба, ваша честь: святой и тот грешил по семь раз в день. Однако я намерен оставаться верным Кэтти, если только в недалеком будущем мы отправимся в Англию, чтобы отпраздновать вашу свадьбу.

Сказав последние слова, Стоп принялся брить господина.

Джордж, рискуя порезаться, не мог оставаться равнодушным к словам Стопа и резко повернулся к нему.

— Мою свадьбу?! — воскликнул он. — Уж не сошел ли ты с ума?

— Может быть, ваша честь, — прошептал сконфуженный Стоп.

— Что ты хотел этим сказать?

— Я? Ничего, ваша честь, решительно ничего, я только повторяю то, что говорят все остальные слуги сэра Джона Малькольма. Наверное, я плохо расслышал... Умоляю вашу честь простить меня. Они утверждают...

— Что они утверждают?

— Они утверждают, что ваша честь должны жениться на мисс Марии Бюртель и что это супружество уже давно задумано сэром Джоном Малькольмом... Слуги уверены в этом, а я, увидев нынче утром молодых девушек, очень позавидовал вам...

— Они так красивы?

— Ах, ваша честь! Ах, ваша честь!

Стоп с бритвой в руке сопровождал это восклицание непередаваемой пантомимой, выражавшей его безграничное восхищение.

Потом, несколько успокоившись, он продолжал:

— Я хотя и бедный камердинер, но готов дать голову на отсечение, если ваша честь найдет подобную красавицу в Англии, Шотландии или Ирландии.

Джордж снова улыбнулся.

— Ваша честь скоро убедится в справедливости моих слов... О! Молодые мисс — целая поэма!

— Кончай говорить глупости и займись лучше моей бородой.

— Слушаюсь.

Едва Джордж успел завершить свой туалет, как в дверь постучали. В комнату вошел лакей.

— Сэр Джон Малькольм просит вашу честь спуститься в зал, — объявил он.

— Предупредите отца, что я приду через несколько минут.

Бросив беглый взгляд в зеркало и убедившись, что туалет безукоризнен, он спустился в зал.

Джон Малькольм подошел к Джорджу и, взяв его за руку, подвел к молодым девушкам, сказав веселым, но в то же время дрожащим от волнения голосом:

— Мария, Эва, мои милые дети. Представляю вам того, о ком так часто говорил, — моего старшего сына Джорджа Малькольма.

Джордж поклонился молодым девушкам в английской манере, девушки протянули ему с грациозной фамильярностью свои руки. Он поднял на них глаза и впервые в жизни почувствовал себя ослепленным красотой.

XIII. КРИК СОВЫ

Как мы уже сказали, Джордж Малькольм был потрясен... Между тем ни Мария, ни Эва не были одарены необыкновенной, неслыханной красотой, которой так щедро награждают своих героинь некоторые романисты. Но зато обе они обладали более чем красотой. Они были полны такой грации, прелести и чистосердечия, что походили скорее на ангелов, чем на земные существа. Старшей из них, Марии, шел девятнадцатый год; роста она была выше среднего и прекрасно сложена. Густые шелковистые черные волосы, от природы вьющиеся, составляли великолепный контраст с темно-голубыми глазами и необыкновенно белым лицом, в котором просматривались твердость и открытость.

Эва была пониже сестры, но так же обворожительна, со своим контрастом: у нее были черные глаза и белокурые волосы.

Джордж Малькольм, стоя перед Марией, не мог отвести глаз от нее. И это продолжалось так долго, что Мария невольно начала улыбаться. Джордж заметил улыбку. Боясь показаться смешным, он, сделав над собой усилие, победил невольное волнение и вновь стал хладнокровным, как прежде, то есть светским человеком, уверенным в себе.

Мария и Эва были застенчивы, впрочем без всякой неловкости. Рядом с Джоном Малькольмом и Эдуардом они считали себя в своем семействе. А Джордж был сыном одного и братом другого. Поэтому сестры не могли считать его посторонним. Быстро привыкнув к его обществу, они доказали своим умным, блестящим, но всегда естественным разговором, что не только умны, но и прекрасно образованны.

Джордж Малькольм получил сильный громовой удар, как говорили в восемнадцатом столетии. С ним произошла быстрая метаморфоза. Образ незнакомки в бархатной маске, занимавшей большое место если не в сердце, то, по крайней мере, в его воображении, исчез, подобно приятному сновидению, в ту минуту, когда он увидел невинное лицо Марин Бюртель.

Около двух часов дня молодые девушки, утомленные путешествием, пошли отдохнуть, чтобы вновь появиться к ужину.

— Ну что, сын мой? — спросил Джон Малькольм. — Что ты думаешь о моих воспитанницах?

— Это два ангела! — восторженно ответил Джордж.

Отец улыбнулся.

— Итак, ты согласен, что, говоря о Марии и Эве, я несколько не

преувеличил их достоинств?

— Конечно, нет. Они оказались лучше, чем я воображал.

— Таким образом, тебе не нужно принуждать себя, чтобы жениться на Марии?

— Я буду счастливейшим человеком, дав ей свое имя.

— Будешь ли ты ее любить?

— Я уже влюблен в нее, или, скорее, обожаю ее, потому что слово «люблю» в этом случае недостаточно точное.

Джон Малькольм с сияющим лицом взял руки сына.

— Ах, милый Джордж, — прошептал он взволнованным голосом. — Бог милосерден, осчастливив меня в старости! Видеть Марию твоей женой, а Эву женой Эдуарда было моим самым горячим желанием. Если оно исполнится, то мне больше нечего желать для счастья моей семьи. Если Господь позволит мне окончить начатое мной дело, которое навсегда должно утвердить в Индии могущество моего отечества, то я умру спокойно.

Когда Джон Малькольм произносил эти слова, голос его дрожал и на глазах появились слезы.

— Умереть, отец?! — воскликнул Джордж. — Зачем говорить о смерти в ваши годы? Вы совершенно здоровы! Бог милостив, как вы сказали, а я прибавлю — Бог справедлив. Он продлит вашу жизнь, чтобы вы были счастливы с нами.

Джон Малькольм не ответил. С нежностью он привлек сыновей к себе и молча поцеловал их.

За ужином молодые люди встретились вновь. Мария и Эва, одетые в белые платья, выглядели еще прелестнее. Ужин продолжался долго. Уже около девяти вечера Джон Малькольм, его сыновья и воспитанницы вышли в сад, наполненный благоуханием цветов.

Джордж, Мария, Эдуард и Эва медленно шли вдоль аллеи. Изредка у кого-то из них вырывалось слово, которое оставалось без ответа, потому что молодые сердца и благородные, чистые души без слов прекрасно понимали друг друга.

Джон Малькольм, сердце которого переполняло ощущение полного счастья, следовал за детьми на некотором отдалении. Он с восторгом уже называл Марию и Эву своими дочерьми. Взгляд, изредка бросаемый им на детей, был переполнен нежностью.

В эту минуту судья представлял себе будущее в самых радужных цветах, забыв о той страшной опасности, которая, подобно дамоклову мечу, висела над его головой и каждую минуту могла все разрушить.

Вдали, на часах дворца лорда Сингльтона, губернатора провинции Бенарес, пробило десять. Едва бой часов затих, как раздался троекратный крик совы.

Джордж, мгновенно услышавший его, вздрогнул, как человек, только что проснувшийся от ужасного сна. Мы знаем, что этот сигнал заставлял сильнее биться сердце Джорджа, поднимая в его душе бурю желаний. Но в эту минуту было далеко не так. Сигнал, ожидаемый еще вчера с таким нетерпением, подействовал на молодого человека как внезапный удар грома, заставив его вздрогнуть.

«Я не пойду! — решил он. — Не пойду больше! Не пойду никогда!»

Все сказанное нами, естественно, произошло значительно быстрее, чем мы описали.

Мисс Мария почувствовала, как рука, на которую она опиралась, вздрогнула, и, повернувшись к старшему сыну Джона Малькольма, с беспокойством спросила:

— Что с вами, сэр Джордж?

— Ничего, мисс Мария, — прошептал молодой человек, — решительно ничего. Что может случиться со мной?

— Не знаю, но вы вздрогнули.

— Наверное, это было непроизвольное движение...

— А не был ли причиной этого движения крик совы?

— Вы его слышали?

— Да, и испытала неприятное чувство. Подобно и нам, сэр Джордж, не так ли?

Джордж поклонился.

— Не отрицаю, мисс Мария, вы угадали.

— Считают, что сова предвещает смерть своим криком, садясь на крышу дома того человека, который должен покинуть этот мир, — продолжала молодая девушка.

— Я слышал об этом, но было бы нелепо верить предрассудкам.

— Вы принадлежите к числу неверующих, сэр Джордж?

— Ничуть. Я верю только тому, чему позволяет верить здравый рассудок.

— Почему же вы вздрогнули?

— Вероятно, потому, что этот крик раздался в тишине, и так внезапно, как фальшивая нота во время концерта.

— И вы не испытали страха?

— Никакого.

— И никакого предчувствия?

— Нет, ни малейшего, уверяю вас.

— В таком случае вы храбрее и счастливее меня, потому что, признаюсь, этот крик среди тихой ночи показался мне предзнаменованием какого-то близкого несчастья.

Слова Марии странно совпадали с тайными мыслями Джорджа.

XIV. СОГОР И НЕЗНАКОМКА

Согор, стоя возле двух лошадей и поджидая Джорджа, оперся о ствол старого дерева. Обыкновенно проходило не более минуты после крика совы, как раздавались шаги молодого человека. Но в этот вечер, как мы уже знаем, зов остался без ответа.

Индус по своей природе терпелив. Сначала Согор ждал равнодушно. Но после того как прошло восемь или десять минут, ему показалось странным, что он не видит до сих пор молодого англичанина, и он подумал: «Вероятно, господин не слышал сигнала». Поднеся к губам кулак, индус вторично закричал, удивительно точно подражая ночной птице.

Джордж Малькольм все еще находился в саду с отцом, братом и двумя девушками. Он ожидал второго крика. И, услышав его, опять почувствовал сильное волнение. А Марии вдруг стало плохо, и она дрожала как в лихорадке.

— Ради бога, сэр Джордж, пойдите домой. Эти ужасные крики сильно действуют на меня. Смейтесь, если хотите, над моей слабостью, но вы не разубедите меня в том, что эти крики не к добру. — Мария поняла, что силы покидают ее, и она упала бы, если бы Джордж не подхватил ее.

— Боже мой! — закричал сэр Джон, страшно забеспокоившись. — Что случилось?

— Ей внезапно стало плохо, отец! — испуганно ответил Джордж. — Как ей помочь?

— Скорее в дом! Это минутное недомогание, оно быстро пройдет...

Джордж, подняв Марию на руки, быстро прошел расстояние, отделявшее его от дома. Эва, Эдуард и сэр Джон едва поспевали за ним.

Когда он, поднявшись по лестнице, вошел в зал, Мария была уже без сознания, ее длинные ресницы опустились на глаза, под которыми образовались синие круги.

Джордж бережно положил Марию на диван. Эдуард побежал за доктором, а Эва в свою комнату за лекарствами. Джон Малькольм тер Марии виски платком, смоченным водой.

Старания оказались не напрасными. Мария вздохнула, потом открыла глаза. Так как обморок продолжался недолго, она не забыла случившегося и смущенно сказала:

— Я очень смешна! Не опровергайте этого. Да, я очень смешна. Я не знаю, что сегодня на меня нашло. Столько раз я слышала крики совы без

малейшего волнения! Почему же сегодня эти крики произвели на меня такое действие? Не понимаю и не могу объяснить этого. Может быть, это от усталости после дороги или же от радости, что снова нахожусь в доме моего милого опекуна?..

— Да, да, дитя мое, — с живостью отвечал Джон Малькольм, — все так, не сомневайся в этом... — Он прикоснулся своей рукой к беленькой ручке молодой девушки.

— Разве у меня лихорадка? — спросила она, улыбнувшись.

— Небольшая, но несколько часов крепкого сна прогонят ее. Только нужно лечь спать как можно скорее. Я с Эвой провожу тебя в комнату. Дай одну руку мне, другую — сестре.

Мария уже встала. Засмеявшись, она ответила:

— А! Я сильнее, чем вы думаете! Мне не нужна поддержка, я поднимусь сама...

И в самом деле, молодая девушка довольно быстро прошла через зал. Подойдя к порогу, она обернулась:

— Простите, милые друзья, несносную Марию за сегодняшний вечер. Завтра, с Божьей помощью, вы увидите другую Марию...

С этими словами она подставила лоб Джону Малькольму, затем поднялась по бамбуковой лестнице, почти не опираясь на перила.

Отец и сыновья остались на несколько минут вместе, говоря о том, что так внезапно прервало хороший вечер. Джордж, мечтавший остаться один, чтобы предаться размышлениям, попросил у отца разрешения уйти в свою комнату.

Войдя к себе, он запер дверь, вышел на балкон и, облокотившись на его решетку, тяжело задумался.

Между тем Согор и после вторичного зова продолжал ждать. Но его уверенность сменилась удивлением, когда он понял, что и второй крик остался безрезультатным. И ему пришла в голову мысль, что, может быть, Джорджа нет дома. Желая убедиться в этом, он оставил лошадей на попечение негра, который был с ним, а сам направился к саду.

Согор сразу заметил, что дом освещен. Но он долго ждал, пока в одном из окон не увидел Джорджа, в чем, надо признаться, он не ошибся. Итак, молодой человек был дома и, конечно, слышал сигнал. Если он не пришел, то какая-то неизвестная причина помешала ему.

Согор обычно исполнял буква в букву приказания, полученные от женщины, известной нам только по своим странным капризам, но никогда ничего не делал в нарушение приказа.

Поэтому он вернулся к лошадям, вскочил на одну из них, сделав знак

негру сесть на другую, и помчался ко дворцу, через порог которого Джордж переступал не иначе как с завязанными глазами.

Быстро миновав анфиладу роскошно убранных комнат, через которые обычно он вел за руку молодого англичанина, Согор подошел к будуару. Услышав шаги, женщина надела маску на лицо.

Согор приподнял портьеру из китайского атласа, отделявшую зал от будуара. Затем переступил порог комнаты со сложенными на груди руками и почтительно склонил голову.

— Ты один? — сразу же спросила женщина.

— Да, — прошептал Согор.

— С Джорджем Малькольмом что-нибудь случилось?

Индус отрицательно покачал головой.

— Так его нет дома?

— Он дома, госпожа.

— Может быть, он не слышал сигнала?

— Я повторил сигнал два раза.

Незнакомка порывистым движением сорвала с себя маску. Лицо ее было бледным.

— И он не ответил?!

— Нет, госпожа.

— Значит, он не хотел следовать за тобой, — продолжала она с необыкновенной горестью. — Он больше не придет!

Согор ничего не ответил.

Большое венецианское зеркало висело как раз напротив молодой женщины. Она ненароком бросила в него взгляд, и зеркало отразило ее поразительную красоту. Гордость мелькнула в ее глазах, брови раздвинулись, а на губах появилась улыбка.

— Невозможно! — прошептала она. — Разве я отношусь к тем, которых бросают? Наверное, важная причина помешала ему сегодня следовать за Согором. Эту причину я хочу знать. Я хочу, чтобы Джордж пришел! Он придет, и, если нужно будет удержать его, я сделаю то, что никогда не делала... Я сниму маску и покажу свое лицо! Да, я сделаю это, потому что люблю его!

Эти слова были произнесены очень тихо, и до Согора долетел только неясный шепот.

Незнакомка обернулась к индусу и сказала:

— Согор! Ты должен вернуться туда, войти в дом Джорджа Малькольма, увидеть его и сказать, что я жду.

— Хорошо, госпожа.

— Он должен следовать за тобой. Ты понял?

— Я скажу ему это, госпожа, но...

— Ну что же? — с нетерпением воскликнула женщина. —
Договаривай же, Согор!

— А если он откажется?

Гордая улыбка промелькнула на ее губах. Она снова бросила взгляд в зеркало.

— Он не откажется.

Индус поклонился, а женщина продолжала:

— Иди же, мой верный слуга! Иди скорее, а возвращайся еще быстрее.

Не успела она договорить, как Согор исчез со скоростью, свойственной лишь индусам.

Его отделяло от дома Джорджа не более полумили. Согор, сопровождая раньше англичанина, делал бесчисленные повороты, чтобы сбить его с толку. В эту же ночь, имея другую цель, он, как говорится, мчался во весь дух. Лошадь, пущенная в галоп, бежала подобно фантастическому коню из древних баллад.

Индус сошел с лошади на своем обычном месте. Сбросив с себя плащ, который мог помешать ему, он перескочил через забор и проник в сад, окружающий дом.

XV. СОГОР И ДЖОРДЖ

Осторожность индусов вошла в поговорку, так же как и осторожность змеи, но нужно помнить: человек ее намного превосходит.

Хитрый, как и все из его племени, Согор прежде всего постарался уничтожить даже намеки на свое прибытие. Потом, вместо того чтобы идти к дому по аллеям, на песке которых могли остаться его следы, он пошел по траве, зная, что, примятая ночью, она поднимется к утру под живительной влагой росы.

Наконец он достиг дома.

Несколько окон были еще освещены. На нижнем этаже светился огонек в кабинете Джона Малькольма, наверху — в комнатах двух сестер и в спальне Джорджа.

Согор не мог войти в дом, не зная расположения комнат.

Он рисковал столкнуться с лакеем, который сразу бы поднял шум.

Поэтому Согор подошел к нижнему освещенному окну, стараясь проникнуть взглядом во все уголки комнаты. Он увидел старика, сидевшего в кресле и перебиравшего большие связки бумаг.

— Это отец, — прошептал Согор, направляясь к тому месту, где располагалось открытое настежь окно Джорджа.

«Здесь, наверное, он», — подумал индус.

У каждого из окон первого этажа был небольшой выступ. Вьющиеся растения обвивали прутья его решетки, предназначенные для этого, и превращали окна как бы в корзины с цветами.

Согор, несмотря на свой высокий рост, соединял в себе ловкость обезьяны с гибкостью пантеры. Он ухватился за железные прутья, казавшиеся слишком слабыми, чтобы выдержать тяжесть тела, и одним прыжком достиг верхнего балкона.

Заглянув в окно, он убедился, что ни в чем не ошибся. Дождавшись минуты, когда молодой англичанин повернулся к нему спиной, Согор прыгнул в комнату.

Джордж видел Согора обычно в белом одеянии, скрывавшем его с головы до ног, поэтому не мог узнать сразу же, — лишь однажды в присутствии Джорджа он сбросил свой плащ. Мы должны прибавить, что геркулесовская фигура и далеко не ангельское выражение лица этого человека, к тому же в такой поздний час, отнюдь не были приятны хозяину комнаты.

Чрезвычайно удивленный и немного испуганный этим неожиданным появлением, Джордж уже хотел было закричать, а рука его потянулась к оружию.

Согор остановил его жестом, прошептал:

— Никого не зовите. Не нужно защищаться. Я не враг. Я тот, кто напрасно ждал вас целый вечер на дороге.

— Мой проводник...

— Да.

— Зачем вы пришли ночью в этот дом?

— За вами. Проводить туда, где вас ждут.

По губам Джорджа пробежала самодовольная улыбка.

— Она знает, что вы звали меня два раза, а я не ответил?

— Знает.

— И все-таки велела вам вернуться?

— Да. «Иди, — сказала она мне, — скажи ему, что я жду его, и он придет».

Джордж некоторое время молчал.

— Пойдемте, — продолжал Согор, — лошади ждут нас.

— Поезжайте без меня, — возразил Джордж, — я не поеду с вами.

Согор сделал порывистое движение, на его лице отразилось удивление. Он не верил своим ушам. Неповиновение казалось ему невозможным.

— Я приехал, чтобы взять вас с собой, — прошептал он.

— Я понял, — сказал Джордж, — но не все желания осуществляются.

Вы приехали один, один и уедете.

Согор покачал головой.

— Это невозможно, — сказал он.

— Ну почему же?

— Госпожа приказала, и ей нужно повиноваться!

— Вы обязаны ей повиноваться и хорошо делаете, говоря так. Вы — верный слуга и достойный человек. Если когда-либо место, которое вы занимаете, будет вами потеряно, я с удовольствием возьму вас к себе.

Затем, открыв ящик и вынув из него десять гиней, англичанин прибавил:

— Много раз вы служили мне проводником, сегодня же подверглись серьезной опасности, чтобы добраться до меня. Это заслуживает награды. Вот она.

С этими словами Джордж вложил золотые монеты в руку индуса.

Согор в течение минуты с наивным удивлением смотрел на блестящий

металл. Затем по его лицу пробежало выражение необыкновенного презрения.

Он двинул рукой, как бы желая избавиться от неприятного прикосновения к золоту, и гиней рассыпались по ковру.

— Что вы делаете? — воскликнул Джордж.

— Господин, — ответил Согор с надменной вежливостью, — та, которой я принадлежу, щедрее самого бога Вишны. Золото течет между ее пальцев, как вода из источника! Золото так обыкновенно в ее дворце, что самые бедные из ее слуг презирают его.

«Странное племя, — подумал Джордж, глядя на индуса, — какое чувство гордости даже у рабов!»

Потом громко сказал:

— В нашей стране принято вознаграждать за оказанные услуги... Я не хотел оскорбить вас, поступая таким образом.

— Господин не оскорбил слугу, — возразил Согор, — он только ошибся.

Затем, подойдя к окну и увидев, что луна зашла за вершины деревьев, сказал:

— Время проходит, госпожа ждет! В последний раз, господин, спрашиваю вас: идете ли вы?

— Я уже ответил вам, — возразил Джордж с твердостью, не позволявшей Согору больше надеяться. — Мое решение непоколебимо, я не поеду с вами.

— Но почему?

— Я не обязан никому давать отчет.

Это было сказано с гордостью. Точно так же ответил и Согор:

— Господин ошибается! Он должен дать отчет той, которая ждет его и которая еще никогда никого не ждала. Поэтому ваш отказ есть оскорбление.

— Пусть будет так! — воскликнул Джордж. — Я напишу письмо, которое вы ей отдадите. И она не обвинит вас в том, что вы не выполнили ее приказания.

Англичанин сел к столу и, взяв лист бумаги, быстро написал: «Той, лицо которой мне незнакомо, той, имя которой мне неизвестно.

Благодаря вам, сударыня, я видел сон, обворожительный, сладостный сон, который должен был привести меня к любви. К счастью для моего сердца, между любовью и мной была ваша маска. Я умолял вас снять ее, но всегда напрасно. Маска не упала! И она закрыла дорогу к любви.

Сегодня я проснулся. Сон кончился, но никогда не изгладится из моей памяти. Ваш очаровательный образ, хотя и не полный, существует и

навсегда останется в признательном сердце Джорджа Малькольма».

Наш герой вложил письмо в конверт и запечатал его перстнем с гербом Малькольмов.

— Возьмите, — сказал он, протягивая письмо Согору. — Вам останется только передать это послание вашей госпоже.

Индуc поклонился, опустив голову и приложив руки к груди. Потом, повернувшись спиной к своему собеседнику, достиг балкона и спрыгнул вниз.

Джордж быстро подошел к окну, чтобы проследить за Согором, но темная фигура посыльного мгновенно исчезла во мраке.

Молодой англичанин задумался.

«Исполнил ли я свой долг? — спрашивал он самого себя. — Не подло ли я поступил с женщиной, перед которой остался должником хотя бы потому, что она выбрала меня из всех остальных? Не обязан ли я был пойти к ней в последний раз?»

Много раз задавал себе Джордж эти вопросы с той минуты, как, оставив отца и брата, он ушел к себе в комнату. Эти мысли сильно беспокоили его. Но наконец он поднял голову, как бы избавившись от страшной тяжести.

«Да! Сто раз да! Я исполнил свой долг! Такая любовь, которую я чувствую к Марии, должна быть совершенно чистой. Неверность, даже невольная, загрязнит в моем сердце чистый образ ее невинного существа. Честь моя приказала мне именно так отказаться, и я отказался!»

Погруженный в свои мысли, Джордж Малькольм не заметил, как прошел целый час после ухода Согора.

И вдруг к его ногам упал белый, довольно тяжелый предмет. Он наклонился, чтобы поднять его, и увидел конверт, привязанный к камню. Это было письмо. Развернув его, он прочитал строки, написанные прекрасным почерком по-английски: «Приходите. Маска спадет, и сон ваш не окончится, потому что возобновится в любви».

А немного ниже: «Посланный ждет».

Джордж подошел к окну. Он заметил стоявшую под балконом огромную фигуру Согора.

Джордж — отдадим ему справедливость — не колебался ни минуты. Взяв лист бумаги, он написал только два слова: «Слишком поздно».

Затем, обернув им в свою очередь камень, бросил его в сад, с шумом затворил окно, чтобы предотвратить дальнейшие попытки индуса проникнуть в комнату.

— Ну, теперь все кончено! — прошептал он с видимым облегчением.

Джордж бросился на постель, измученный усталостью и волнениями этого вечера, и быстро заснул.

Согор некоторое время спустя уже отдавал записку Джорджа Малькольма своей госпоже.

Во время чтения ответа ее лицо сильно побледнело.

— А! — вскричала она, — «Слишком поздно!» Ты отталкиваешь мою любовь! Так я обещаю мою ненависть! Принцесса Джелла не знает забвения и прощения! Берегись, Джордж Малькольм!

Женщина, назвавшая свое имя, произнесла его громко.

— Госпожа поручит исполнить месть мне? — спросил Согор.

— Тебе?..

— Вы же знаете, для вас Согор готов на все.

— Знаю, но что ты можешь сделать?

— Я могу убить. По одному вашему знаку я могу влить в жилы Джорджа Малькольма яд, убивающий через год, он заставит его сильно страдать... А может быть, лучше задушить его сегодня ночью. Я готов! Мой аркан со мной».

Принцесса, посмотрев на Согора, приподняла плечи.

— Запрещаю тебе и думать о Джордже Малькольме! — прошептала она. — Для тебя среди всех англичан этот должен быть священным. Помни это!

На лице индуса появилось удивление.

— Как? — прошептал он. — Вы хотите, чтобы он жил?

— Да, я хочу, чтобы он жил страдая! Чтобы он жил, видя, как все, кого он любит, умирают, как гибнут все его надежды. Я хочу истоптать ногами его слишком гордое сердце, отторгнувшее мою любовь. Хочу, наконец, чтобы он долго призывал смерть, и убью его сама, сказав, за что убиваю! Понимаешь ли теперь мою месть и не находишь ли ее лучше своей?

Индус распростерся перед принцессой, глаза которой мрачно блестели непримиримой ненавистью.

— Госпожа, — пробормотал он, — великая госпожа! Я обожаю в вас дочь Шивы и Бовани, самой богини ненависти.

— Тамерлиды — сыновья богов, — сказала принцесса с гордостью, — а я — дочь тамерлидов.

XVI. ПЕРВОЕ ПРИГЛАШЕНИЕ

Помнят ли наши читатели разговор между Джоном Малькольмом и Джорджем на другой день после приезда его в Бенарес? Напомним его читателям.

Джордж спрашивал отца о таинственной цели его жизни, просился к нему в помощники. Судья же просил у сына отсрочки на месяц, говоря, что по истечении этого срока он не станет от него ничего скрывать.

Прошло три недели с того времени. Джордж с нетерпением считал дни и ожидал того момента, когда ему можно будет наконец разделить с отцом опасности его предприятия и славу успеха.

Джон Малькольм стал еще деятельнее. Его сыновья и воспитанницы поражались тому, как хватало сил этому человеку столь преклонных лет вести насыщенную ежедневным трудом жизнь.

С самого раннего утра Джон Малькольм садился верхом на лошадь и без сопровождения лакея покидал усадьбу в неизвестном направлении. Джордж, попросившийся однажды сопровождать его, получил категорический отказ.

Обычно сэръ Джон возвращался к ужину. Пыль, покрывавшая лошадь, свидетельствовала о большом расстоянии, которое преодолевал всадник. Час или два Джон Малькольм разговаривал с сыновьями. Радость светилась на его одухотворенном, выразительном лице. Затем, удалившись к себе, он приводил в порядок заметки, привезенные им из поездки, и лампа его горела часто до самого рассвета. Нередко лакей замечал, что постель хозяина не была даже смятой, и высказал свое удивление Джорджу, который не замедлил передать его отцу:

- Вы целые ночи проводите за работой?
- Не буду отрицать, но это необходимо.
- Вы совсем не спите?!
- Немного сплю. Но у меня нет времени.
- Это приводит меня в отчаяние, батюшка!
- Почему же?
- Продолжая вести такую жизнь, вы убьете себя!
- Успокойся, милое дитя, успокойся. Такая жизнь скоро кончится.
- Это правда?
- О! Абсолютная правда! Нить Ариадны, которая ведет меня среди мрака, не вырвется теперь из моих рук... Через неделю для меня настанет

отдых, не полный, конечно, не праздность, но больше не будет переутомления, потому что ты удвоишь мои силы... Посмотри на меня: надежда и уверенность в успехе меня поддерживают, и я не чувствую утомления!

Старик говорил правду. Нечеловеческие труды не оставили на нем даже следа. Каким Джордж видел своего отца в день приезда, такой он был и теперь. Та же гибкость в походке, та же твердость в чертах лица, тот же блеск во взгляде, та же откровенная улыбка.

Молодой человек, совершенно успокоившись и отогнав от себя мимолетный страх, стал думать о Марии. Джордж и Мария были теперь женихом и невестой, так же как Эва и Эдуард. Они знали, что должны принадлежать друг другу, твердо веря, что ничто в мире не может их разъединить и стать между ними. Они, ощущая силу отцовского благословения, ничего не боялись и твердо шли к своему счастливому будущему, полные непоколебимой уверенности во взаимной привязанности.

Джордж и Мария полюбили друг друга.

Все было настолько безоблачным, что следовало ожидать грозы.

Однажды вечером Джон Малькольм, уехавший с утра, вернулся только к ужину. Множество писем на его имя лежало возле его прибора. Два из них отличались от других атласной бумагой и толщиной и были запечатаны красным сургучом. На одной из печатей красовался герб Англии. На другой было изображение индийского божества.

Джон Малькольм, пробежав глазами адреса отправителей, отложил письма в сторону, не распечатав ни одного из них, и воскликнул со смехом:

— Отложим серьезные дела! Прюделав сегодня верхом двадцать миль, я вполне заслужил двухчасовой отдых.

Мария наполнила хересом стакан из богемского хрусталя.

— Выпейте вина, милый отец, — сказала она с ангельской улыбкой, подавая стакан сэру Джону.

— Благодарю, мое дитя, — ответил судья. Выпив вино, он прибавил, целуя молодую девушку: — Поцеловать ангела — значит забыть усталость, жажду, голод!

— Батюшка, — спросил Джордж, — неужели вы действительно сегодня проскакали двадцать миль?

— Не меньше, друг мой.

— Но ведь вы рискуете здоровьем!

— Ты же видишь, все как раз наоборот. Я здоров, как никогда.

— Потому что вы скорее счастливы, чем благоразумны.

— Ну-ну! Не брани своего отца. Главные труды закончены. Я завершил посев, и час жатвы приближается!

— Что, конечно же, не помешает вам завтра продолжать жизнь, которую можно назвать самоубийством.

— Вот в этом ты глубоко ошибаешься.

— Почему?

— Завтра я отдыхаю.

— Отдыхаете? — прошептал Джордж с шутливым удивлением.

— Да... да... да... — ответил, смеясь, Джон Малькольм, — да, сто раз да, завтра я отдыхаю!

— Так вы почувствовали, наверное, упадок сил?

— Нет. Сегодня я сделал открытие, постоянно ускользавшее от меня. С этого часа я буду работать только у себя в кабинете.

— Ах, батюшка! — вскричал обрадованный Джордж. — Какая новость! Наконец-то вы окажетесь среди нас. Нам больше не придется жить в доме, где хозяин постоянно отсутствует.

Джордж выразил общую мысль, поэтому благодаря приятной новости ужин был весел и очень оживлен.

Когда подали десерт и слуги удалились из комнаты, поставив на стол портвейн и другие вина, судья начал распечатывать письма. По-видимому, они были малоинтересны для него, потому что, пробегая их, он бросал прочитанное на пол... Скоро из всех писем осталось только два, о которых мы уже упоминали.

Джон Малькольм вскрыл одно из них и прочел с большим вниманием.

— Милые дети, — затем сказал он, обращаясь к молодым девушкам, — вот здесь кое-что касается и вас: я вполне уверен, что новость, полученная мной, заставит ваши сердца забиться от радости.

— Что же это такое? — почти одновременно спросили Мария и Эва.

— Приглашение.

— А, — радостно вскричала Мария, — какое счастье! Наверное, речь идет о бале, не так ли?

— Да... о большом празднике...

Молодые девушки захлопали в ладоши.

— Кто же приглашает нас?

Джон Малькольм прочел вслух:

— «Лорд Сингльтон, губернатор Бенареса, просит сэра Джона Малькольма, сэра Джорджа Малькольма, сэра Эдуарда Малькольма, мисс Марию и мисс Эву Бюртель оказать ему честь прибыть на бал, который он дает во дворце своей резиденции в субботу 8 августа 1830 года».

— Этот бал у губернатора, наверное, должен быть восхитителен, не правда ли, батюшка? — с живостью спросила Мария.

— Больше чем восхитителен, милые дети, — подтвердил Джон Малькольм. — Уверяю вас, лорд Сингльтон смело соперничает с Востоком по великолепию.

— Итак, бал в субботу?

— Да.

— Сегодня понедельник: у нас еще достаточно времени для подготовки туалетов...

— Кокетки! — улыбаясь, сказал Джордж.

— Кокетки, если хотите, господин жених, — смеясь, в тон Джорджу ответила Мария. — Но несомненно также и то, что мы должны поддержать честь нашего флага! Мы хотим, чтобы вы гордились нами, хотим затмить всех принцесс и поразить всех принцев! Одним словом, хотим быть красавицами! Или вы думаете, что это будет трудно?

— Напротив, и потому хочу дать вам совет.

— Какой?

— Чтобы быть красавицами из красавиц, вам следует сделать только одно.

— Что же?

— Оставаться такими, как есть.

— Лстец! — Мария погрозила жениху пальчиком.

— Но, — возразил Джордж, — вы хорошо знаете: то, что считается лестью для других, правда для вас с Эвой.

Эдуард в свою очередь поддержал брата. Между влюбленными началась одна из тех милых ссор, которые составляют самую прелестную суть их отношений.

Спустя некоторое время решили обратиться за советом к Джону Малькольму, который помирил всех, подтвердив, что Джордж и Эдуард правы, что всюду, где только покажутся Мария и Эва, они будут лучше всех и что искусство женщин украшать себя ничего не прибавит к их молодости и грации.

— Откуда лорду Сингльтону известно о моем приезде в Бенарес? — спросил Джордж у отца.

— Я сам сообщил ему об этом несколько дней назад, сказав, что буду иметь честь представить тебя... Я хотел и обязан был сделать это, но у меня не хватило времени. Глубоко сожалею об этом и спешу исправить свою вину. Завтра же ты поедешь со мной в губернаторский дворец.

— Лорд Сингльтон... Какой он человек?

— Трудно ответить. Может быть, он и не имеет качеств выдающегося деятеля, но он честен, храбр, обладает умом, если и не блестящим, то вовсе и не посредственным. Но если, не дай бог, судьба неожиданно поставит его в критические обстоятельства, когда английское владычество в Индии будет зависеть от него одного, он не найдет в себе той воли, которая повелевает обстоятельствами. Однако я вполне уверен, что он не перенесет поражения и умрет в борьбе, не отступив ни на шаг... Это мое беспристрастное мнение о лорде Сингльтоне. Его рыцарская любезность вынуждает прямых потомков древних владык Индии, самых заклятых врагов английской короны, считаться с ним. Я готов поклясться, и никто не сможет опровергнуть моего мнения, что это достойный дворянин.

— Это очень лестный портрет, — сказал Джордж.

— Да. Я симпатизирую лорду Сингльтону, уважаю его и смею думать, что и он удостоивает меня некоторым уважением.

— Лорд Сингльтон еще не стар?

— Да и не молод. Ему около пятидесяти, но он хорошо выглядит, заботится о себе, и ему можно дать не более сорока.

— Он женат?

— Вдовец. Лет пятнадцать назад лорд приехал из Англии со своей женой, но ее слабое здоровье не выдержало убийственного климата Индии. Лорд Сингльтон тосковал много лет. А так как время ослабляет горе, то и на него подействовал этот общий закон... Не знаю, забыл ли он, но я уверен, что утешился, по крайней мере внешне.

— Он ведет свободный образ жизни?

— Да. Лорд имеет баснословные доходы со своего состояния, а кроме того, у него огромное жалованье.

— И принимает много гостей?

— Почти каждую неделю он приглашает главных деятелей Ост-Индской компании на изысканный обед, раз в месяц открывает залы для приема гостей и, наконец, раз в год дает бал, знаменитый на всю Индию... Он будет интересен для тебя.

— Не могу понять, что меня там может заинтересовать, — возразил Джордж. — Ведь я буду окружен незнакомыми людьми.

— Конечно, ты был бы прав... Но на этот праздник будут приглашены потомки древних фамилий, отпрыски тамерлидов, считающие себя рожденными от богов, принцы, одетые в национальные костюмы настолько роскошные, что заставили бы побелеть от зависти наших европейских миллионеров, и, наконец, люди, носящие древние имена, которые идут от сотворения мира.

— Как им удалось установить это? — спросил Джордж.

— Я уже говорил тебе, — ответил сэр Джон, — что эти патриции пренебрегают земными законами и воображают себя сыновьями богов... Это объясняет, каким образом и для чего их предки царствовали, когда наша Земля еще была в хаосе.

— Согласен с вами, — со смехом ответил Джордж, — теперь я начинаю думать, отец, что праздник у лорда Сингльтона покажется мне чрезвычайно любопытным.

XVII. ВТОРОЕ ПРИГЛАШЕНИЕ

Джон Малькольм взял второе письмо, на красной печати которого был изображен какой-то индийский бог.

— Очень странно! — прошептал он, рассматривая печать.

— Что именно, батюшка? — спросил Джордж.

— Посмотри, — сказал судья, протягивая конверт сыну, — видишь ты это изображение?

— Да, там изображен страшный идол, вот и все.

— Это печать тамерлидов...

— Древнее племя индийских раджей, о которых вы только что говорили мне?

— Именно.

— Разве вы состоите в переписке с кем-нибудь из них?

— Нет, поэтому-то я и не понимаю, кто мог прислать мне письмо.

— Так распечатайте...

Старик сломал печать и воскликнул с живейшим удивлением:

— Еще одно приглашение!

— На бал? — в один голос спросили молодые девушки.

— Нет, дорогие мои, речь идет совершенно о другом празднике, и приглашение к вам не относится.

— Что же это такое? — с любопытством спросил Джордж.

Судья прочитал вслух:

— «Принцесса Джелла просит сэра Джона Малькольма и его сыновей, сэра Джорджа и сэра Эдуарда, оказать ей честь своим присутствием на охоте за пантерой, которая состоится в четверг 6 августа 1830 года в Пераваском лесу. Приглашенные собираются в девять часов утра на перекрестке дорог, возле развалин храма Кали. После охоты принцесса предложит гостям ужин в своем деревенском доме Шагабад».

— Охота за пантерой! — воскликнул Джордж, и его глаза заблестели. — Ах, отец, ничто в мире сейчас не могло бы быть для меня интереснее, чем эта новость.

— Боже мой, что я слышу! — прошептала Мария, и лицо ее побледнело. — Охотиться на пантеру! Это же очень опасно и может обернуться бедой.

— Не бойся, дитя мое, — отвечал Джон Малькольм, — опасность, пугающая тебя, не существует. Я глубоко убежден, что твое беспокойство

напрасно. Конечно, пантера страшный хищник, но во время охоты несчастья случаются очень редко.

— Вот видите, — возразила Мария, — пусть даже редко, как вы говорите, но все же они случаются.

— В жизни, дитя мое, опасность идет рядом с человеком, но ничто не делается без воли Божьей... Всемогущий денно и ночью хранит Свое творение, не позволяя ему умереть раньше назначенного часа.

— Умоляю вас, батюшка, не ездите на эту охоту.

— Существуют важные причины, из-за которых я вынужден принять это неожиданное приглашение принцессы, и потому, к сожалению, не могу исполнить твою просьбу.

— По крайней мере, обещайте мне быть осторожным...

— О! Это я тебе обещаю, — улыбаясь, ответил сэр Джон Малькольм. — От всего сердца обещаю, что ни Джордж, ни Эдуард не будут рисковать жизнью. Любовь, соединенная с надеждой близкого счастья, делает жизнь молодых людей драгоценной. Я же слишком люблю вас, чтобы по своей вине ускорить минуту вечной разлуки.

— Ну, это обещание немного успокаивает нас, — обрадовалась Мария, изящным движением руки с платком смахивая слезы с длинных бархатистых ресниц. — И все-таки мы будем спокойны только тогда, когда вы вернетесь с охоты целыми и невредимыми.

— Батюшка, — спросил Джордж, — а кто такая принцесса Джелла?

— Потомок тамерлидов. Сторукий идол, изображенный на печати, — это их герб.

— Принцесса богата?

— Она обладает одним из тех состояний, о которых в Англии не имеют понятия. Джелле принадлежат целые провинции, повинующиеся ей, как царице. Ее дворец в Бенаресе — это настоящее чудо, но у нее такие дворцы имеются почти во всех главных городах Индии: в Калькутте, Агре, Дели, Лагоре. Виллы принцессы похожи на чертоги и многочисленны, как количество дней в году. Влияние Джеллы в Индии огромно, почти безгранично, и если бы она не была верным другом Ост-Индской компании, то стала бы самым опасным ее врагом.

— И вы не сомневаетесь в ее преданности английскому престолу?

— Нет, потому что она много раз давала этому неопровержимые доказательства.

— Принцесса замужем?

— Она овдовела в восемнадцать лет.

— Сколько же ей лет?

— Около двадцати пяти.

— Такая молодая и так богата, могущественна! — воскликнул Джордж. — А к этим трем дарам присоединяется красота?

— Принцесса Джелла бесподобна.

— Ах, отец, — прошептала с невольной дрожью Мария, — она так хороша?

— Да, очень хороша, но хуже тебя, мое милое дитя! — возразил Джон Малькольм, одной рукой прижимая свою воспитанницу к груди. — Ее необыкновенная красота заключает в себе что-то странное и почти дьявольское! Это не та красота, от которой теплеет сердце и наполняется благородством душа. Это что-то совершенно иное...

Мария улыбкой поблагодарила опекуна, хотя тень сомнения притаилась в ее глазах. Неизвестное волнение, причину которого она не могла установить, овладело ею. Видимо, это было чувство рождающейся ревности.

Джордж Малькольм продолжал расспрашивать:

— А сохранила ли эта принцесса нравы и обычаи своих предков?

— Из всех странных личностей, которые тебе придется изучать в Индии, принцесса Джелла будет самой любопытной.

— Почему, отец?

— Натура она очень сложная, непонятная и может сбить с толку самого благоразумного человека.

— В чем же это проявляется?

— Трудно объяснить. Впрочем, постараюсь. Принцесса выглядит как светская дама на уровне английской аристократки... Получила образование, говорит по-французски и по-английски, как уроженка Парижа или Лондона. Много путешествовала по Европе, танцевала в Вестминстере и Тюильри, рисовала с натуры в Швейцарии и Италии. Беспристрастные артисты и художники, листавшие ее альбомы, говорят, что ее рисунки восхитительны! Принцесса выписывает драгоценности из Лондона, а платья из Парижа. Ее французский повар не уступает королевскому... Ты видишь, вроде бы все от цивилизации, а между тем принцесса сохранила все верования, все предрассудки своей касты! Эта молодая женщина, которая может соперничать с нашими замечательными львицами, эта путешественница, посетившая Виндзорский собор и Собор святого Петра в Риме, от чистого сердца верит в бога Вишну и с глубоким религиозным убеждением преклоняется перед храмами Шивы и Бовани...

— Неужели это возможно? — изумился Джордж.

— Самая чистейшая правда.

— Такие крайности!..

— Я понимаю, что все это очень странно, но тем не менее все это так. В принцессе Джелле две женщины: светская, прелестная, и потомок тамерлидов, оставшаяся до мозга костей верной религии своих жестоких предков. Если какой-то индийский бог потребует от нее жертвы, я уверен, что принцесса принесет ее не задумываясь и будет с улыбкой на губах наблюдать за последними конвульсиями несчастной жертвы, даже если эта жертва была только что самым лучшим ее партнером в танцах на балу...

Джордж сделал жест неприятия.

— Хоть это и ужасно, — продолжал его отец, — но она не виновата, что образование не смогло уничтожить в ней ее инстинкты.

— Благодаря своему состоянию, — снова начал Джордж, — принцесса должна жить по-царски?

— Не только по-царски, но и еще лучше... Она живет в роскоши, о которой мы, европейцы, не можем даже подумать. Впрочем, эта роскошь так же странна, как и сама принцесса. Переступив порог ее дворца, забываешь о действительности и переносишься в сказочный мир. Принцесса держит при себе маленькую армию из женщин...

— Из женщин? — воскликнул Джордж с недоумением.

— Уверяю тебя, это действительно так. Да ты и сам увидишь. Пятьсот или шестьсот женщин отлично обучены английскими офицерами и серьезно считают себя солдатами: они упражняются в стрельбе, если понадобится, пойдут на войну и проявят храбрость, не уступающую сипаям.

— Да... — прошептал Джордж. — Индия — страна, полная чудес. В девятнадцатом веке встретить вооруженных амазонок, согласитесь, батюшка, — это странность, которая вполне оправдывает французскую поговорку: «Верь тому, что кажется верным».

— Согласен, — улыбаясь, отвечал Джон Малькольм.

— Где же размещает принцесса свои батальоны?

— В специально построенных для них казармах с большим комфортом и изысканностью... Поэтому молодые, хорошенькие индуски, опережая друг друга, стремятся поступить в армию Джеллы...

— Их солдатская форма, должно быть, безобразна?

— У принцессы слишком хороший вкус: этот костюм представляет собой нечто среднее между формой сипаев и женским платьем, в которое одеваются актрисы лондонского Театра пантомим во время празднования Рождества.

— Одним словом, красиво?

— Очаровательно!

— Принцесса ходит без охраны?

— Нельзя сказать, чтобы всегда. Во всех случаях, когда требует этикет, она не обходится без своих защитниц. Я уверен, что в день охоты за пантерой мы увидим вокруг Джеллы женскую стражу на лошадях.

— Вы правы, батюшка: она живет по-царски...

— Но это не единственный каприз. Принцесса содержит для собственного удовольствия и для развлечения гостей баядерок, певиц, танцовщиц, которые с детских лет обучаются этой профессии. Принцесса повсюду отыскивает молодых девушек со сладострастной грацией и приглашает их к себе за любую цену, как настоящий директор театра, желающий нанять известного артиста. Эта фантазия стоит ей ежегодно двести или триста тысяч фунтов стерлингов. Но для ее доходов такая сумма лишь капля в море.

— Известно ли что-нибудь о нравственности принцессы?

— Ничего... Если общественная жизнь ее известна, то личная покрыта непроницаемым покрывалом.

— Почему же она снова не выйдет замуж?

Джон Малькольм улыбнулся.

— Дорогой мой, — ответил он. — Это вопрос, который может быть разрешен только самой принцессой. Ты спросишь ее, если захочешь. Во всяком случае, поверь мне, что в тот день, когда она надумает расстаться со вдовством, претендентов на ее руку будет так же много, как звезд на небе.

— Вы знакомы с принцессой, батюшка?

— Я был представлен ей лордом Сингльтоном, и, как видишь, она не забыла моего имени.

— Вы в первый раз получаете от нее приглашение?

— Да, и это неожиданное приглашение радует, потому что дает мне возможность познакомиться с индийской аристократией, к которой я не знал как подступиться... Можно подумать, что принцесса отгадала мое желание.

Джордж взял со стола письмо, пробежал его глазами.

— В четверг... шестого августа... — сказал он.

— То есть за два дня до бала у лорда Сингльтона.

— Далеко ли лес, где мы будем охотиться?

— В шести милях отсюда.

— Наши лошади к вечеру устанут.

— Не беспокойся, там мы найдем не только свежих лошадей, но и слонов, если захотим.

— Отлично, но меня еще кое-что беспокоит.

— Что?

— Костюм. Неужели мы будем ужинать у принцессы в охотничьем платье? Мне кажется это неприличным.

— Ты прав. Мой лакей с утра поедет в Аллахабад и привезет нам костюмы к ужину. Лорд Сингльтон, наверное, будет также на охоте в четверг. Тебя нужно представить ему пораньше. Поэтому завтра мы съездим к нему обязательно.

XVIII. ПРИГОТОВЛЕНИЯ К ОХОТЕ

На другой день, как было решено накануне, Джордж Малькольм был представлен отцом лорду Сингльтону. Губернатор Бенареса принял молодого человека с любезностью, показывающей, как глубоко он уважает Джона Малькольма.

Губернатор также получил приглашение принцессы Джеллы. Расставаясь с отцом и сыном, он сказал:

— До скорого свидания, господа, в лесу Перава с его тиграми и пантерами!

Добавим мимоходом, что во время беседы с губернатором Джон Малькольм официально объявил о предстоящих свадьбах Джорджа и Эдуарда с Марией и Эвой Бюртель. Лорд Сингльтон отнесся сочувственно к этим союзам.

Два дня прошли без приключений, заслуживающих занять место на этих страницах.

Джордж Малькольм, как мы уже знаем, был в Англии страстным охотником. Мысль убить пантеру совершенно вскружила ему голову. Он даже не мог спать, так сильно хотелось ему скорее оказаться под темными сводами индийского леса, лицом к лицу с ужасным противником. Наш герой отличался решительным характером: перспектива опасности удвоила его нетерпение.

Наконец долгожданный день наступил. Первые проблески зари осветили серое, туманное небо. Это было счастливым предзнаменованием, так как охотники могли надеяться, что солнечные лучи, ослабленные облаками, смягчатся в жаркие часы охоты.

Дорога из Бенареса к лесу Перава шла через горы и была в запущенном состоянии, так что ехать по ней рысью было совершенно невозможно. Поэтому, хотя расстояние и не могло считаться большим, из опасения опоздать следовало отправиться ранним утром.

Еще до восхода солнца несколько оседланных лошадей уже стояли возле ворот веранды. Три из них предназначались Джону Малькольму и его сыновьям, две — Стопу и Казилю, которые должны были сопровождать своих господ на охоту.

Мария и Эва проводили на крыльцо опекуна и женихов. Они волновались. Несмотря на все уверения Джона Малькольма, предстоящая охота внушала девушкам инстинктивный страх, который не могли рассеять

никакие доводы. Наступила минута разлуки, последовали просьбы, обещания, клятвы... Затем маленькая кавалькада двинулась в путь. Выехав из города, путники присоединились к группе лорда Синглтона, в которую входили несколько офицеров и слуг.

После двухчасовой езды путешественники достигли опушки леса Перава. Группа индусов в роскошных одеждах приветствовала их громкими звуками охотничьих рогов... Около часа лошади мчались по хорошей дороге. Наконец достигли небольшого перекрестка, места сбора охотников.

Справа, посреди маленького пруда, виднелись живописные развалины, наполовину скрытые плющом.

— Расскажи мне об этом храме, — попросил Джордж Малькольм Казия.

— Господин, это остатки храма Кали...

— Индийской Венеры... Развалины, окруженные со всех сторон водой, уже не посещаются ее почитателями?

— Да, господин. Но когда на свете еще не было отцов наших отцов, храм выделялся своими многочисленными куполами. Здесь проходили многие празднества — в те времена дорога соединяла храм с городом. Но храм разрушился, дорога исчезла. Только одни кайманы обитают в этих обманчивых водах.

Джордж счел объяснение достаточным и перевел взгляд на группу красочно одетых людей, толпившихся неподалеку.

Это были охотники и загонщики, принадлежавшие к разным кастам индусов. Они отличались живописным обликом и разнообразием костюмов самых ярких цветов. Два слона с башнями казались огромными серыми крепостями.

Далее стояли желтокожие стражники атлетического сложения, будто вылитые из флорентийской бронзы, и слуги, имевшие одеждой одни лишь набедренные повязки поразительной белизны и тюрбаны из кисеи. Они держали на цепях больших догов, почти таких же диких и хищных, как пантеры и тигры, с которыми им предстояло схватиться. Собаки с широкими ошейниками, усеянными железными иглами, были неукротимы и пронзительно выли, стараясь порвать державшую их цепь.

Другие лакеи, строго одетые, держали под уздцы отличных чистокровных лошадей, предназначенных для приглашенных принцессы Джеллы.

Мы описали главные фрагменты картины, представшей глазам Джорджа Малькольма. Но перо не в силах описать с точностью живость

этой сцены, достойной кисти великого художника.

Лорд Сингльтон хотя и привык к подобного рода зрелищам, все-таки млеет от восторга.

Он подошел к Джорджу.

— Ну что, сэр Джордж, — спросил он, — каково ваше впечатление?

— Я думаю, милорд, — ответил молодой человек, — что это все из ожившей сказки...

— Да, конечно. И какой-нибудь современный Рембрандт мог бы вдохновиться сейчас на бесценное произведение.

Джордж поклонился в знак согласия.

Губернатор посмотрел на часы.

— Час, указанный в пригласительных билетах, наступил, — сказал он, — а царицы праздника все еще нет!

Джон Малькольм вмешался в разговор.

— Милорд, — улыбнулся он, — принцесса Джелла — женщина, и к тому же красавица, так что она имеет право заставлять себя ждать. На охоте, как и на балу, приехать после всех — самое лучшее средство произвести эффект. Принцесса знает этот рецепт и пользуется им.

— Однако, — возразил лорд Сингльтон, — точность есть вежливость королей как для царей, так и для цариц.

В эту минуту послышались торжественные трубные звуки, повторенные лесным эхом.

Взоры всех присутствующих устремились в ту сторону, откуда слышался шум.

— Принцесса и ее свита... — сказал лорд Сингльтон. — Вы еще не знакомы с принцессой, сэр Джордж?

— Нет, милорд.

— Отец вас представит, я же дам вам совет...

— Какой, милорд?

— Прикрыть свое сердце тройным щитом из меди, как говорит Гораций.

— Щитом, милорд? Почему?

— Чтобы предотвратить себя от страшной опасности...

— Опасности?

— Влюбиться в принцессу, — ответил лорд Сингльтон.

По губам старшего сына Джона Малькольма пробежала недоверчивая улыбка.

— Зря улыбаетесь, молодой человек, — сказал губернатор, — а главное — не сомневайтесь! Принцесса, уверяю вас, создание загадочное и

неотразимое.

— Милорд, — ответил Джордж, — я верю вам, но я неуязвим...

Лорд Сингльтон улыбнулся.

— Неуязвим! — повторил он насмешливо.

— Да, милорд. У меня самая могущественная защита — любовь!

— Вы правы, — согласился губернатор, — я совсем забыл о вашей скорой свадьбе. Что ж, молодой человек, любите честно и горячо. Счастлива должна быть девушка, которой принадлежит ваше сердце, способная внушить такую любовь.

В то время, когда происходил этот разговор, свита принцессы остановилась на лужайке.

XIX. ЛОШАДЬ ПРИНЦЕССЫ ДЖЕЛЛЫ

На свиту стоило посмотреть. Впереди — двенадцать музыкантов в одеждах пунцового цвета, шитых серебром. За ними на вороных конях гарцевали двадцать пять молодых женщин. На их блестящих стальных касках развевались белые султаны, красные короткие платья облегли их гибкие фигуры, а широкие шальвары из прозрачного газа с золотой нитью и испанские сапожки красного сафьяна со шпорами подчеркивали стройность ног.

Позади свиты ехала принцесса Джелла, окруженная главными офицерами своего дома. Справа от нее скакал раджа Дургаль-Саиб, которому предстоит играть важную роль в нашем романе. Далее — опять женская свита, совершенно похожая на первую, затем множество слуг в роскошных одеждах. Они замыкали шествие.

Эта блестящая кавалькада остановилась на лужайке, потом, по команде, с необыкновенной быстротой расступилась, чтобы пропустить принцессу.

Джелла и Дургаль-Саиб направились к лорду Сингльтону.

Читатели, наверное, не забыли нарисованного нами в начале этой книги портрета принцессы во время ее таинственного появления в храме Шивы. А потому мы заметим только, что принцесса Джелла своим простым нарядом создавала контраст с окружающим ее почти волшебным великолепием. На ней была суконная амазонка темно-голубого цвета, сшитая у знаменитого портного на Регент-стрит. Гладкий белый накрахмаленный воротник падал на узкий черный галстук. Серая шляпа с длинным красным пером была надета по-мужски на густые великолепные волосы, едва удерживаемые черепаховым гребнем.

Принцесса сидела на чистокровной арабской лошади, легкой в движении.

В левой руке Джелла держала поводья, в правой — великолепно инкрустированный хлыстик.

Охотничий костюм как нельзя лучше шел принцессе. Темное сукно обрисовывало безукоризненные формы, достойные античной статуи. Шляпа гармонировала с черными волосами и нежной бледностью лица.

Одним словом, никогда Джелла не была так хороша, даже в самом роскошном наряде, усыпанном драгоценными камнями, как в эти минуты.

Понятное для наших читателей волнение заставляло сильно биться ее

сердце; глаза блистали необыкновенным огнем, пунцовые губы дрожали, а щеки покрылись легким румянцем по мере того, как она приближалась к месту, где стоял Джордж Малькольм.

С правой стороны Джеллы ехал, как мы уже сказали, раджа Дургаль-Саиб.

Здесь необходимо некоторое отступление.

Дургаль-Саиб, потомок тамерлидов, обладал громадным состоянием, не уступавшим состоянию Джеллы. Ему исполнилось тридцать лет, роста он был немного выше среднего и считался красавцем.

Насколько Джелла отличалась в этот день простотой костюма, настолько Дургаль-Саиб старался продемонстрировать всю восточную роскошь, не лишенную абсурда.

Бриллиант, украшавший его головной убор, соперничал по величине и блеску со знаменитым алмазом «Регент». Одежда раджи сверкала драгоценными камнями. Поводья лошади, седло, упряжь, рукоятка сабли — все искрилось в калейдоскопе рубинов, топазов, изумрудов, сапфиров. Короче, мы не преувеличили бы, сказав, что французский ювелир не колеблясь оценил бы все это в пять или шесть миллионов франков.

Лорд Сингльтон двинулся навстречу принцессе, которая была впереди своей свиты.

— Благодарю, милорд, благодарю, господа, — сказала она, кланяясь лорду Сингльтону и его соотечественникам. — Вы приняли мое приглашение... Я очень признательна за это, хотя и не сомневалась в вашей любезности.

Услышав голос Джеллы, Джордж вздрогнул: ему показалось, что он слышит его не в первый раз, но мысль, что незнакомка в черной маске и принцесса Джелла — одно и то же лицо, не пришла ему в голову.

— Принцесса, — ответил лорд Сингльтон, целуя руку Джеллы, — мы гордимся, что можем выразить свое глубокое уважение жемчужине Бенареса, настоящей царице Индии.

— Это чересчур! — воскликнула со смехом принцесса. — Вы хорошо знаете, что от короны, носимой моими предками, мне осталась только диадема из собственных волос.

Потом, повернувшись к Джону Малькольму, она прибавила:

— Вас особенно я должна поблагодарить, сударь, так как едва смела надеяться на ваше посещение... Я боялась, что серьезные дела помешают вам присутствовать на охоте... Но вы приехали и привезли с собой сыновей. Поверьте, я очень рада.

— Принцесса, — кланяясь, отвечал Джон Малькольм. — Ничто в мире

не могло бы извинить меня в собственных глазах, если бы я осмелился отказаться от вашего приглашения. Кстати, позвольте представить вам моих сыновей. Старший сын приехал несколько недель назад из Англии...

Джелла подняла на молодого человека большие глаза, посмотрела на него так пристально, что тот невольно смутился.

— Добро пожаловать, сэр Джордж, — сказала она. — Меня прекрасно принимали в вашем отечестве. Я охотилась на лисицу в лесах графства Эссекс с лордом Вестминстерским. Теперь же хочу познакомить вас с индийскими дегриями, еще неизвестными вам. И поверьте, сэр Джордж, вы увидите опасность вблизи. Сегодня я буду вашим проводником, а вы моим кавалером до вечера. Вы согласны?

— С радостью принимаю ваше предложение, принцесса, — воскликнул Джордж, — но с одним условием...

Живейшее удивление выразилось на лице Джеллы.

— Условие? Вы предлагаете мне условие?!

— Да, принцесса.

— Какое же, сударь?

— Если представится опасность, то вы оставите ее для меня одного.

Джелла улыбнулась.

— Посмотрим, всему свое время. Я ничего не обещаю. Будьте моим кавалером без всяких условий или откажитесь от этого предложения для раджи Дургаль-Саиба, который хорошо знает, что я не уйду от опасности...

— Ваше желание будет исполнено, но своего места я не уступлю никому!

Джелла подала знак. Тотчас же с низким поклоном подошел лакей, стоявший на почтительном расстоянии.

— Тимор, — обратилась она к нему, — приведи сюда Джали.

Лакей как стрела помчался к тому месту, где слуги держали под уздцы лошадей.

— Вы, вероятно, хороший наездник, сэр Джордж, — между тем продолжала принцесса.

— Мне трудно сказать, какой я наездник.

— Вы сядете на Джали, самую быструю лошадь, единственную, которая может следовать за Баронетом. Она настоящий демон, предупреждаю вас, будьте осторожны.

— Я постараюсь справиться с ней.

В это время появился лакей, ведя лошадь под уздцы.

Джали была прекрасной арабской лошадейю. Ничто не могло превзойти

ее по грациозности, а грива и хвост, длинные и шелковистые, развевались, подобно женским волосам. Упряжь и седло из красного сафьяна, шитого шелком и золотом, представляли разительный контраст с черным цветом ее масти.

Джордж был знатоком лошадей. Он с восторгом смотрел на благородное животное.

— Как вы находите Джали? — спросила принцесса.

— Это самая прекрасная лошадь, какую я когда-либо видел.

С этими словами Джордж подошел к Джали. Лошадь, чувствуя незнакомца, повернула к нему голову, раздувая ноздри.

Джордж, взяв поводья в левую руку, собрался уже вскочить в седло.

— Берегитесь! — воскликнула принцесса.

Джали неожиданно прыгнула в сторону, волоча за собой Джорджа. Вторая и третья попытки закончились так же безрезультатно. Новичок непременно отказался бы от дальнейших притязаний, но Джордж был хорошим наездником. В ту минуту, когда лошадь прыгнула в четвертый раз, он вскочил в седло, не дотронувшись до стремени.

Но это еще не была победа. Джали, стремясь показать весь свой норов, начала короткую, но страшную борьбу с седоком: от бешенства она поднималась на дыбы, готовая опрокинуться, кружилась на месте, делала прыжки, от которых и самый опытный наездник вылетел бы из седла.

Но Джордж походил уже не на человека, а на кентавра. Пируэты лошади не устроили его, он сидел спокойно, лишь изредка припадая грудью к ее гриве.

Джелла с непреодолимым волнением следила за этой сценой. Конечно, и лорд Сингльтон, и Дургаль-Саиб, и Джон Малькольм, и Эдуард непременно заметили бы беспокойство принцессы, если бы их внимание не было приковано к описанной нами сцене.

Наконец разумная воля восторжествовала над инстинктом. Джали поняла, что имеет дело с более сильным, чем она, и покорилась; удары шпор и хлыста вызывали у нее теперь только повиновение.

Вся в пене, дрожа, управляемая опытной рукой, она приблизилась к принцессе Джелле.

XX. В ЛЕСУ

Когда лошадь была усмирена, со всех сторон раздались восторженные восклицания и аплодисменты, будто лужайка леса превратилась в арену Регент-цирка.

Джордж поклонился окружающим. На бледных щеках Джеллы выступил яркий румянец, а черные большие глаза заблестали радостью.

— Вы убедились, принцесса, — сказал ей Джордж, — между Джали и мной было недопонимание, теперь мы поладили.

— Вижу, сэра Джордж, что вы хороший наездник, — отвечала Джелла. — Неукротимая Джали нашла себе господина, она вполне достойна вас. Разлучить теперь вас с ней невозможно. Джали больше не вернется в мои конюшни. Прошу вас принять ее.

— Но принцесса... — прошептал Джордж, смутившись.

— О! — с живостью воскликнула Джелла. — Она ваша. Если вы откажетесь, я велю слуге выстрелить ей в ухо.

— Я принимаю подарок, и моя признательность не имеет границ. Это царский дар.

— Господа, — произнесла принцесса, обращаясь к окружающим ее гостям, — смените, пожалуйста, своих усталых лошадей — и вперед. Время проходит, пантеры нас ждут! А вы, сэра Джордж, помните: вы мой кавалер на весь день.

— Принцесса, — сказал молодой человек, — существуют милости, которые не забываются.

Джелла поблагодарила Джорджа взглядом.

Спустя пять минут все приглашенные уже сидели на лошадях. Лорд Сингльтон и Джон Малькольм заняли места на слонах. Трубы подали сигнал к отъезду, загонщики бросились в лес с дикими криками, а охотники пустились по их следам с быстротой, на которую только были способны их лошади.

Излишне говорить читателю, что Джордж на Джали и Джелла на Баронете ехали во главе группы, удаляясь от нее.

Загонщики-негры, посланные вперед, объявили о появлении нескольких пантер и тигров.

Негр, посланный в лес еще рано утром, видел, как животные приходили к пруду на водопой. Но, вероятно, звуки труб, лай собак, ржание лошадей испугали тигров и пантер. Гости Джеллы в течение двух часов

ездили по лесу, не встретив никого, кроме ланей, которые, ища спасения в бегстве, везде находили смерть, потому что охотники немилосердно убивали их.

Джордж чувствовал необыкновенное сострадание к этим несчастным животным, таким грациозным и беззащитным, испуганно обращавшим на своих убийц взоры, полные мольбы.

Джеллой же, наоборот, овладело желание все уничтожить. К ее седлу был привязан маленький карабин, и она каждый раз, как пробежала лань, бросив поводья, хватала его и, прицелившись, спускала курок, точно попадая в цель.

Джордж любовался ловкостью Джеллы и возмущался ее странной бесчувственностью. Он невольно вспоминал ее портрет, нарисованный отцом несколько дней назад; вспоминал о ее диких инстинктах, не побежденных даже самым блестящим образованием, и признавал, что портрет соответствовал оригиналу. Молодому человеку казалось, что он видит кровь на руках этой красивой женщины, а под влиянием страсти она может так же спокойно убить человека, как теперь убивает лань.

Время от времени Джелла приостанавливала Баронета, как бы желая дать возможность другим охотникам догнать себя, но делала она это лишь для того, чтобы обмолвиться с Джорджем несколькими словами.

Опытный наблюдатель, видя сегодня принцессу, пришел бы к заключению, что она поклялась обворожить своего кавалера. Действительно ли у нее была такая цель, мы скоро узнаем.

Наступил полдень. Небо, покрытое с утра тучами, совершенно прояснилось. Солнце, казалось, бросало на лес целые потоки лучей. Стало очень душно.

Джордж и Джелла выехали на лужайку, окруженную гигантскими деревьями, могучие кроны которых, соединившись, создавали огромный шатер, защищавший охотников от палящих лучей солнца.

Принцесса, остановив лошадь, внимательно осмотрела лужайку: мягкая зелень покрывала ее, а ручей с прозрачной водой манил к себе приятной свежестью.

Джелла, взяв серебряный рожок, висевший на шелковом шнурке, поднесла его к губам и подала сигнал, потом прислушалась.

Спустя несколько секунд со всех сторон слышались точно такие же звуки.

— Что это означает, принцесса? — спросил Джордж.

— Я подала сигнал, и мне ответили.

— Вы отдали приказание своим людям?

— Да.

— Позвольте мне спросить: какое?

— Проводить сюда охотников, потому что мы сейчас будем здесь трапезничать. Хорошее ли я выбрала место для этого?

— Конечно. Но где же еда?

Джелла улыбнулась.

— Не беспокойтесь, появится.

— Как в сказках, по волшебству?

— Может быть! — смеясь, ответила принцесса. — Ничто не мешает вам думать, что этот лес похож на декорации лондонских или парижских театров. Но все же обещаю вам, что пироги и дичь будут не из картона, как это бывает на сцене, а настоящие.

Спустя несколько минут Баронет и Джали, подняв головы, весело заржали. Это тоже был сигнал. Со всех сторон им ответили таким же ржанием, показавшим, что охотники приближаются к лужайке.

Вскоре среди деревьев появилась женская свита, сопровождаемая музыкантами, которые, издали увидев принцессу, заиграли прекрасный марш Россини.

За ними прибыла большая часть приглашенных.

Позади брели мулы, навьюченные корзинами и коврами. В корзинах и находился обед. Казиль открыл этот секрет Стопу, и предвкушение еды вызвало широкую улыбку у преданного лакея сэра Джорджа Малькольма.

XXI. НЕОЖИДАННЫЙ ГОСТЬ

Слуги с удивительной быстротой расстелили на земле ковры самых ярких цветов, положили на них мягкие подушки и, расставив посуду, находившуюся в громадных ящиках, удалились. Затем приступили к исполнению своих обязанностей поварята, которые быстро наполнили эту посуду самыми разнообразными кушаньями и винами.

Одним словом, через несколько минут все приготовления к обеду были окончены.

— Не смею сказать вам «За стол, господа!», — воскликнула принцесса, указывая гостям на живописно расставленные блюда импровизированного застолья, — потому что нам недостает здесь кресел и стульев... Но вспомните древние обычаи: увенчайте себя, если хотите, цветами и листьями, ложитесь, вместо того чтобы сидеть! Лорд Сингльтон, окажите мне честь, садитесь возле меня справа, а вы, сэр Джон, — слева.

Оба поклонились.

— Не расставайтесь со своим оружием, милые гости, — смеясь, прибавила Джелла. — Очень может быть, что тигр или пантера, привлеченные запахом трюфелей, вздумают нанести нам визит. Будем готовы с честью принять этих гостей.

Общий смех был ответом на слова принцессы. Действительно, казалось невероятным, чтобы ее предсказание сбылось. Тем не менее все гости постарались иметь под рукой револьверы и карабины.

На лицах знатных индусов промелькнуло удивление, когда Джелла посадила лорда Сингльтона и сэра Джона Малькольма рядом с собой. Их не поразило, что первое место предназначалось лорду Сингльтону, губернатору Бенареса и представителю Ост-Индской компании, следовательно, самой Англии. Но гражданин Джон Малькольм, хотя его общественное положение было значительным и он был всеми уважаем, не должен был удостоиться такой большой чести, которая по праву принадлежала, как думали все индийские гости, радже Дургаль-Саибу, одному из индийских владык, подобно самой принцессе Джелле...

Охотники сильно проголодались. Распечатанные бутылки осушались с баснословной скоростью, а шампанское развеселило всех. Англичане стали общительными и говорливыми, как французы, а индусы утратили свою ледяную замкнутость.

Вдруг среди общей веселости почти в нескольких шагах от гостей

раздался крик, заставивший вздрогнуть даже самых храбрых.

Мы упоминали о ручейке на лужайке, окруженной широколиственными деревьями. Казиль, уже давно нам знакомый, был как раз там. Он готовил букет из диких цветов. И тут услышал тяжелое дыхание, похожее на пыхтение мехов в кузнице. Он поднял голову и увидел пантеру огромных размеров, собиравшуюся прыгнуть на него.

Казиль понял, что погиб. Он хотел бежать, но его ноги остались пригвожденными к месту. Тогда он и закричал, испугав всех присутствующих.

Едва замер этот отчаянный вопль о помощи, как пантера со страшным ревом бросилась на молодого индуса. Но Казиль упал не на землю, иначе он, безусловно, погиб бы сразу, а в самый ручей.

Пантера, присев на берегу и протягивая свою громадную лапу к Казилю, начала играть с жертвой, подобно кошке с мышью.

Гости принцессы Джеллы были многочисленны, молоды и сильны, все до одного храбрецы, привыкшие не бояться опасности; некоторые из них были моряками или солдатами, не раз встречавшими смерть лицом к лицу. Но в первую минуту все под влиянием ужаса оставались безмолвными и неподвижными.

Джордж Малькольм первым пришел в себя. Зарядив револьвер, он сделал шаг туда, где слышалось рычание пантеры.

Руки многих потянулись, чтобы остановить его, исключая отца, который, понимая, как опасно принятое сыном решение, тем не менее не подумал его остановить.

Джордж уже двинулся дальше, когда принцесса Джелла, поднявшись с места, крикнула ему:

— Сэр Джордж! Сэр Джордж! Что вы хотите делать? Пантера бросится на вас!

— Этого как раз я и желаю, сударыня! Тогда она оставит Казиля...

— Вы погибнете!

— Что ж, сударыня, Бог дал человеку жизнь для того, чтобы он не боялся смерти.

Принцесса хотела еще что-то сказать, но Джордж, хорошо понимая, что каждая секунда уменьшает шансы спасти Казиля, решительным жестом остановил вопросы Джеллы.

Взяв в одну руку карабин, а в другую револьвер, он быстро двинулся к ручью.

С той минуты, как он отделился от неподвижной группы людей, пантера, устремив на него огненные глаза, внимательно следила за каждым

его движением. Увидя, что враг приближается, она еще раз грозно прорычала.

Но Джордж не остановился. Тогда пантера приподнялась, приготовившись прыгнуть на дерзкого смельчака.

Молодой человек двигался все так же быстро. Пантера ждала его! Необычное зрелище длилось недолго, но тот, кто наблюдал его, никогда не забудет. В эту минуту Джордж Малькольм стал похож на архангела, поражающего злого духа. Он остановился. Глаза его пристально смотрели на пантеру, губы были сжаты, лицо приобрело матовую бледность. Пантера в любую секунду могла броситься на него.

XXII. НЕПОСТОЯНСТВО ЖЕНСКОГО СЕРДЦА

Джордж Малькольм понял, что наступила решающая минута: следовало опередить противника. Поэтому, подняв револьвер и прицелившись в голову зверя, он спустил курок с таким хладнокровием, как будто стрелял в кролика.

Расстояние между противниками было так мало, что заряд попал в пасть пантеры, которая, испустив бешеный рев, прыгнула вперед. Но Джордж уже бросил ненужный револьвер и держал карабин, к концу которого был прикреплен штык. Пантера со всего маху кинулась на Джорджа. Удар был так силен, что штык, исчезнув в ее груди, сломался пополам.

Джордж стоял безоружный перед чудовищем, метавшимся в предсмертной агонии. Никто не мог прийти на помощь нашему герою: для этого не хватило бы времени. Не было даже возможности выстрелить из-за опасности убить молодого охотника.

Джон Малькольм побледнел, глаза его устремились к небу. Он просил Бога сотворить чудо: спасти сына. Принцесса Джелла не пыталась скрыть волнения, овладевшего ею. Руки Эдуарда Малькольма безвольно висели вдоль тела. Стоп, верный Стоп упал на колени и с необыкновенным усердием призывал всех святых на помощь своему господину.

Все описанное произошло в одно мгновение. Пантера упала в двух шагах от Джорджа.

Вероятно, она снова намеревалась прыгнуть и изорвать в куски своего противника. Но случилось иначе. Острие штыка пронзило ее сердце.

И тут страх исчез. Со всех сторон послышались восторженные восклицания. Индусы, как и англичане, аплодировали храбрецу и радовались счастливому окончанию схватки, потому что Джордж вышел из сражения, не получив даже царапины, хотя несколько капель крови попали на его одежду. Но это была кровь черной хищницы.

К принцессе Джелле вернулось самообладание, яркий румянец покрыл ее щеки.

Джон Малькольм, Эдуард и Стоп бросились к Джорджу; отец и брат обняли его, а лакей, схватив полу куртки своего господина, почтительно поднес ее к губам.

Джордж ответил отцу и брату ласковым движением руки и пожал руку Стопу, бормотавшему вполголоса свои проклятия этой ужасной Индии, где

пантеры столь бесцеремонно напрашиваются на обед, и только потом воскликнул:

— Что с Казилем?

Молодой индус не подавал признаков жизни, и Джордж подумал, что он погиб. Эта грустная уверенность продолжалась, впрочем, недолго. Сердце Казиля билось, хотя и очень слабо. Стало ясно, что он находится в обмороке.

Джон Малькольм, как человек, привыкший жить в чужой стране, всегда имел при себе лекарства.

Едва он поднес пузырек к ноздрям Казиля, как тот открыл глаза и с удивлением посмотрел вокруг.

Он ничего не помнил, но вид пантеры вернул ему память.

— Ах! — воскликнул он. — Кто же спас меня? Кто убил пантеру?

— Он! — ответил Эдуард, кладя руку на плечо брата.

Казиль упал перед Джорджем на колени.

— Господин, — прошептал он дрожащим голосом, — я был обязан жизнью вашему отцу, а сегодня ее мне дарите вы! Когда же я буду в состоянии возратить свой долг?..

В этой удивительной стране, где человек стремительно привыкает к разного рода приключениям, самые сильные волнения проходят с быстротой, которая показалась бы странной в Европе.

Тотчас же после описанной нами драмы обед, прерванный на несколько минут появлением черной пантеры, возобновился и вскоре окончился самым веселым образом. Все забыли об опасности, которой совсем еще недавно подвергся сэр Джордж Малькольм. Но поспешим добавить, что спокойствие троих из присутствующих на лужайке было только внешним. При воспоминании о происшедшем усиленно бились сердца Джона Малькольма, Казиля и особенно принцессы Джеллы.

Пришла минута анализа тайных мыслей молодой женщины, названной нами в начале книги второй Маргаритой Бургундской. Она решила во что бы то ни стало влюбить в себя Джорджа. А достигнув этого, хотела быть к нему немилосердной и заставить его испытать все муки отвергнутой любви.

Для приведения в исполнение своего плана она и послала приглашение Джону Малькольму и его сыновьям. Она спешила приблизиться к Джорджу, спешила отомстить ему!

Говорят, что королю Франциску I принадлежат стихи:

Часто женщина меняется.

Глуп тот, кто ей доверяется!

Не знаем, следует ли верить в существование такого предания и тому, что король писал стишки. Как бы там ни было, а в этих строчках есть верная мысль.

Ничто не может сравниться с непостоянством женских желаний и намерений. Принцесса дала нам еще один пример справедливости данного высказывания.

Ловкость и неустрашимость Джорджа, которые Джелла только что пережила, изменили ее решение. У нее совершенно исчезло желание заставить Джорджа страдать. Она снова любила его!

По окончании обеда принцесса подала знак, и слуги привели лошадей. Джелла и гости вскочили в седла, охота возобновилась. И была более удачной, чем утром. Один тигр и две пантеры упали под пулями гостей, и эти результаты не стоили никому жизни.

Солнце между тем скрылось за горизонтом. По приказанию Джеллы затрубили в рог, чтобы собрать охотников для отъезда в Шагабад, куда принцесса пригласила гостей на ужин.

XXIII. КЛАДБИЩЕ СЛОНОВ

Мы говорили, что от Бенареса до места сбора охотников дорога была гористой и тяжелой для путешествия. Зато дорога из Пераваского леса до дворца Шагабад была отличной и требующей не более часа.

В пути лорд Сингльтон старался завладеть вниманием принцессы, но она едва слушала его, отвечая невпопад.

Джордж ехал позади принцессы один и, подобно тому как Джелла думала о нем, думал о Марии.

Неожиданно около него пролетела большая птица и скрылась в густой зелени деревьев. Вид неизвестной птицы пробудил охотничий азарт Джорджа, и он пустился в погоню за ней. Тот, кто знает упрямство истинного охотника, не удивится нетерпению Джорджа. Птица, казалось, дразнила его, потому что подпускала к себе без малейшего беспокойства и улетала только тогда, когда Джордж собирался выстрелить.

Увлеченный преследованием, он не заметил, как приблизился к громадным скалам. Птица, вспорхнув в последний раз, скрылась за пригорком. Наш герой с минуту колебался, следовать ему за ней или повернуть назад, но упрямство одержало верх.

— Нет! Сто раз нет! — воскликнул он. — Я исправлю свою оплошность, и удача снова будет со мной.

С этими словами он пришпорил лошадь.

Принцесса не преувеличила достоинств Джали. Она скакала с удивительной легкостью и через несколько минут достигла вершины горы.

Здесь Джордж остановился. Птица, уже невидимая, конечно, была потеряна для него, но зато его глазам представилось невероятное зрелище. Почти под его ногами находилась площадка, напоминающая арену цирка, окруженная гранитными камнями с заостренными концами. В середине ее стояла высеченная из камня статуя, разрисованная яркими красками, а на земле белели гигантские скелеты животных.

Джордж какое-то время рассматривал это странное зрелище, как вдруг услышал стук копыт со стороны опасного склона горы. Обернувшись, он увидел Казилья, не без труда заставлявшего лошадь взбираться на гору.

Спустя мгновение молодой индус уже был рядом с Джорджем.

— Зачем ты приехал сюда, Казиль? — спросил Джордж.

— Господин, я хотел быть возле вас, потому что сейчас вы будете нуждаться во мне.

— Чем ты можешь быть мне полезен?

— Я покажу вам, как вернуться в долину.

— Разве я не могу спуститься в долину с горы там, где поднялся?

— Нет, господин. Подняться можно, но спуститься нельзя. Лошадь разобьется вместе с вами о скалы.

— И ты знаешь дорогу, по которой можно проехать?

— Да, господин. Это высохшее дно потока, оно не более чем в ста шагах отсюда.

— Хорошо, мы поедem этой дорогой, но прежде удовлетвори, если можешь, мое любопытство...

— Я готов. Что вам угодно?

Джордж протянул руку по направлению к описанной нами картине:

— Что это такое?

— Кладбище слонов, — ответил Казиль.

— Итак, эти чудовищные останки...

— Их скелеты.

— Но почему их так много именно в этом месте?

— В давние времена слонов в Индии было значительно больше, чем сейчас. По-видимому, Пераваский лес был наводнен ими. В то время — я говорю о времени, в котором жили наши прадеды, — в долину, что перед вашими глазами, никогда не приходил человек. Нужно сказать, господин, инстинкт слонов — как человеческий ум. Они так же скромны в любви, как и в смерти... Они прячутся, чтобы любить, и прячутся, чтобы умереть. Чувствуя приближение смерти, слоны приходили в эту долину, ложились и больше не вставали.

— Действительно, — заметил Джордж, — я припоминаю, что когда-то читал подобный рассказ о нравах этих великанов. Но объясни мне, Казиль, каким образом проникали они сюда, если со всех сторон это место закрыто непроходимыми скалами?

— В конце долины, господин, есть узкий проход, напоминающий ущелье, высеченное топором между гранитными стенами...

— А эта разрисованная статуя!.. Какой странный контраст с гигантскими скелетами!

— Это статуя бога Шивы.

— Как она попала сюда?

— В нашей религии, мой господин, кладбище слонов считается священным. Когда обнаружили это кладбище, брамины поспешили поставить здесь статую. Во время полнолуния они приходят поклониться перед этим изваянием.

— Это, должно быть, странное и любопытное зрелище!

— Я думаю так же, как и вы, хотя никогда не видел его.

— Знаешь, Казиль, я многое бы дал, чтобы побывать на нем.

— К сожалению, господин, ваше желание неисполнимо.

— Почему?

— Брамины никому не говорят о времени своих богослужений. К тому же иностранцу, другого вероисповедания, было бы и опасно подслушивать тайны богов.

— Разве ты не знаешь, Казиль, что опасность меня привлекает, удваивает мое любопытство?

— Подобное любопытство очень опасно и когда-нибудь будет стоить вам жизни.

— Ха! — засмеялся Джордж. — Час моей смерти записан в книге, находящейся на небе, поэтому ничто не может ускорить этого часа...

После минутного молчания молодой человек начал снова:

— Так ты говоришь, что брамины приходят на кладбище слонов во время полнолуния?

— Да, господин, по крайней мере, так уверяют... Сам я не могу сказать с уверенностью.

— Со вчерашнего вечера, кажется, наступило полнолуние? Я не ошибаюсь?

— Нет, мой господин...

На этом разговор прекратился.

— Казиль, — сказал Джордж, — покажи мне известную тебе дорогу, и поскорее догоним принцессу и ее гостей.

Казиль, пустив свою лошадь вперед, проводил Джорджа в долину. Англичанин дал полную свободу Джали, которая полетела с такой быстротой, что молодой человек догнал охотников за четверть часа до их прибытия к жилищу принцессы.

Шагабад, один из многочисленных дворцов Джеллы, считался лучшей, роскошнейшей родовой резиденцией в окрестностях Бенареса. Подробное описание его было бы, кажется нам, излишним. Поэтому скажем только, что дворец, построенный из красного камня и белого мрамора, соединял в себе восточную роскошь с европейской элегантностью и комфортом.

Огромные сады, наполовину индийские, наполовину английские, представляли настоящий лес, наполненный ланями и антилопами. Здесь имелось также и озеро с легкими судами, служащими для прогулок и рыбной ловли.

XXIV. УЖИН

Большая столовая в восточном стиле наполнилась гостями. Все скоро сели за стол, уставленный изысканными кушаньями и дорогими винами. Два фонтана из розового мрамора разливали прохладу по обширной комнате. Невидимый оркестр играл чудные мелодии незабываемого маэстро Россини.

Ужин подходил к концу.

Принцесса, как и за обедом, посадила Джона Малькольма возле себя.

— Господа, — говорила она, — не оставляйте ваши стаканы пустыми... Каждый из вас, наверное, чувствует жажду после охоты.

— Мы утолим ее, — возразил Джон Малькольм, — но позвольте мне, принцесса, высказать вслух одну неопровержимую истину.

— Истину? — спросила с улыбкой Джелла. — Какую, сэр Джон?

— Следующую: если бы горячие пески пустыни могли принять ваше гостеприимство, то и те через час уже не чувствовали бы жажды.

Эти слова были встречены громкими рукоплесканиями.

— Сэр Джон Малькольм совершенно прав, сударыня, — сказал лорд Сингльтон, — вы действительно принимаете гостей по-королевски, и я надеюсь, что мне будет позволено послезавтра отблагодарить нас у себя во дворце... Я имел честь прислать вам приглашение на праздник, который еще более сблизит индийскую аристократию и англичан.

— Действительно, милорд, я получила ваше приглашение.

— Позвольте мне надеяться, что вы не откажетесь принять его.

— Я была бы очень счастлива, если бы могла принять участие в вашем празднике, — прошептала принцесса, бросая беглый взгляд на Джорджа, — но, к сожалению, это невозможно!

— Как! Почему невозможно? — воскликнул губернатор.

— К сожалению, я не свободна, потому что приняла уже другое приглашение.

— Разве нельзя его отложить до другого времени? — спросил лорд Сингльтон.

— Увы, нет.

— Вы приводите меня в отчаяние, сударыня! Без вас во дворце не будет королевы бала.

— Ах, милорд, пощадите мою скромность, — улыбнулась Джелла. — Я уверена, что вы без труда найдете среди ваших соотечественниц более

достойную, чтобы принять скипетр и корону.

— У нас в Бенаресе есть только две женщины, которые могут сравниться с вами по красоте и грации, но они слишком молоды и неопытны, чтобы им можно было вручить скипетр. Я так надеялся видеть его в ваших руках...

— Это, вероятно, молодые девушки? — спросила принцесса.

— Да, сударыня... Мисс Мария и мисс Эва Бюртель, воспитанницы нашего друга сэра Джона Малькольма и невесты его сыновей Джорджа и Эдуарда...

— Как? — спросила Джелла с волнением, которое не сумела скрыть от гостей. — Сэр Джордж женится?

Поняв, что может выдать себя, она с наигранным безразличием уточнила:

— Сэр Джордж и его брат сэр Эдуард?

— Да, сударыня, — ответил Джон Малькольм. — Этими браками я надеюсь упрочить не только счастье воспитанниц, но и будущее своих сыновей.

Лицо принцессы мгновенно стало бледным.

— Когда это должно свершиться? — тихо спросила она.

— Через две недели, — сообщил старик.

— А! — снова начал лорд Сингльтон, улыбаясь. — Я вполне понимаю нетерпение сэра Джорджа и сэра Эдуарда! Иначе все выглядело бы странным, потому что мисс Мария и мисс Эва являются воплощением грации, изящества и красоты. Впрочем, я достаточно доказал это, говоря, что они могут соперничать с принцессой.

Джелла, сделав над собой усилие, постаралась улыбнуться.

— Знаете ли, милорд, — сказала она, — вы сильно возбудили мое любопытство.

— Вам очень легко удовлетворить его, принцесса. Приняв мое приглашение на бал, вы могли бы собственными глазами увидеть достоинства невест.

— Индийские принцессы такие же дочери Евы, как и парижанки.

Джелла с минуту колебалась. Затем уточнила:

— Мой отказ от приглашения не был окончательным. Все еще можно изменить.

— Я был бы счастлив... — Лорд Сингльтон приблизился к принцессе. — Вы сказали нам, что другое приглашение...

— Совершенно справедливо, — согласилась Джелла, — но по праву женщины я могу иметь свои капризы... Я дала слово, ну и что же? Не

исполню обещание, вот и все. Можете рассчитывать на меня, милорд. Непременно буду на вашем балу.

Лорд Сингльтон, взяв руку принцессы, с любезностью поднес ее к губам.

— Ах, сударыня, вы делаете меня счастливым.

— Я увижу ее... — прошептала Джелла так тихо, что даже самые близкие соседи не могли услышать этих слов. Она устремила проницательный взгляд на Джорджа.

Ужин окончился весело и шумно. Лишь принцесса, казавшаяся чем-то озабоченной, молчала. К ней подошел распорядитель вечера и что-то почтительно произнес.

— Господа, — сказала Джелла, — шербет и гаванские сигары ожидают вас на террасе дворца.

Джон Малькольм, наполнив стакан, воскликнул:

— Я предлагаю последний тост. Пью за нашу принцессу!

Его поддержали все присутствующие.

Джелла подняла бокал.

— Благодарю вас, господа, — сказала она улыбаясь. — Я тоже предлагаю тост, который, надеюсь, вы примете...

— Мы готовы, принцесса, — сказал лорд Сингльтон.

— Я пью за Ост-Индскую компанию, пью за ее процветание, пью за вас, англичан!

— За процветание Ост-Индской компании! — закричали англичане с энтузиазмом.

Губернатор, встав, сказал:

— Благодарю вас, принцесса, от имени Англии!

Все поднялись.

Джон Малькольм предложил руку Джелле, возле которой он стоял, но она отказалась.

— Я вернусь через минуту, — прошептала она. — Лорд Сингльтон покажет вам дорогу.

Потом, подойдя к Джорджу, тихо сказала ему:

— Последуйте за вашими соотечественниками, сэр Джордж, а через несколько минут возвращайтесь сюда, я буду вас ждать. Мне необходимо поговорить с вами.

Молодой англичанин поклонился принцессе, скрывая, как только мог, охватившее его удивление. Что могло быть более странным для него, чем это неожиданное свидание, назначенное Джеллой? Какую цель она преследовала?

Терраса, на которую отправились гости Джеллы, находилась на втором этаже. Поддерживаемая двадцатью четырьмя колоннами из розового мрамора, она возвышалась над садами, позволяя видеть окрестности и лес Перава. Кресла и стулья из бамбука составляли ее меблировку.

Маленькие негры разносили гостям шербет и ликеры.

Мы никого не удивим, сказав, что все говорили очень громко — так всегда бывает в мужском обществе после обеда.

Обменявшись несколькими словами с отцом, братом и лордом Сингльтоном, Джордж воспользовался первой возможностью, чтобы ускользнуть, не привлекая к себе внимания.

Пройдя два зала, отделявших террасу от столовой, он переступил порог комнаты, где принцесса уже ждала его.

XXV. ВСЕ КОНЧЕНО

Принцесса стояла в просвете окна. Услышав шаги Джорджа, она обернулась:

— Пойдемте!

Подняв портьеру, Джелла ввела молодого англичанина в будуар, обставленный в стиле маркизы Помпадур.

В течение минуты царило молчание: Джордж не знал, как начать разговор, о цели которого не догадывался, а принцесса чувствовала ужасную неловкость, которую не в силах была преодолеть. Впрочем, она начала первая.

— Сэр Джордж, — сказала Джелла, стараясь не поднимать глаз на своего собеседника, — вы, вероятно, очень удивлены этим свиданием?

— Немного, сударыня, — поклонившись, ответил молодой человек, — но в то же время я восхищен вашей милостью и честью, на что не мог и рассчитывать.

— Это любезность, — прошептала Джелла.

— Нет, сударыня, — прервал ее Джордж, — не простая любезность, а искреннее выражение чувства восхищения.

— Если бы это действительно было так... Я думаю, вы со всей серьезностью выслушаете то, что мне необходимо вам сказать...

— Я приготовился слушать со вниманием и интересом, в чем, я надеюсь, вы не сомневаетесь.

После этих слов последовало новое молчание. Его, как и в первый раз, прервала Джелла.

— Сэр Джордж, — прошептала она, — есть сердце, которое будет разбито при известии о вашей женитьбе...

Джордж удивился. Джелла это поняла по-своему и воскликнула:

— Вы не верите?!

— Прежде чем отвечать, позвольте задать вам вопрос, сударыня.

— Вопрос? — повторила принцесса. — Какой?

— Должен ли я принять ваши слова за шутку, потому что не хотел бы казаться в ваших глазах смешным, принимая всерьез то, что вы сейчас сказали?

— Никогда в жизни я не была так серьезна. Все мною сказанное суцья правда. Ваша свадьба разобьет одно сердце!

— В таком случае мой ответ будет очень прост: кто бы ни была особа,

говорившая вам обо мне, она ошиблась, приняв, вероятно, по сходству другую фамилию за мою; я не оставил в Англии ни одной любимой женщины, ни одного нежного воспоминания...

— Почему вы предполагаете, сэр Джордж, что я говорю об Англии?

— Иначе и быть не может. Я совсем недавно приехал в эту страну, и никто, кроме лорда Сингльтона и ваших сегодняшних гостей, не подозревает о моем существовании...

— Ошибаетесь, — возразила Джелла, — ошибаетесь: вы слишком скромны. Вас любит женщина этой страны...

Джордж снова поклонился, с улыбкой сделав недоверчивый жест.

Джелла продолжала, заметно волнуясь:

— Будете ли вы сомневаться еще, если я вам скажу, что знаю эту женщину?

— И она сказала вам, что любит меня? — с удивлением спросил молодой англичанин.

— Да, она мне сказала об этом.

Джордж мог подумать лишь о таинственной незнакомке, отдавшейся ему при странных и удивительных обстоятельствах, уже известных нашему читателю.

Но какая связь могла существовать между той индийской жрицей любви и принцессой Джеллой, светской дамой, так высоко поставленной? Здесь появилась новая, более сложная и непонятная загадка.

Вероятно, Джелла прочла на выразительном лице Джорджа происходившее в его душе и потому, не дав ему времени ответить, продолжала:

— Да, да, вы не ошибаетесь. Для доказательства этого мне нужно только напомнить вам о развалинах храма Шивы и криках совы, повторяющихся три раза в предместье Бенареса...

— Таким образом, — прошептал Джордж с удивлением, — женщина, лицо которой скрывалось под маской... эта женщина...

— Любит вас! Но, вероятно, вы презираете ее за это? — прибавила Джелла дрогнувшим голосом.

— Ах, сударыня, вы плохо обо мне думаете, — воскликнул Джордж. — По какому праву я могу презирать ее? Она оказала мне честь, отличив меня от всех других. Она была, вероятно, свободна и, пользуясь своей свободой, обратила на меня внимание. Напротив, чувство, внушаемое ею мне, не презрение, а нежная признательность! Из всех женских качеств я выделяю каприз. Мужчина, избранный женщиной по ее капризу и не благодарный ей, похож, по-моему, на бедняка, презирающего

миллионера.

По мере того как наш герой продолжал, на лице Джеллы появился проблеск радости.

— Вы сто раз правы... Я сказала вам, что знаю эту женщину, которая любит вас. Она ничего не скрывает от меня. Поэтому позвольте раскрыть вам ее сердце... Сейчас вы сказали о капризе, и это совершенно справедливо. Сначала эта женщина отдалась вам по капризу или, скорее, по непреодолимому влечению. Увидев вас, она почувствовала к вам расположение и не стала сопротивляться ему. Но как все бывает в этом мире? По мере того как эта женщина узнавала вас, оценивала ваш ум и искренность чувств, каприз превратился в любовь, а необдуманное увлечение в сильную, глубокую страсть.

Известно, что ничего не может быть приятнее для мужчины, как признание ему в любви. Но наш герой в эту минуту был совершенно противоположного мнения и проклинал себя от всего сердца. Он, и не без основания, считал свое положение чрезвычайно сложным, потому и проклинал страсть, внушенную им неизвестной женщине, страсть, заставляющую его теперь играть чуть ли не комическую роль. Поэтому Джордж решил как можно скорее выйти из этого затруднительного положения.

— После всего сказанного вами, сударыня, мне нельзя больше сомневаться, хотя моя скромность страдает от этого! Но особа, посредницей которой вы решились быть, преувеличивает мои достоинства, что не может быть объяснено только одной страстью. Считается, что любовь слепа, но это мнение ошибочно. Если бы она была слепой, то не могла бы называться любовью. Итак, мне нужно верить нежности известной вам особы, и это вызывает у меня глубокое огорчение.

— Глубокое огорчение! — повторила Джелла еле слышно.

— Увы, сударыня...

— Почему же?

— Потому что я не могу разделить той нежности, которой не достоин.

— Что же препятствует этому? — с нетерпением спросила принцесса.

— Самое важное из всех препятствий. Мое сердце уже не принадлежит мне, я его уже отдал...

Джелла, пожав плечами, улыбнулась.

— Своей невесте, мисс Марии Бюртель, не так ли?

Выражение презрения, с которым были произнесены эти слова, не ускользнуло от Джорджа.

— Да, сударыня, мисс Марии, моей невесте! — твердо ответил он с

гордостью.

Принцесса поняла, что задела самолюбие Джорджа, поэтому поспешила добавить:

— Конечно, мисс Мария очаровательная девушка! Но она еще ребенок и не понимает своего сердца... Мисс Мария не любит вас... Я уверена, что для нее жених — это что-то вроде брата или друга.

— Тем лучше, сударыня, — возразил Джордж. — Если ее сердце молчит, то я научу его понимать любовь.

— Любовь! — в запальчивости повысила голос Джелла. — Что такое холодная любовь женщин бледной Англии рядом с пламенем жительниц жарких стран! Здесь любящая женщина больше, чем подруга, здесь она и любовница, и раба мужчины. Опытная, страстная, она одна может составить для него целый сераль, чтобы всегда нравиться и не наскучить ему!

— Сударыня, — ответил Джордж, — я ничего подобного не прошу у девушки, которая станет моей женой. Я хочу найти в ней чистую, преданную подругу.

— Преданную подругу! Ах, сэр Джордж, та, от которой вы отказываетесь, готова пожертвовать ради вас жизнью! А вы говорите — преданную подругу...

— Что ж, маска, скрывавшая ее черты, воздвигла между нами преграду...

— Она красавица! — воскликнула Джелла. — Вдохновенные поэты сравнивают ее в своих стихах с Кали, индусской Венерой! На ее лице блистает молодость, а глаза имеют магическую силу и завораживают сердца!

— Почему же она не завладела моим сердцем, когда еще было время?

— Выслушайте меня, сэр Джордж, — сказала принцесса, — выслушайте меня, потому что я еще не все сказала вам. Эта женщина занимает такое высокое положение, что глаза окружающих ее людей едва смеют на нее подняться. Она потомок тамерлидов, царей Индии и господ всего света! Состояние этой женщины так велико, что даже управляющие ее поместьями, становясь миллионерами, не могут ее разорить! По одному ее знаку поднимутся триста тысяч индусов, готовые исполнить все ее приказания!.. Между этой женщиной и вами лежит непроходимая пропасть по различию каст, религий и предрассудков. Но чтобы приблизиться к вам, она преодолет эту пропасть! Она уйдет от своей религии, она возвысит вас, уравнивает с собой. Сделавшись вашей женой, принесет в приданое богатство и могущество... Могущество безграничное, богатство

баснословное! Если же когда-нибудь небо возвратит ей трон ее предков, вы займете на нем достойное место! Вот что вам предлагают, сэр Джордж. Что вы на это скажете?

— Я уже имел честь ответить вам. Теперь же добавлю: как бы ни были блестящи ваши предложения, я отклоняю их, так как больше всего ценю не богатство и власть, а чувство.

Джелла устремила на собеседника взгляд, полный горечи и отчаяния.

— Какие жестокие слова, сэр Джордж, — прошептала она. — Неужели вы видите торг в предложении, продиктованном сердцем, которое переполнено вами?

— Извините меня, сударыня, я беру назад все жестокое и несправедливое, сказанное мной, но еще раз повторяю: в настоящее время я больше себе не принадлежу... Я люблю Марию Бюртель...

— Нет, — воскликнула Джелла и протянула вперед руки, как бы защищаясь. В ее голосе звучали ноты отчаяния и ревности. — Нет, вы не любите ее! Не можете любить! Забудьте этого ребенка! Мы найдем ей другого жениха, который скоро утешит ее, если ей нужно будет утешение... Сэр Джордж, не будьте жестоки к гордой женщине. Она опускается до унижительной просьбы! Не отталкивайте ту, которую любовь делает смиренной и которая с мольбой протягивает вам руки! Джордж, Джордж... выслушайте меня: я люблю вас!

— Вы, сударыня? Вы? — пробормотал наш герой с удивлением и волнением, которое легче понять, чем выразить.

— Да, — ответила Джелла, — я... Я тебе уже принадлежала и хочу принадлежать тебе всегда! Посмотри! Принцесса Джелла орошает твои руки слезами! Ты, которого я видела у своих ног, когда маска скрывала мое лицо, ты, который дрожал от прикосновения ко мне, ты, который бледнел от моего поцелуя, вспомни... возврати мне свое сердце! Я живу только надеждой быть с тобой, позволь же мне жить!

— Ради бога, сударыня, успокойтесь! — воскликнул Джордж. — Ваше горе убивает меня, а слезы терзают мою душу.

— От тебя зависит их осушить! Будь моим!

— Перед Богом клянусь вам, что до недавних пор я и мечтать об этом не смел, но сегодня это невозможно... Я люблю...

— Опять это слово! Опять это же слово! — воскликнула Джелла.

— Да, сударыня, опять. И всегда буду повторять одно и то же. Если бы сам Господь попробовал бы изменить мое сердце, то все Его могущество было бы не в состоянии заставить меня отказаться от клятвы, которую я дал.

Лицо принцессы стало мертвенно-бледным. Глубокая морщина легла между ее черных бровей, а глаза излучали зловещий блеск.

В эту минуту Джордж решил, что сейчас разразится буря.

Но он ошибся.

Принцесса быстро овладела собой. Буря, разыгравшаяся в ее душе, была побеждена несокрушимой волей. И буря страсти стала стихать.

Через минуту все признаки этой борьбы исчезли, лицо Джеллы было по-прежнему спокойным и загадочным и только побледневшие, слегка вздрагивающие губы выдавали ее сильное волнение.

— Сэр Джордж, — сказала она медленным и тихим голосом, еще избегая его взгляда, — я едва не потеряла рассудок... Прошу прощения!

— Ах, сударыня, — прошептал Джордж в замешательстве, которое увеличивалось по мере того, как положение усложнялось.

Джелла продолжала:

— Под влиянием странного состояния я раскрыла тайну, которую вы никогда не должны были узнать... Но я рассчитываю на ваше благородство... Эта тайна умрет в вашем сердце, не так ли?

— Клянусь в этом честью дворянина, сударыня! — с жаром воскликнул молодой человек. — Чтобы открыть подобную тайну, нужно быть самым подлым, низким человеком!

— Хорошо, я верю вам! Пусть воспоминание о происшедшем изгладится, как изглаживаются сны при первых лучах солнца. Я обещаю вам забыть обо всем! Забудьте же и вы меня! Берите жену из вашего круга... Женитесь на мисс Марии Бюртель и будьте счастливы... Я имела силы любить, и у меня хватит сил, чтобы страдать и жить... — А про себя добавила: «Чтобы отомстить!»

В ту минуту, когда Джелла хотела протянуть Джорджу руку, как бы для того, чтобы подтвердить слова, произнесенные вслух, в одну из дверей тихо постучали.

— Войдите! — повелительно сказала Джелла.

Дверь отворилась, портьера приподнялась, и на фоне яркой драпировки появилось бронзовое лицо Согора.

При виде молодого англичанина он хотел было удалиться, но Джелла остановила его.

— Не беспокойся, что этот джентльмен узнал тебя, теперь ему все известно...

Согор, переступив порог и приложив левую руку к груди, молча поклонился принцессе.

XXVI. ЦВЕТЫ ЛОТОСА

Согор держал в правой руке букет из цветов лотоса. Джелла, не взглянув на него, спросила на непонятном для Джорджа наречии:

— Кто послал тебя и что тебе нужно?

Согор, протянув руку к Джелле, сказал глухим голосом:

— Госпожа, эти цветы для вас.

Принцесса взяла букет, прошептав по-английски:

— Цветы лотоса. Цветы Шивы, бога зла! Что же случилось?

Согор, полагая, что вопрос относится не к нему, молчал.

Между тем Джелла, смяв в руке букет, опять перешла на свой язык:

— Здесь четыре цветка.

— Да, госпожа, — ответил Согор.

— Значит, четверо посланцев?

— Да, госпожа.

— Когда они приехали?

— Сейчас.

— Их никто не видел?

— Никто.

— Хорошо, пусть они подождут! Выйди к ним, Согор, и скажи, что я не заставлю их долго ждать.

Индуc поклонился точно так же, как и при входе, затем вышел из будуара, и портьеры сомкнулись за ним.

После короткого разговора, описанного нами, принцесса сумела победить волнение, овладевшее ею в первый момент при взгляде на цветы лотоса. Поэтому она возобновила разговор с Джорджем, уже улыбаясь и с самым естественным видом:

— Итак, все решено... Недоразумения, разделявшего нас несколько минут назад, больше не существует... Мы друзья... Дайте же мне вашу руку, сэръ Джордж, и проводите меня к гостям, которые не должны ничего знать о причинах нашего продолжительного отсутствия.

Наш герой, обрадованный концовкой разговора, мучившего его, поспешил повиноваться и вернулся вместе с Джеллой на террасу.

Надвигались сумерки. Читатели, очевидно, знают, что ночи в Индии наступают быстро. Черные рабы принесли на террасу зажженные факелы.

Джон Малькольм сделал несколько шагов навстречу принцессе, опирающейся на руку Джорджа.

— Мой сын должен быть чрезвычайно счастлив, принцесса, — сказал он ей, — ради него вы покинули нас, у него имеются привилегии, которым мы все завидуем.

— Ваш сын рассказывал мне о своих планах на ближайшее будущее, сэр Джон, — ответила Джелла, — о своей близкой свадьбе, о любви к невесте...

Все это было произнесено с таким неподражаемым спокойствием, с такой веселостью, что Джордж не верил своим ушам. Ему показалось очень странным, что принцесса с мастерством актера умеет управлять своими чувствами.

Подошедший лорд Сингльтон услышал последние слова принцессы.

— Это значит, — заметил он, смеясь, — что наш влюбленный такой же эгоист, как и все, если он долго рассказывает о своей очаровательной невесте, очень мало беспокоясь, что отвлек вас от гостей.

— Милорд, милорд, — ответила принцесса, — вы удивительно догадливы. От вас ничего нельзя скрыть. Вы угадали, но нужно быть снисходительным к чувствам влюбленных.

— Но разве можно заболеть этой опасной болезнью, если рядом вы! — возразил с нарочитой любезностью лорд Сингльтон.

— Ах, милорд, — со смехом воскликнула принцесса, — не мне нужно говорить такие слова. Приберегите эти любезности для мисс Марии Бюртель, самой восхитительной и обольстительной невесты! Рассыпьте жемчуг ваших комплиментов перед ее неотразимой красотой!

В этом духе разговор продолжался еще несколько минут, потом губернатор сказал:

— А теперь, принцесса, нам остается еще раз поблагодарить вас за радушное гостеприимство и раскланяться.

— Как, милорд, вы уже уезжаете? — огорчилась молодая женщина. — И хотите отнять у меня гостей?

— Уже совсем темно, — сказал сэр Джон, — а нам хотелось бы вернуться в Бенарес до полуночи.

— Будь по-вашему, сэр. В моем доме гости могут свободно распоряжаться своим временем.

— Принцесса, — сказал лорд Сингльтон, — позвольте мне напомнить о данном вами слове. Послезавтра у меня бал, который благодаря вам будет иметь царицу, не так ли?

— Я сдержу свое обещание.

— И не забудете?

— О! Будьте спокойны, милорд, я никогда ничего не забываю.

Между тем со двора послышалось ржание лошадей.

Гости простились с хозяйкой.

Лорд Сингльтон и сэр Джон поцеловали руку Джеллы.

— Сэр Джордж, — сказала она в ту минуту, когда молодой англичанин нагнулся, чтобы тоже поцеловать ей руку, — не забудьте послезавтра на балу у губернатора познакомить меня с мисс Марией Бюртель, вашей очаровательной невестой.

Эти слова были произнесены самым естественным тоном, тем не менее они заставили вздрогнуть Джорджа Малькольма.

Однако он ответил:

— Сочту за честь... Я сделаю это, принцесса.

— Надеюсь, сэр Джордж... впрочем, если память изменит вам, то я напомню...

Вскоре послышался топот лошадей, увозивших гостей.

Джелла, оставшись одна, еще некоторое время следила за мерцающим светом факелов, прислушиваясь к шуму отъезжавших гостей. Через несколько минут все смолкло.

Видя, с какой сосредоточенностью всматривается она в окно, как высоко вздымается ее грудь, как безмолвно сжатые губы выделяются на бледном лице одной зловещей линией, можно было заключить, как сильно она страдает.

Впрочем, этот кризис продолжался недолго. Едва слышным голосом, проведя рукой по лбу как бы с намерением отогнать мысли, она прошептала:

— Оскорбление только тогда смертельно, когда остается безнаказанным. Что значит оно, если месть не уступит ему ни в чем! Горе тому, кто отвергает меня! Горе тому, кто другую женщину ставит выше меня! Я смою это пятно или не смогу называться принцессой Джеллой. Ах, проклятое племя европейцев! Они топчут своими ногами нашу землю и наши сердца! Но терпение! Приближается день, когда они в Индии станут только воспоминанием.

Говоря это, Джелла подошла к столу, стоявшему посередине комнаты, и позвонила в колокольчик.

На его трель мгновенно откликнулся Согор, всем своим видом выказывая внимание и почтение.

— Все ли англичане уехали из дворца? — спросила Джелла.

— Да, госпожа, ни во дворце, ни в саду не осталось ни одного иностранца.

— Ты уверен в этом?

Согор сделал утвердительный знак. Джелла между тем продолжала:

— Говорили ли с тобой братья, которые принесли цветы лотоса?

— Да, госпожа.

— Откуда они пришли?

— С востока, запада, юга и севера.

— Знаешь ли ты их имена? Видел ли ты их лица?

— Имен не знаю, а лица скрываются под густыми покрывалами.

Привести их сюда?

— Да, я готова принять их.

Согор вышел.

— С какими новостями они пришли ко мне? — оставшись одна, прошептала Джелла. — Какова воля Шивы, жестокого бога? Просит ли он крови англичан? Какими бы ни были его желания, он найдет меня послушной! А! Вот и они...

Дверь отворилась, и в комнату вошли четыре человека. Длинные черные одеяния не позволяли узнать их. Увидев принцессу, они упали перед ней на колени.

Джелла, поздоровавшись с ними, сказала торжественным голосом:

— Посланники бога находятся перед царицей фансигоров и тугов! Ни один любопытный взгляд не следит за ними, ни одно нескромное ухо не подслушивает их. Пусть они говорят с открытыми лицами.

Пришедшие, повинуясь той, которая, вероятно, имела право приказывать им, приподняли покрывала. Джелла, узнав их, не могла удержаться от удивления.

— Суниаси! — воскликнула она. — Акбар! Джааль! Голькар!

— Перед вами самые главные предводители тугов! — ответил Суниаси, человек с отталкивающим лицом, плешивой головой и костлявым туловищем.

— Добро пожаловать, собратья, — начала принцесса, — слава Шиве и Бовани, приведшим вас ко мне! Вы передали мне через Согора таинственные и священные цветы лотоса, имеющие для нас особенный смысл и заменяющие длинные объяснения. Разве нам грозит опасность?

— Да, — ответил Акбар.

— Откуда?

— От англичанина.

— Кто он? Объяснитесь, Акбар, я жду.

— Этот англичанин, — перебил Акбара Суниаси, — раскрыл все разветвления нашей тайной организации и поклялся уничтожить дело сынов Бовани, поразив его в самое сердце.

— И со времени клятвы, — прошептал Джааль, — он ищет...
Джелла сделала презрительный жест:
— Ну и что? Пусть ищет. Он ничего не найдет.
— Он уже нашел, — с яростью зашипел Суниаси.
— Невозможно!
— Однако это правда.
— Что же он знает?
— Очень многое! Изменники открыли или продали ему наши секреты... Он напал на след. Да, он напал на след и уже не упустит его! Сделай он еще один шаг — и наше братство погибнет!
— Дороги, по которым он идет, еще темны, — сказал Голькар. — Сегодня он еще не знает ни одного имени, но завтра...
Джелла топнула ногой, ее ноздри расширились, губы сжались.
— Англия восторжествует?! — воскликнула она пронзительным голосом. — Нет, нет и еще раз нет! Этого не будет! Клянусь моими предками! Клянусь нашими богами, что этого не будет!
— Принцесса, — прошептал Суниаси, — вы — дочь Бовани, и вашими устами говорит богиня — ваша мать...
— Она зажгла в моих жилах кровь! — ответила Джелла. — Возбудила во мне священный гнев!
— Что прикажете делать?
Джелла задумалась, потом вместо ответа спросила:
— Суниаси, что бы вы сделали на моем месте?
— Убил бы! — не колеблясь ответил тот. — Этот человек слишком много знает и поэтому должен умереть.
— Кровь! — прошептала принцесса. — Нужна кровь!
— Да, кровь иностранца, проклятая кровь! Иначе прольется кровь наших собратьев...
— Вы правы, этот человек должен умереть...
— Когда?
— Завтра ночью.
— Где убьют его?
— В долине тайн, на кладбище слонов... перед изображением Шивы.
— Все будет исполнено.
— Теперь, — сказала Джелла, — когда этот человек осужден, назовите мне его имя.
На вопрос ответил Джааль:
— Сэр Джон Малькольм, гражданин Бенареса.
Джелла ужаснулась.

— Джон Малькольм! — прошептала она со страхом. — Джон Малькольм! Его отец...

Волнение молодой женщины не ускользнуло от прозорливых глаз посланцев.

Суниаси принял почти враждебную позу.

— Можно подумать, что принцесса колеблется! — воскликнул он, устремив на Джеллу ненавидящие глаза. — Теперь, когда вы знаете имя своего врага, не прикажете ли помиловать его?

К Джелле вернулось обычное хладнокровие.

— Помиловать?! — ответила она, пожав плечами. — Надеюсь, вы не думаете так, Суниаси! Напротив, я совсем не колеблюсь и готова собственными руками расправиться с жертвой...

Сказав это, она взялась за колокольчик.

— Что вы делаете, принцесса? — спросил Джааль.

— Зову Согора! О! Не бойтесь, ему можно доверять.

Огромный индус тотчас же появился.

— Согор, — обратилась к нему принцесса, — ты знаешь Джона Малькольма, гражданина Бенареса?

— Знаю.

— Знаешь, где он живет?

— Да.

— Необходимо, чтобы завтра ночью Джон Малькольм был у нас в руках, связанный, не способный защищаться и звать на помощь.

— Ваше приказание будет исполнено, госпожа, — сказал Согор так просто, как будто ему поручили обычное дело.

— Это еще не все, — продолжала принцесса.

— Приказывайте, Согор все выполнит.

— Необходимо избежать шума в доме и захватить с собой все найденные у него бумаги.

— Бумаги этого человека будут в ваших руках, — сказал Согор.

— Хорошо, я надеюсь на тебя! А вы, посланники бога и предводители священного дела, зовите наших братьев! Завтра на кладбище слонов при наступлении ночи они увидят, как царица фансигоров и тугов заставляет уважать тайны сынов Бовани! Идите!

Суниаси и все другие надели свои накидки и удалились, поклонившись в ноги принцессе. Согор сопровождал их.

— А, Джордж Малькольм, — прошептала Джелла, оставшись одна, — с завтрашнего дня начинается моя месть!

XXVII. ОПЯТЬ КЛАДБИЩЕ СЛОНОВ

Прошли сутки после того, как принцесса Джелла своим посланникам назначила свидание на таинственном кладбище слонов.

Было одиннадцать часов вечера. Большие грозовые тучи покрыли все небо, подобно пене волн океана то скрывая, то открывая серебристый диск луны, повисший над скалистыми горами.

Мы приглашаем читателей в ущелье, через которое можно проникнуть в долину, где и будет происходить дальнейшее действие. Поэтому мы сделаем краткое описание ее. Здесь, как и в театре, знание обстановки необходимо для ясного понимания драмы.

Кладбище слонов, как мы уже сказали в одной из предыдущих глав, имело вид продолговатой арены цирка, окруженной со всех сторон голыми скалами с острыми вершинами. Гигантские скелеты слонов, лежавшие в высокой траве, резко выделялись своей белизной в темной глубине ущелья, когда лунный свет падал на них.

Безобразные скалы, покрытые мхом, походили на глыбы, которые не смогли сокрушить волны океана в течение целых веков...

Отверстие же в скале, наполовину скрытое вьющимися растениями, представляло собой вход в своеобразное ущелье.

Статуя бога Шивы, раскрашенная самыми яркими цветами и накануне заинтересовавшая Джорджа Малькольма, была, как и прежде, на каменном пьедестале в середине кладбища. В тот момент, когда мы проникаем в священную долину, у подножия статуи стоял треножник, наполненный горящими углями, от которых поднимался голубоватый дым.

Возле треножника находилась женщина, одетая во все красное. Она была не первой молодости, но ее бледное и исхудавшее лицо еще носило следы красоты, а на ее плечи спадали длинные пряди волос, перепутанные уже с серебряными нитями.

Эту женщину звали Жюбэ, и она пользовалась громадным влиянием не только на предводителей заговора, но и на саму Джеллу. Это была главная жрица самого замечательного храма Бенареса — храма Бовани. Говорили, что ее обязанностью являлось хранение талисманов богини — покрывала и кольца, которые будут играть немалую роль в нашем рассказе.

Вокруг Жюбэ на коленях стояли несколько индусов с бритыми головами.

Жрица, произнося вполголоса заключительную часть молитвы,

последние слова ее неожиданно сказала странным, изменившимся голосом. Стоявшие на коленях индусы со сложенными руками и опущенными головами тотчас же приподнялись.

— Что вы здесь делаете? — спросила Жюбэ.

Один из индусов ответил за всех:

— Повинуемся приказаниям.

Жрица снова спросила:

— Каким приказаниям?

— Прийти и ждать.

— Вы готовы действовать?

— Да.

— Доказательства?

Первый индус приподнял широкий рукав и обнажил руку почти до плеча. На руке отчетливо виднелась синяя татуировка.

— Вот знак Бовани. Он у меня с детства. Пусть жрица посмотрит.

И он приблизил руку к огню, чтобы лучше осветить знак.

— Хорошо! — спустя некоторое время произнесла Жюбэ. Потом, указывая на треножник, прибавила: — Душа Шивы, бога зла, находится внутри пламени! Что принесли вы богу?

От группы отделились три индуса и по очереди заговорили.

— Яды, — прошептал первый.

— Смертоносное лассо, — сказал второй.

— Нож, вонзающийся прямо в сердце, — сказал третий.

Жюбэ вытащила из серебряного ящичка, привязанного к ее поясу, горсть какого-то вещества и бросила его в жаровню.

В ту же минуту вспыхнуло красное пламя, поднявшееся на большую высоту и мгновенно осветившее все кладбище.

Испуганные индусы упали на землю, как будто среди них появилось одно из страшных божеств.

Пренебрежительная улыбка промелькнула на губах Жюбэ, а устремленный на мужчин взгляд выражал презрение.

— Вы те, кого я ожидала, и бог удостаивает вас чести принять дары, — сказала она твердым голосом. — Идите с лассо в одной руке и с ножом в другой. Займите все углы ущелья, ведущего на кладбище. Вы впустите туда всех собратьев, без пощады убив каждого, кто в ответ на пароль «Джелла» не скажет святое для нас слово «Шива». Индусы поднялись.

— Все будет исполнено, — прошептали они, кланяясь и направляясь к ущелью.

Жрица, оставшись одна, подбросила в жаровню углей, потом,

усевшись на ступени пьедестала Шивы, принялась ждать.

Прошло около десяти минут. Глубокое молчание царствовало на кладбище. Вдруг Жюбэ приподняла голову. Вдали послышалось пение, которое становилось все громче и громче.

— Они идут! — прошептала жрица.

Прошло еще несколько минут, затем пение раздалось в самой долине, и можно было расслышать отдельные слова.

Это были куплеты из мрачной поэмы «Рамаяна». И в то время как эхо долины повторяло их, люди, одинаково одетые в белые накидки, прошли среди скал и образовали круг рядом со статуей Шивы.

Этот круг все время увеличивался. Неожиданно он разомкнулся, чтобы пропустить важных лиц, перед которыми все склонили головы.

Это были принцесса Джелла, Дургаль-Саиб, Суниаси, Акбар, Голькар и Джааль. Они приблизились к Жюбэ в сопровождении двух индусов, которые несли корзину, покрытую черным покрывалом. Эту корзину поставили у подножия идола.

Джелла подала знак жрице. Жюбэ, поднявшись во весь рост, повернулась к толпе и что-то произнесла. Это восклицание, конечно, имело важный смысл, так как лица всех присутствующих напряглись от внимания.

XXVIII. ПЛЕННИК

Жрица Жюбэ заговорила:

— Вы пришли в священное место. Бог, приказывающий вам ненавидеть и мстить, с вами. Он вас слушает! Он вас слышит! Дрожите и трепещите!

В это время двое молодых индусов поставили корзину у треножника.

— Что в этой корзине? — спросила жрица.

На вопрос ответил Суниаси:

— Ночная птица, предвещающая смерть.

— Снимите покрывало!

Один из индусов нагнулся, чтобы исполнить приказание, но Жюбэ остановила его.

— Подожди, — сказала она и, повернувшись к толпе, добавила: — Если птица улетит со зловецим криком, не коснувшись крыльями жаровни, то это значит, что бог за нас, покровительствует нам и все наши дела исполнятся! Поняли?

— Да! — прокричала толпа.

— Теперь открывайте.

Индус снял покрывало, и взорам всех присутствующих предстала громадная сова, фосфорические глаза которой блистали в темноте.

Ночная птица, немного выждав, расправила крылья и полетела, даже не приблизившись к треножнику. Толпа замерла.

— Птица не дотронулась до пламени! — воскликнула жрица с радостью победы. — Теперь будьте внимательны и слушайте!

Прошло несколько секунд, и вдали послышался крик совы.

— Вы слышали! — снова вскричала жрица. — Слава Шиве, покровительствующему нам!

— Слава Шиве! — повторили индусы.

— Такие предзнаменования не обманывают, — прошептала Джелла, душа которой, как знают наши читатели, была доступна всем предрассудкам. — Согор достиг цели!

В тот же момент, как бы в подтверждение уверенности принцессы, у входа на кладбище послышался троекратный свист.

— Это Согор! — воскликнула Джелла.

Почти тотчас же огромная фигура верного слуги появилась перед принцессой.

— Ну что, Согор? — с нетерпением спросила Джелла.

— Я выполнил ваше поручение, — ответил он.

— Значит, он там?

— Да.

— Приведи его к нам.

Джелла поднялась на гранитные ступени пьедестала, чтобы ее Все видели, и сказала:

— Знаете ли вы, почему я собрала вас в эту ночь на этом месте? Для того, чтобы показать вам врага, врага побежденного! Дети Бовани, вы будете свидетелями правосудия.

Толпа разомкнулась, и появился Согор, ведущий лошадь под уздцы. На ней был привязан к седлу Джон Малькольм.

При виде связанного человека толпа заволновалась.

— Освободите его! — приказала Джелла, что и было сразу исполнено.

В течение нескольких секунд старик с удивлением смотрел вокруг себя. Его глаза с трудом различали предметы и не узнавали лиц.

— Куда меня привезли? — спросил он твердым голосом. — Кто вы? Где я и чего от меня хотят?

Джелла, сделав два шага вперед, ответила:

— Я сейчас скажу вам, Джон Малькольм.

— Принцесса Джелла! — воскликнул он.

— Да, я.

— Не сплю ли я? Не сон ли это?

— Нет, не сон.

— Но тогда, — начал Джон Малькольм, — мне нечего опасаться. Я жертва какого-нибудь недоразумения, какой-нибудь ошибки, и, может быть, вы в состоянии, принцесса, объяснить мне, каким образом мой тихий дом два часа тому назад наполнился толпой варваров, которые скрутили меня веревками, привязали к седлу бешеной лошади и привезли сюда.

Джелла ответила спокойным голосом:

— Вы, конечно, очень удивитесь, Джон Малькольм, если я скажу вам, что все это было сделано по моему приказанию? Не так ли?

— Более чем удивлен, сударыня.

— Уверяю вас, эти люди только исполняли мое распоряжение.

— Ваше распоряжение! Но к чему это насилие над человеком, который еще вчера сидел за вашим столом и которого вы называли своим другом?

— Я объясню вам.

— Слушаю...

— Я сделала это, чтобы удовлетворить самое сильное ваше желание.

— Мое желание? — удивился судья.

— С тех пор как вы находитесь в Индии, Джон Малькольм, с тех пор как вы занимаете в Бенаресе столь высокий пост, вас преследует одна идея...

— Какая?

— Вы хотите раскрыть во что бы то ни стало один важный секрет, но предмет ваших неутомимых розысков ускользает от вас. Вы преследуете призрак, а призрак убегает, не так ли?

— Правда.

— Итак, зная вашу мечту, я захотела помочь вам осуществить ее.

Джелла на минуту умолкла, потом продолжала:

— Сыны Бовани, богини мести, эти таинственные туги, поклялись стереть с лица земли Индии следы пребывания последнего англичанина. Эти люди, умные и неуловимые, как змеи, эти ваши невидимые враги, которых вы напрасно искали, имеют не только предводителей, но и царицу, и я хочу показать их вам лицом к лицу.

Джон Малькольм тяжело дышал.

Джелла продолжала все громче и громче:

— Вот Дургаль-Саиб! Вот Акбар, вот Суниаси! Вот Голькар, Джааль! И вот, наконец, я, их госпожа, перед которой все преклоняются.

— Вы?! — воскликнул Джон Малькольм. — Вы?!

— Да, я! Вот почему вы здесь.

— Благодарю, сударыня, — ответил судья с той смелостью, которая и в самом сложном положении не оставляет геройские сердца, — вы пролили свет, он не потухнет. Теперь, зная все, мне легко будет действовать.

— Для этого нужно жить, — сказала Джелла. — А ваши минуты сочтены.

— Я верю, что правосудие найдет виновных.

Джелла пожала плечами.

— Безумец, — прошептала она, — безумец, не понимающий, что смерть совсем близка. А он еще говорит о правосудии...

— Я верю в справедливость Бога.

— Но наш бог желает вашей смерти.

— А мой отомстит за нее.

— Мы презираем его месть!

— Что значит ваше презрение? Когда придет час, Он найдет всякого, кто с Ним не считался.

— Увидим.

Обратившись к индусам, принцесса сказала:

— Наши тайны должны быть с нами. Горе тому, кто захочет проникнуть в них! Он погибнет так же, как этот человек. Дети Бовани, исполняйте свой долг.

Из толпы вышли два индуса и приблизились к англичанину. Один из них держал в руке лассо. К ним присоединился Согор с кинжалом.

— А, проклятье! — воскликнул Джон Малькольм с яростью храброго человека, который понимает, что сейчас его убьют. — Хотя я и без оружия, но буду защищаться, как смогу, как борется тигр, окруженный шакалами.

Говоря это, Джон Малькольм, собрав все свои силы, бросился на индусов, хорошо зная, что сейчас умрет, но желая подороже продать жизнь.

— Героическая, но бесполезная борьба, — тихо сказала Джелла.

XXIX. СМЕРТЬ ДЖОНА МАЛЬКОЛЬМА

— Время проходит! — сказала Джелла повелительным голосом. — Приступайте!

Джон Малькольм, стиснутый лассо, не мог не только защищаться, но и двигаться, и Согор вонзил ему в грудь кинжал.

— О! Мои сыновья, мои дети... — пробормотал старик, испуская последний вздох.

Острые кинжала достигло сердца. Струя крови хлынула изо рта Джона Малькольма, и он упал в высокую траву.

Все кончилось.

Толпа заволновалась. Но это волнение говорило не об угрызениях совести, а лишь о радости победы. Мертвый Малькольм еще раз напоминал индусам, что у них стало на одного врага меньше.

Джелла повернулась к Согору:

— Теперь давай бумаги.

— Вот они, госпожа, — ответил индус, подавая Джелле несколько связок бумаг, похищенных из кабинета судьи.

— Эти записки, делавшие его сильным и с помощью которых он хотел погубить нас, мы сожжем возле него! — воскликнула принцесса.

Она быстро стала перелистывать поданные ей бумаги и, пробегая их глазами, вполголоса произносила отрывистые фразы:

— Он нашел след! У этого человека были действительно рысьи глаза! Взгляд его проник через самый глубокий мрак...

Джелла на минуту прервала чтение, чтобы обвести грозным взором окружающую ее толпу.

— Среди нас может быть изменник! — воскликнула она. — Горе ему, говорю вам от имени богини мести! Тот, кто продаст наши тайны, погибнет мучительной смертью!

Эти угрожающие слова были выслушаны молча. Никто в толпе не шелохнулся, ужас сковал всех присутствующих.

Взяв бумаги И поднеся их к затухающему пламени треножника, Джелла продолжала:

— Пусть священный огонь Шивы уничтожит оружие, приготовленное против нас.

По мере того как разрозненные листки вспыхивали на огне, принцесса бросала их на землю, где они медленно догорали. И это продолжалось

долго, потому что бумаг было много. Наконец вспыхнул последний листок.

Тогда Джелла протянула руку к толпе:

— Клянётесь ли вы над этим трупом, что уничтожите Ост-Индскую компанию?

Толпа ответила:

— Клянемся!

— Принимаю вашу клятву и буду помнить ее! Час близок, скоро древняя земля тамерлидов очистится в кровавой бане. Теперь же, собратья, ступайте и помните о главном.

В ту же минуту поднялся шум. Толпа, направляясь к ущелью, снова запела свои ужасные молитвы о смерти и мщении. Не скоро наступила тишина.

На кладбище слонов высокая трава скрыла труп Джона Малькольма.

Несколько минут спустя к месту, где произошла драма, подъехала кавалькада из пяти всадников. Это были Джордж Малькольм, Стоп, Казиль и двое индусов.

Молодой англичанин хотел осуществить свою фантазию, родившуюся в его голове после охоты, когда он взобрался на гору и увидел кладбище слонов.

Об этой фантазии наши читатели помнят: Джордж Малькольм намеревался еще раз взглянуть на гигантские скелеты слонов, освещенные лунным светом, надеясь услышать странные молитвы браминов и тайно присутствовать на одной из их церемоний.

Он хотел только, чтобы эта ночная экспедиция, сопряженная с опасностью, оставалась неизвестной отцу и брату до ее счастливого окончания. Поэтому он попросил Казиль достать лошадей и сопровождать его, строго приказав сохранить это в тайне.

Казиль исполнил обещание, сообщив о секрете только Стопу, который, по своей вечной привычке проклиная Индию, решил последовать за своим господином.

В девять часов вечера Джордж под предлогом усталости простился с отцом, братом, мисс Марией, мисс Эвой и удалился в свою комнату. Там он быстро переоделся, заткнул за пояс охотничий нож и револьвер и тихо спустился с веранды, направившись к тому месту, где его ожидали с лошадьми Казиль и Стоп.

Казиль взял с собой еще двух индусов, на которых, как он думал, можно было вполне положиться. Джордж очень удивился этому, но молодой индус ответил:

— Ночью небезопасно, господин. Я все предусмотрел, в том числе и

нежелательные встречи. Доверьтесь мне, я отвечаю за вас.

Ответ был решительным, и Джордж только улыбнулся.

Наши путешественники не успели еще отъехать на милю от последних домов Бенареса, как другая группа, ехавшая на лошадях и состоявшая из четырех человек, остановилась у дома Малькольмов.

Один из этих людей был Согор.

Он спрыгнул на землю с двумя другими товарищами. Все трое перелезли через забор и тихо подошли к веранде.

Согор, как помнят наши читатели, уже знал расположение комнат. Поэтому он сразу направился к освещенным окнам нижнего этажа.

Прозрачные шторы были спущены, но окна отворены, чтобы свежий воздух мог проникать в комнату.

Джон Малькольм сидел перед конторкой, освещенной лампой, и по обыкновению приводил в порядок свои заметки.

Не произнося ни слова, Согор сделал знак следовавшим за ним индусам, и те тотчас же принялись за дело. Каждый из них взял штору за нижний конец и начал ее сворачивать. Это было сделано с такой ловкостью, что ни малейший звук не отвлек сэра Джона от работы и не выдал близкого присутствия опасных посетителей.

Согор несколько минут оставался неподвижным, но готовым прыгнуть на врага подобно ягуару, подстерегающему свою добычу. Убедившись, что старик еще долго будет работать и не обернется, он отвязал от пояса длинный шелковый платок и свернул его. Сделав это, Согор, сдерживая дыхание и заглушая шум шагов на ковре, прошел расстояние, отделявшее его от сэра Джона. Подойдя к нему сзади, он накинул ему на шею платок, завязал рот, не дав возможности даже вскрикнуть, и положил на пол. В то же время другой индус пришел на помощь Согору. У него были при себе веревки, которыми он связал старика, да так, что тот не мог сделать ни одного движения.

Затем похитители передали сэра Малькольма третьему индусу, который, взвалив его на плечи, понес к лошади. Согор же, повинувшись приказанию принцессы Джеллы, собрал все бумаги. Затем и он покинул комнату, предварительно опустив штору, чтобы на время скрыть следы похищения.

Джона Малькольма страшные всадники бросили на лошадь и удалились от Бенареса с фантастической быстротой.

Остальное наши читатели уже знают.

XXX. НОЧНОЕ ПОСЕЩЕНИЕ

Пора вернуться к Джорджу Малькольму и его провожатым, которых мы оставили в тот момент, когда они крупной рысью скакали вдоль подножия каменистых скал. Немного раньше, в то время когда они ехали через густой Пераваский лес, мимо них с поразительной быстротой промчались несколько всадников. Ничто не подсказало Джорджу Малькольму, что это были похитители его отца.

— Ты не знаешь, кто эти люди? — обратился Джордж к Казилю, который скакал рядом с ним.

— Не знаю, господин, и даже не мог угадать...

— Ах! — закричал Стоп, природная трусость которого проявилась и на этот раз. — Ах, что за мерзкие ночные птицы! Это сами черти или их товарищи и сообщники, клянусь честью! От встречи с ними не следует ожидать чего-нибудь путного. Прошу вас, ваша честь, последуйте хоть раз в жизни совету благоразумного и опытного слуги, осторожность которого равна преданности вашей особе. Поверьте, кладбище слонов — отвратительное место, там нас поджидает какое-нибудь несчастье. Не лучше ли повернуть лошадей и скакать обратно в Бенарес? К полуночи мы будем уже дома, а утренний сон придаст нам новые силы.

— Послушай, бедный Стоп, — с усмешкой Произнес Джордж, — видно, годы не в силах излечить тебя от трусости: горбатого могила исправит! Езжай в Бенарес, если что-то влечет тебя туда. Я же поеду дальше.

— Ох, горе! — заунывным голосом застонал Стоп. — Всегда так, никто не слушает благоразумных и опытных людей, и потому все дела в мире идут шиворот-навыворот.

Причитая и жалуясь на судьбу, он не переставал следовать за своим господином.

Вскоре до слуха сэра Джорджа донеслось пение ушедших с кладбища. Оно слышалось уже вдалеке, и потому Джордж не мог разобрать слов, зато напев, доносимый ветром, поражал своей воинственностью.

— Это брамины, не так ли, Казиль?

— Похоже, господин.

— Тогда вперед! Вперед! Я сгораю от нетерпения.

Он дал свободу коню, однако через некоторое время натянул поводья и стал прислушиваться: пение смолкло.

«Скорее всего, они ушли», — подумал Джордж и спросил:

— Казиль, где вход на кладбище?

— Примерно в ста шагах от нас, вон там, среди тех черных скал, что над долиной.

— Тогда поспешим!

Джордж хотел было уже опустить поводья и скакать дальше, когда Казиль схватил за уздцы его лошадь.

— Что это значит? — рассердился Джордж.

— Я всего лишь исполняю свои обязанности: вы взяли меня в проводники, и я повинуюсь вашему приказанию.

— Ну и что?

— Обязавшись быть проводником, я вовсе не соглашался позволить вам бросаться навстречу опасности без всякой пользы для себя.

— Но почему ты так решил?

— Я хочу, чтобы вы остались под защитой этого огромного серого утеса, тень которого скрывает вас от посторонних взоров. Это мое дело — пойти на кладбище, разузнать дорогу, убедиться в безопасности и вернуться, чтобы сообщить, свободен ли путь.

— Скажи, чего ты боишься, Казиль?

— Известно ли вам, что непосвященным запрещается проникать в тайны браминов? Всюду здесь скрываются караульные. Они готовы поразить насмерть любопытного безумца, который осмелится приблизиться к ним.

— Все равно! Опасности привлекают... — сказал Джордж с плохо сдерживаемым нетерпением.

— Мне это прекрасно известно, господин, и вы только вчера, спасая мне жизнь, доказали это. Но ваша храбрость, смелость и решительность служат для меня священным залогом любви, преданности, благодарности вам, и я не хочу увидеть вас у своих ног, раздавленным индусским лассо или пораженным среди ночного мрака ударом кинжала в грудь. Неужели такая смерть была бы достойна вас, мой господин?

— О, он прав! Он прав! Клянусь вам, маленький индус говорит правду! — горячо заверил Джорджа Стоп. — Мы рождены не для гнусной смерти от меча презренного убийцы, мы рождены для великих дел, для геройских подвигов! Жизнь наша не только полезна миру, но даже необходима ему! К чему же рисковать этой драгоценностью без всякого смысла, без какой-либо прибыли?

Неизвестно, насколько подействовали эти красноречивые убеждения на Джорджа, однако ему пришлось сдаться, когда Казиль со всей

решительностью заявил, что отказывается быть проводником, если не получит позволения осмотреть ущелье. Это был самый неопровержимый довод, и Джорджу Малькольму пришлось подчиниться.

Приводя свой план в исполнение, Казиль сошел с лошади и направился к горному проходу. Его отсутствие продолжалось около десяти минут, но эти мгновения показались Джорджу вечностью. Сколько он ни напрягал слух, ему не удалось услышать пения браминов и ни один звук не свидетельствовал об их близком присутствии. Наконец Джордж увидел возвращающегося Казиля, и сердце его учащенно забилось от радостного нетерпения.

— Как там? — поспешно спросил он, подавшись вперед.

— Теперь можно и в путь: опасности больше нет. На кладбище слонов ни души, все брамины удалились.

Стоп засмеялся от удовольствия и стал потирать руки, тогда как его господин не мог подавить своего гнева.

— Для чего же туда идти теперь, — пробормотал он, — довольствоваться созерцанием скелетов слонов?..

Испуганный вскрик Стопа поднял на дыбы его лошадь.

— Скелеты слонов! — повторил он дрожащим голосом слова господина. — Там есть скелеты слонов? Правильно ли я понял?

— Разумеется.

— И мы пойдем туда?

— Конечно.

— Ох! Этого совершенно достаточно, чтобы я поседел от страха и волнений.

— И если бы это чудо могло свершиться, ты бы не оказался в проигрыше, мой добрый, верный Стоп, — с усмешкой ответил Джордж. — А так как ты, по-видимому, дорожишь своей рыжей гривой, то я не стану стеснять тебя: ты можешь или поехать с нами, или отправиться назад в Бенарес. Только в одном я стесню твою волю и твое желание: я запрещаю тебе об этом рассуждать.

— Разумеется, я пойду с вами, пойду без протеста, — со вздохом проговорил Стоп.

Лошадей оставили под наблюдением одного из индусов. Другой индус вытащил из сумки факел, и под предводительством Казиля все направились к ущелью, замыкавшему вход на кладбище. Свет луны не проникал туда, а потому там дарил непроницаемый густой мрак, не позволявший видеть дорогу. Индус по приказанию Казиля зажег факел, и при его мерцающем свете путники через узкий проход вышли к таинственному кладбищу.

Джордж Малькольм был поражен величием зрелища, представившегося его взору, зрелища, уже описанного нами, казавшегося ему тем более привлекательным, что в это время яркая луна выплыла из-за закрывавших ее туч и разлила свой серебристый свет на темные гранитные стены и белые останки слонов, смутно напоминавшие остовы кораблей. Рядом располагалось уродливое изваяние бога Шивы.

— О, как это грандиозно! — прошептал Джордж Малькольм. — И в то же время печально. Реальность ускользает из-под моих ног, а волшебство берет надо мной верх. Я сейчас нисколько не удивлюсь, если все это скопище скелетов внезапно поднимется и, стуча своими гигантскими костями, начнет двигаться.

— Умоляю вас, — сказал Стоп тоскливым голосом, выражающим страх, — во имя всего святого, перестаньте говорить о подобных ужасах. Я чувствую, что сойду с ума, мои ноги подкашиваются.

И в самом деле, тонкие ноги преданного слуги самым настоящим образом тряслись под его кругленьким брюшком.

Джордж подошел к изваянию бога Шивы, поднялся на одну из ступеней гранитного пьедестала, а так как в это время набежавшее темное облако опять заслонило луну, он взял факел из рук индуса и своей дерзкой, непочтительной рукой поднес его к лицу идола.

Казиль вздрогнул при виде этой дерзости, а сопровождавший их индус отвернулся и начал бормотать сквозь зубы какое-то суеверное заклинание.

Джордж, не смутившись, продолжал.

— Так вот какой ты молодец, грозный бог Шива! — проговорил он со смехом. — Ничего хорошего! Какая уморительная у тебя физиономия! Очень жаль, что ты не смог воспользоваться своим всемогуществом, чтобы придать себе более приличный и благообразный вид. Если когда-либо я вернусь в Англию, то захвачу с собой тебя и поставлю в качестве пугала в парке своего замка. Воробы, самые вороватые птички и истребители наших вишен, наверняка испугаются и пощадят наши сады.

Выражение ужаса появилось в глазах Казилья и индуса, они украдкой поглядывали на грозного бога зла, ожидая, что вот-вот блеснет молния из его глаз и гром поразит дерзкого святотатца. Но Шива пренебрегал насмешками. Не было ни блеска молнии, ни раскатов грома. Стоп, оцепенев от страха, не произносил ни слова.

Наконец Джордж сошел с пьедестала, возвратил факел, взятый у индуса, теперь ненужный, потому что луна снова выплыла из-за облаков, и направился к одному из слоновьих останков, чтобы поближе рассмотреть его белые кости.

Казиль удалился на некоторое расстояние и с опущенными глазами, казалось бесцельно, размеренными шагами ступал по высокой траве. Вдруг он остановился. Чувство опасности заставило его отшатнуться, но, преодолев это чувство, он ринулся вперед, нагнулся к земле, раздвинул траву и пронзительно закричал.

XXXI. ВСТРЕЧА СЫНА С ОТЦОМ

— Что случилось? — спросил Джордж, оборачиваясь на этот крик.

Казиль безмолвно созерцал поразивший его предмет и, казалось, не слышал заданного ему вопроса.

— Наверное, удав? — пробормотал Стоп глухим голосом. — Или черная пантера. А может, кровожадный леопард или свирепый тигр. Здесь наша гибель! Бежим отсюда, ради бога!

Ужас сковал несчастного Стопа, и он, словно старое, трухлявое дерево, рухнул на большой камень.

Джордж с нетерпением повторил свой вопрос:

— Ответишь ли ты, Казиль, что там такое?

— Здесь среди травы я заметил мертвое тело, — ответил Казиль тихим голосом.

— Мертвое тело? — изумился Джордж.

Судорожным движением Стоп провел рукой по своему лбу, покрытому холодным потом, и, не в состоянии громко говорить, прошептал:

— Ах, мне дурно! Я теряю сознание! Я умираю!

В это время Казиль опустился на колени возле трупа. Он извлек из раны кинжал и при свете луны внимательно осмотрел его окровавленное лезвие.

— На кинжале изображение богини. Это дело рук сынов Бовани, — тихо заметил он.

Луна вдруг снова спряталась за набежавшую тучу, и кладбище слонов погрузилось в густой, непроницаемый мрак.

Джордж взял из рук индуса, стоявшего рядом, факел и подошел к Казилью. Нагнувшись, чтобы лучше осветить мертвеца, он сразу же отшатнулся. Факел выпал из его рук и погас, коснувшись земли. Джордж Малькольм задыхался, и бессвязные слова срывались с его губ:

— О нет! Не может быть! Это мне кажется, это сон... Я ошибся... я не разглядел!.. Ну а если я не ошибся? Боже! Великий Боже! Молю Тебя, удали от меня этот призрак... Но нет, это невозможно... Это невероятно! Это неправда! Иначе это было бы слишком ужасно!

— Что с вами, господин? — с изумлением спросил Казиль, не понимая причины его крайнего волнения.

Стоп, стоя на коленях, издавал стоны, перемежая свои жалобы усердной мольбой ко всем святым, имена которых приходили ему в голову.

Луна опять вышла из-за туч и ярко осветила труп. Джордж, как бы избегая ужасного зрелища, отвернулся.

— Мне трудно преодолеть страх и посмотреть еще раз, я боюсь убедиться в истине.

Джордж приблизился к Казилю и крикнул ему, схватив за руку:

— Нагнись, Казиль, нагнись и посмотри! Не правда ли, ты не знаешь этого человека?

Казиль повиновался приказанию, нагнулся снова и взглянул в лицо мертвого. Глаза доброго юноши расширились, лицо исказилось от страха и боли. Он закричал каким-то неестественным голосом:

— Это мистер Джон! Это мистер Джон!

Тогда Джордж бросился на колени возле тела отца и зарыдал:

— Отец! Это мой отец!

Среди общих стонов и причитаний Стоп выразил свое мнение об Индии, которому, впрочем, никто и не думал противоречить:

— Что за разбойничья страна эта Индия, как много здесь злых людей и зверей!

Казиль же весь в слезах с отчаянием твердил одно и то же:

— Мой спаситель, благодетель убит моими братьями...

Джордж стоял на коленях, обнимая, прижимая и стараясь привести отца в чувство. Он отирал платком последние капли крови, которые еще продолжали сочиться из глубокой раны. Он покрывал поцелуями его глаза и руки, и среди отдельных фраз чаще всего звучали:

— Бедный, дорогой отец! Он не увидит и не услышит больше меня. Глаза его закрылись навеки. После стольких лет разлуки я встретился с ним, и вот теперь его больше нет.

Подступившие к горлу спазмы душили Джорджа, и он умолк, но после некоторого молчания бессвязно, словно в лихорадочном бреду, заговорил:

— Смерть! Почему смерть? Нет, нет, я не верю ей! Он еще жив! Неужели Бог не поможет мне спасти его?

Как будто и в самом деле убеждаясь в возможности чуда, о котором молил, он все крепче и крепче прижимался к похолодевшему, безжизненному телу отца и шептал ему на ухо:

— Отец... отец, тебя зовет твой Джордж! Разве ты не хочешь услышать меня? Дай же мне совет, тебя зовет твой сын, он здесь, возле тебя, открой же глаза, отец! Взгляни на меня, я здесь, я, твой сын!

И, словно возвращаясь к мрачной действительности, он закричал:

— О господи! Руки его оледенели! Его сердце не бьется больше! Кинжал насквозь пронзил его грудь! Сколько крови! Сколько крови!

Его речь прерывалась судорожными рыданиями, в отчаянии он простирал к небу руки, словно зовя кого-то на помощь:

— Я отвергнут Богом! Мой отец умер! Его убили!

Видя, в каком состоянии находится его хозяин, добряк Стоп, забыв о своем страхе, то и дело вытирал слезы, которые текли по его лицу.

— Они убили моего благодетеля, — шептал Казиль, — о низкие, бездушные люди!

Эта сцена продолжалась бы очень долго, но вдруг Джордж преобразился. Лицо его стало похожим на изваяние, настолько были неподвижны и резки черты его лица, покрытые смертельной бледностью. Из глаз больше не лились слезы. Его губы, стиснутые волей, выражали твердую, непоколебимую уверенность и решимость. Он поднялся на ноги и сказал голосом, исполненным твердости:

— Зачем поддаваться бесполезному отчаянию? Слезы излишни! Мой отец не нуждается в оплакивании. Он нуждается только в мести.

Закрыв лицо руками, он замолчал. Затем, собрав разрозненные мысли и углубившись в самого себя, он устремил взор на тело отца и воскликнул:

— Кто же решился на такой злодейский, гнусный поступок? Чья рука поднялась, чтобы так подло поразить доблестного, благородного старика? Всемогущий и всесильный Господи! Как Ты мог допустить такое злодеяние? Но если Ты допустил это, то допусти и мечь! Дай мне силы, помоги мне! Не покидай меня! Рассудок мой блуждает в потемках, вложи в мою руку путеводную нить, дай мне какой-нибудь знак, который бы изобличил убийцу.

Не успел он договорить последние слова, как наткнулся на какую-то черную массу. Он наклонился, чтобы ощупать ее, и все понял.

— Это сожженные бумаги, бумаги... Значит, Бог услышал мою просьбу. Здесь, может быть, и находится то, что я вымаливал у Него. Казиль! Зажги факел! Скорее, скорее, Казиль!

Юноша поспешил исполнить приказание, а Джордж погрузил обе руки в пепел и стал рыться в нем. Это было все, что осталось от бумаг, в которых заключалась тайна поисков и открытий сэра Джона Малькольма.

Увидев пепел от уничтоженных огнем бумаг, Джордж поддался глубокому отчаянию.

— Не видно ни одного слова, — бормотал он, — огонь не оставил никаких следов!

Раз за разом приподнимал он с земли пригоршни пепла, но все было напрасно, ни одного целого листка бумаги... Он уже стал терять всякую надежду, когда внизу кучки пепла обнаружил полуобгоревший лист.

Казиль поднес факел к самому листку, который трепетал в дрожащих руках Джорджа.

— Ну что, господин? — спросил юноша. — Что там?

— Что там? — повторил и Стоп, которого любопытство отрезвило и отогнало на мгновение и скорбь, и боязнь.

— Это писал мой отец... да... действительно, это его рука.

И Джордж с жадностью вчитывался в сохранившиеся строки. Но через минуту заговорил с невыразимым разочарованием:

— Я вселил в себя напрасную надежду! Остались только отдельные слова, без смысла, без значения... здесь нет ни одного имени! — И он стал читать вслух: — «Могущественное общество... Но в самом Бенаресе следует искать...» Эти слова для меня бессмысленны... Но вот вопрос: как мог мой отец, которого я совсем недавно оставил дома, очутиться в такое время здесь? Личная ли это месть или он пал жертвой того таинственного общества, о котором писал мне в письмах и в тайны которого обещал меня посвятить через два дня? Как разгадать эту загадку, как узнать истину? Бедный батюшка! Неужели убийцы уйдут от возмездия? Но нет, этого не будет! Бог дарует мне силу и хитрость. Я посвящу этой борьбе свою жизнь. Я разыщу виновников злодеяния и уверен: Бог поддержит меня! Прости, отец! Клянусь над твоим челом, над твоими руками найти след твоих убийц и сторицей воздать им за их преступление. Если я буду жив, я сделаю это!

Но здесь неведомая сила, придававшая бодрость Джорджу, вдруг изменила ему. Он вновь зарыдал и упал на колени у тела отца. Стоп плакал возле своего хозяина. Темное лицо индуса было искажено каким-то странным, загадочным выражением, а в уголках его губ скрывалась зловещая улыбка. Казиль держал факел и молча, с глубоким отчаянием смотрел на лица отца и сына, которым был обязан своей жизнью.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

I. РАССКАЗ ЛЕЙТЕНАНТА МИДЛЕЯ

На часах Бенареса только что пробило девять вечера. Улицы его были освещены, и во всех домах горели яркие огни. Казалось, весь город хотел внести свою долю блеска в шумный и великолепный бал, даваемый лордом Сингльтоном.

Роскошные сады при дворце губернатора имели вид более чем волшебный: они были украшены разноцветными огнями, причудливые отблески которых играли на деревьях, дополняя иллюминацию. В глубине их возвышался дворец из белого мрамора, излучавший волны света. Чтобы закончить эту картину, представим себе мысленно среди этой обстановки, под живительной тенью столетних деревьев, пеструю толпу, в которой красные мундиры английских офицеров перемежались с живописными, исполненными с особой восточной пышностью костюмами индусской знати.

Прекрасная южная ночь и дивный, наполненный запахом цветов воздух манили гостей лорда Сингльтона из зала под высокий свод звездного неба. Сладкие, полные гармонии звуки оркестра звучали повсюду. Слуги в ярких ливреях сновали среди гостей, разнося прохладительные напитки на серебряных подносах.

Небольшая группа гостей, исключительно англичане, стояла неподалеку от великолепной лестницы, ведущей в сад и убранной гирляндами цветов. Это были четыре девушки и столько же офицеров, находившихся на службе в Ост-Индской компании.

Один из офицеров, красивый мужчина лет двадцати шести, со светлыми, загнутыми кверху усами, казалось, служил центром всеобщего внимания. Видимо, он рассказывал что-то увлекательное, потому что слушатели с интересом ловили каждое его слово. Офицера звали Мидлей. И этот разговор был прерван молодой девушкой, выразившей ему недоверие.

— Перестаньте, лейтенант! — сказала она. — Тот, кто задается целью убедить нас во многом, не сможет убедить ни в чем! Вы преувеличиваете!

Девушке было около двадцати лет, и она была хороша собой. А ее розовое платье, собранное у талии в едва заметные складки, подчеркивало нежность голубых глаз и белокурых волос.

— Полноте, мисс Эллен, — воскликнул обиженно лейтенант Мидлей. — Как можете вы обвинять меня в преувеличении?

Внимательные слушатели дружно закричали:

— Да, да! Разве она не вправе так говорить?

— Вы стремитесь вселить в нас страх.

— Ах, мисс, как можете вы так думать обо мне?

— Возможно, вы говорите и правду, — прервала его Эллен. — Но все-таки, мне кажется, вы смотрите на опасности, встречающиеся в Индии, сквозь увеличительные стекла, превращающие норы крота в горы, а муравья — в слона.

— Смею уверить вас, мисс, что я ничего не преувеличиваю и говорю одну только правду, а в увеличительные стекла мне смотреть незачем, так как я обладаю превосходным зрением.

— Докажите это, лейтенант!

— О, это совсем нетрудно. Опасности, которым подвергаются в Индии английские солдаты, всем известны. Гораздо спокойнее для нас было бы стоять перед сомкнутыми рядами неприятельских войск лицом к лицу и видеть оружие.

— Насколько мне известно, — вмешалась в разговор другая собеседница — невысокого роста девушка по имени Нэнси, — здесь нет даже войск, с которыми вам пришлось бы сражаться.

— Здесь нет войск, с которыми можно было бы открыто сражаться, но врагов тьма.

— Так где же они?

— Очень был бы благодарен тому, кто дал бы ответ на этот вопрос.

— Почему?

— Все очень просто: неприятель скрывается, он рассеян повсюду, и вместе с тем его не видно, он ведет губительную войну, нападая на нас исподтишка, неожиданно. Не проходит и ночи, чтобы мы не потеряли кого-нибудь из своих. Каждый день на перекличках недосчитываются одного-двух солдат, а через некоторое время их находят удушенными индусским лассо или пораженными ударами кинжала. И ежедневно утреннее солнце на всем пространстве английских владений в Индии освещает тела англичан, убитых втихомолку, под покровом ночной мглы.

Слушательницы сразу же прекратили смеяться.

— Как все это ужасно, лейтенант Мидлей! — проронила хорошенькая Нэнси.

— Во время вашего рассказа меня все время била дрожь! — поддержала подругу Джен.

«Как ей идет эта дрожь!» — подумал лейтенант Скелли, без ума влюбленный в мисс, глядя на ее белые, будто выточенные из мрамора,

округлые формы.

Мидлей продолжал:

— И эти таинственные убийцы или, вернее, демоны, которых подстрекает какой-то непостижимый, дикий фанатизм, тем опаснее, что они неуловимы.

— Но где же они прячутся?

— Никто не знает.

— Однако кто-то же видел их во время нападений!

— Никогда.

— Как?

— Я уже имел честь объяснить вам, что они совершают свои нападения обычно ночью, совершенно обнаженные, натертые маслом, с бритой головой, чтобы жертва не могла ухватиться за них. Они ползают, как змеи, и прыгают, как тигры. И при малейшей тревоге разлетаются, как высохшие листья, гонимые ураганом.

— Что за ужасы вы рассказываете, лейтенант! — воскликнула Джен, и ее румяные щечки побледнели. — Из-за вас я не смогу уснуть. Я боюсь кошмарных снов.

— Но как же вы защищаетесь? — спросила Нэнси.

— Нам удастся обезопасить себя только благодаря постоянной привычке быть настороже. Мы сами преобразуемся в диких, хитрых зверей, чтобы отражать коварные замыслы дикарей. Хитрость — вот путь для борьбы с ними.

— Хитрость? — проговорила Эллиен с заметным удивлением.

— Так точно.

— Какая же?

— Я сейчас расскажу вам об этом. Но сначала я должен предупредить вас, что мой рассказ будет вам не очень приятен.

— Лейтенант, вы прекрасно владеете даром возбуждать любопытство, — воскликнула Нэнси, — умоляю вас, продолжайте!

Собеседницы поддержали ее.

— Я вся дрожу от предчувствия чего-то ужасного, — прибавила Джен. — Я обожаю страшные и необыкновенные истории, особенно такие, от которых волосы становятся дыбом.

— Ах, мисс Джен, — шепнул ей страстным голосом Скелли, — если когда-либо вы станете моей женой, то я на все решусь, чтобы доставить вам счастье. Но... пугать вас...

— Продолжайте же рассказ, лейтенант, — потребовали девушки. — Не тяните!

Мидлей продолжал:

— На опушке небольшого леса, что у южной части Бенареса, почти каждую ночь убивали часовых. Один из наших офицеров предложил поставить на этот опасный пост чучела, одетые в красные мундиры с форменными фуражками. В то время, когда мы с пистолетами в руках сидели в засаде, по горло в вонючей грязи в соседнем болоте, прикрыв головы листьями лотоса, все и произошло.

— Да, неплохое начало, — вставила Эллен.

— Я предупредил вас об этом заранее, — засмеявшись, проговорил лейтенант Мидлей. — Время шло, сидеть в болоте нам надоело, приближался рассвет. Тишина ночи не нарушалась никакими звуками. Мы уже начинали опасаться, что наша изобретательность разгадана врагами, как вдруг тихий свист заставил нас насторожиться, и стая демонов, как будто вышедших из-под земли, накинулась на чучела...

Кокетство, свойственное многим рассказчикам, заставило Мидлея приостановиться на минуту, чтобы насладиться эффектом, вызванным рассказом. Молодые девушки затаили дыхание, а Нэнси выразила общее нетерпение:

— Продолжайте, лейтенант, продолжайте! Зачем вы испытываете наше терпение? Это нехорошо!

— Пули засвистели и градом посыпались на убийц, — с улыбкой продолжал Мидлей. — Шестеро из них остались на месте, седьмому раздробило ногу, и, хоть он дико сопротивлялся нам, мы взяли его в плен. Катаясь по земле, истекая кровью, он не расставался с ножом и очень опасно ранил двух наших солдат. В конце концов мы его обезоружили и отправили в Бенарес. Как мы ни старались выпытать у него хоть что-то, добиться каких бы то ни было сведений нам не удалось: дикий фанатизм доводит этих людей до истинно геройского самопожертвования! Ни страх лишиться жизни, ни надежды на спасение — ничто не подействовало: он не сказал ни слова. Сэр Джон Малькольм, самый искусный судья во всей Индии, не смог получить от него какого-либо признания. Индус оставался нем как рыба. Он отказывался от пищи, срывал перевязки с изувеченной ноги и через три дня унес в могилу свою тайну. Это случилось два месяца тому назад...

II. РАЗГОВОРЫ

Минута молчания последовала после этих слов лейтенанта Мидлея. Нэнси первая прервала ее:

— Вы заставили нас содрогнуться от ужаса, лейтенант! Слушая ваш рассказ, невольно сравниваешь его с главой одного из тех страшных романов, которые, кажется, пишутся только для того, чтобы лишать сна и покоя людей с расстроенными нервами.

Эллен громко рассмеялась. Да будет вам известно, что она смеялась над чем угодно, только бы представился случай.

— Может быть, и это часть романа? — спросила она лейтенанта Мидлея. — Находятся люди, которые считают, будто вы пишете и печатаетесь и что по крайней мере два журнала обязаны вам своим процветанием.

— Это слишком лестно для меня, — возразил Мидлей. — К сожалению, я не обладаю таким дарованием... Но каждое слово только что услышанного вами рассказа соответствует истине.

— И я ручаюсь за это, — проговорил лейтенант Скелли. — Впрочем, не желаете ли спросить об этом доктора Дъедоннэ? — добавил он, указывая на новое лицо, приближающееся к группе. — Быть может, этот француз внушит вам большее доверие?

— В чем дело? — быстро подхватил доктор, любезно раскланиваясь с дамами и нацепив на нос большие черепаховые очки.

— Разговор шел о нападении близ Бенареса, доктор. Вы участвовали в этой экспедиции, проявив незаурядную храбрость. Помните, как вы столб приняли за индуса и даже связали его?

В ответ раздался смех, который был поддержан и доктором.

— Да, так и было, — подтвердил он. — Но разве я виноват в том, что близорук?

И он повторил во всех подробностях рассказ лейтенанта Мидлея.

— Теперь, — подхватил офицер по имени Стюарт, — мы тщетно стараемся придумать новую ловушку, в которую удалось бы заманить этих разбойников.

— В один прекрасный день нам придется принять вид скал, носорогов или обезьян, чтобы застать их врасплох, — сострил доктор.

Эллен громко захохотала:

— Действительно, доктор, костюм обезьяны, как никому, подходит

вашей фигуре.

— Вы очень добры, мисс, — дружелюбно ответил доктор.

К разговаривающим подошли лакеи с подносами. Молодежь дружно набросилась на закуску.

— Я очень люблю сэндвичи, — объясняла Нэнси.

— Что касается меня, — сказала Джен, — то я больше всего на свете люблю шампанское. — И она взяла бокал холодного вина, наполненный до краев. — У меня есть на это уважительные причины: во-первых, оно очень вкусное, и, во-вторых, мои друзья уверяют, что оно придает мне остроумие и веселость. Не буду спорить, быть может, они и ошибаются, но верить им — для меня большое удовольствие.

Джен бойко осушила бокал и прибавила, скромно опустив глаза:

— Это для начала!

Эллен заметила:

— Превосходный ром! Я готова поручиться, что это настоящий ямайский и ему никак не меньше двенадцати лет!

— Я считаю, что и шампанское недурно... — заговорила, щелкнув языком, Джен. — Однако трудно судить безошибочно, выпив так мало.

И, подозвав лакея, она взяла с подноса второй бокал, который не замедлила осушить подобно первому.

— Мисс Ловель, — обратился к ней Стюарт, — вы должны скушать парочку сэндвичей, и тогда, без сомнения, шампанское еще больше понравится вам.

— Вы правы, — ответила Джен, — я немедленно последую вашему совету. — Потом, обратившись к лакею, прибавила: — Еще сэндвичей!

— А мне еще рому! — приказала Эллен. — Он превосходен!

В течение последних минут доктор Дъедоннэ то и дело менялся в лице: на его подвижной физиономии поочередно появлялись то изумление, то страх и беспокойство, то неудовольствие. Наконец, не в силах сдерживать дальше своего волнения, он воскликнул, подняв руки к небу и потрясая ими в воздухе, подобно трагику провинциального театра:

— Что вы делаете, несчастные молодые девушки?!

— Ничего особенного, доктор, — отвечали англичанки. — Едим и пьем!

— Это я вижу. Но вы, наверное, не хотите подумать...

— О чем, доктор?

— О том, что вы неминуемо подвергаете расстройству свой желудок.

— Напрасно тревожитесь, доктор, — отвечала Нэнси с набитым ртом, — это очень легкая пища.

— Действительно, очень легкая, — поддержала подругу Джен.
— Сэндвичи — легкая пища? — возмутился озадаченный доктор. — Помилуйте, это хуже свинца!

— Шампанского! — обратилась Джен к проходившему мимо лакею.
— Как видите, мы их запиваем, — прибавила Эллен.
— Отлично вижу, что вы запиваете! Как мне не видеть этого? Но подобная неумеренность в пище равна самоубийству, — добавил доктор.

Молодые девушки ответили доктору дружным смехом. Гораздо приятнее всяких докторских рекомендаций им казались вкусные сэндвичи. Лейтенант Мидлей ответил за них:

— Напрасно опасаетесь, любезный доктор, за моих хорошеньких соотечественниц. Когда вы пообживетесь в нашей среде, привыкнете к нашему образу жизни, вы увидите, что сэндвичи для нас — простая приправа и что наши молодые девушки пьют ром, шампанское, мадеру точно так же, как у вас во Франции пьют прохладительные напитки.

— Но это крайне опасно...

— Ну и что из этого, доктор? — вмешалась в разговор Эллен. — Ведь вы нас вылечите!

— Нет! — с живостью возразил Дъедоннэ. — Никогда в жизни я не стану лечить вас! Предупреждаю всех, кто заболел: на меня не рассчитывайте!

— Тогда где же вы найдете пациентов? — с громким смехом спросила Эллен.

— Среди людей благоразумных, которые не подвергают себя бесцельной неосторожности.

— Ладно, доктор. Но посоветуйте: что пить, когда чувствуешь сильную жажду?

— Прохладительные напитки.

— Я полностью согласна с вами, доктор, — воскликнула Нэнси, взяв с подноса, который держал перед ней лакей, бутылку замороженного шампанского и наполнив свой бокал. — Я намерена исполнить предписание врача!

Под общий смех она осушила налитый бокал. Джен последовала ее примеру.

— Вы неисправимы... — ворчал Дъедоннэ.

В этот момент с лестницы спустился лорд Сингльтон, отдавая последние приказания слугам:

— Несите для дам сэндвичи, страсбургские пироги и шампанское. И еще нагретый кларет и холодный портвейн!

Доктор, отделившись от группы молодых людей, направился к губернатору.

— Милорд, милорд! — обратился он к нему с мольбой в голосе. — Не грех ли вам отдавать подобные приказания? Вы же убьете молодых девушек.

— Махните на все рукой, любезный доктор, — улыбнувшись, ответил лорд Сингльтон. — Ваши опасения напрасны. Успокойтесь...

— Конечно, мне все равно, — проговорил раздосадованный доктор. — Пусть их задушат эти сэндвичи! Черт знает что такое!

В то время как доктор высказывал свои возмущения, лорд Сингльтон обратился к молодым офицерам, которые продолжали беседовать с англичанками:

— Господа, не знаете ли вы, где сэр Джон Малькольм?

— Я пока не видал его, — ответил Мидлей.

— Я точно знаю, что сейчас его здесь нет, — добавил Скелли.

— Надо думать, — заметил губернатор, — какое-то дело задержало его.

— Вполне возможно, милорд, — ответил Мидлей.

В это время на мраморном крыльце показался младший сын Джона Малькольма с Эвой и Марией Бюртель. Лорд Сингльтон первый заметил его.

— А вот и сэр Эдуард. Он знает, где сэр Джон. — И губернатор пошел навстречу молодым девушкам и их кавалеру.

— Смею засвидетельствовать вам мое глубокое почтение, милорд, — начал Эдуард, поклонившись губернатору.

— Добрый вечер, любезный сэр Эдуард, — сказал губернатор и, ответив на приветствия молодых девушек, продолжал: — Я был заранее уверен и не ошибся, что мисс Мария и мисс Эва будут самыми заметными цветами моего праздничного букета.

— Остерегайтесь, милорд, — заметила Эва.

— Остерегаться? Чего?

— Ведь мы можем поверить вам на слово.

— Но скажите, сэр Эдуард, разве я не прав?

— Сто раз правы, милорд! — воскликнул Эдуард.

Эва слегка ударила веером по его пальцам.

— Надеюсь, что и сэр Джон прибыл с вами? — спросил губернатор.

— Нет, милорд.

III. ДУРГАЛЬ-САИБ

— Сейчас я вам объясню, в чем дело. Батюшка сегодня ушел из дома очень рано, но никто не видел когда... Я заходил в его комнату... Постель оказалась несмятой, он всю ночь работал...

— Все это несколько странно, — в недоумении проговорил лорд Сингльтон.

— Однако сэр Джон ушел не один: его сопровождают сэр Джордж с камердинером, — сказала Мария. — Мы целый день очень тревожились, что и где их могло задержать...

— Но отец, — прибавил Эдуард, — очень часто выходит из дома, никого не предупредив, и его отсутствие иногда длится долго.

— Это вполне понятно, — заметил губернатор, — должность главного судьи ко многому обязывает. Думаю, что и сегодня он задерживается по этой причине. Надеюсь вскоре позвать руку ему и сэру Джорджу тоже.

Слуга в красных штанах с массивной серебряной цепью, стоявший у дверей, громко доложил:

— Раджа Дургаль-Саиб!

Многие гости губернатора, знавшие раджу только понаслышке, заволновались, общее любопытство не знало границ.

— Господа, — обратился к ним губернатор, — примите к сведению, что раджа Дургаль-Саиб — один из самых образованных и богатых в Индии и один из вернейших наших союзников.

И он пошел встречать раджу, который в роскошном индийском костюме, сверкавшем золотом и драгоценными камнями, размеренно и гордо шел по ступеням мраморного крыльца, окруженный многочисленной и блистательной свитой.

Мария схватила руку Эвы и дрожащим от волнения голосом шепнула ей на ухо:

— Взгляни, сестра, взгляни. Это тот человек, которого мы постоянно встречаем, и он так странно смотрит на меня, заставляет краснеть. Слушай, Эва, я боюсь его. Я предчувствую, что этот человек может сделать меня несчастной.

Эва с улыбкой поцеловала сестру и ответила:

— Я не могу понять твоих опасений, Мария. Почему ты придаешь такое значение этим встречам? Они случайные... Нет ничего удивительного в том, что он засматривается на тебя: ты же ангелочек! К

тому же принц необычайно красив и его восточные живописные костюмы идут ему. Впрочем, кажется, сэр Джон знает его. Скажи, чего же тебе бояться?

— Я и сама не знаю, — шепотом отвечала Мария, — ты упрекаешь меня в робости, но что поделаешь? Предчувствия нам не подвластны.

Раджа приблизился к губернатору, и они остановились друг против друга.

— Я очень рад видеть вас, — начал губернатор. — Добро пожаловать!

— Милорд, — любезно отвечал Дургаль-Саиб, — я тоже рад протянуть вам руку и открыть свое сердце. Мы разноплеменники, мы исповедуем разные религии, но в сущности мы — братья!

— И разве может быть иначе, когда Англия и Индия — сестры!

Дургаль-Саиб заметил сестер Бюртель. Он поспешил подойти к ним, и Эва почувствовала, как ладонь Марии затрепетала в ее руке.

— Я преклоняюсь перед светлыми богинями этого храма, — проговорил раджа, с величайшей почтительностью обращаясь к жениху Эвы. — Надеюсь увидеть сегодня и сэра Джона.

— Мы все ждем его, — отвечал Эдуард, — видимо, он скоро появится.

— Мне очень нужно встретиться с сэром Джоном Малькольмом, — обратился раджа к молодым девушкам. — Он почти ваш отец, и у меня есть просьба к нему. Думаю, он разрешит мне это...

— Какая же? — спросила Эва.

— Я хочу преподнести вам обеим по незначительному подарку, по безделушке, которые так нравятся молодым девушкам и которые делают женскую красоту неотразимой.

— Как это понимать? — едва слышно произнесла Мария, а Эва с явным нетерпением уточнила:

— Что за безделушки?

Шарф, шитый золотом, служил радже поясом, на нем висели кинжалы с серебряными рукоятками, усеянными драгоценными камнями.

Из-за широких складок этого пояса Дургаль-Саиб вынул две совершенно одинаковые коробочки и, подавая их сестрам, преклонил колени по восточному обычаю. Прекрасное личико Марии от смущения покрылось яркой краской; поколебавшись, она протянула руку к коробочке, предназначенной для нее. Эва же, напротив, быстро открыла свою и в наивном восторге вскрикнула от изумления.

— О боже мой, как это красиво! Взгляните, Эдуард; взгляни, сестра! Это чудно, восхитительно! Прекрасно!

— Не надо преувеличивать, мисс Эва, — проговорил раджа, — здесь

нет ничего такого, что могло бы вызвать подобный восторг. Это самые обыкновенные бриллианты из моих копей и жемчуг с берегов Цейлона. Мой подарок скромн, и я сознаю это! Только звезды могут служить ожерельем для ваших плеч. Но эти звезды, подобные вашим глазам, сияют на небе, а я еще не нашел способа добраться до них.

— Смею уверить вас, раджа, — заметил лорд Сингльтон, улыбаясь и взяв из рук Эвы открытую коробочку. — В Париже и Лондоне вы могли бы служить образцом любезности. Вы одновременно соединяете в себе и принца, и миллионера, и поэта.

— Вы чересчур снисходительны к моим недостаткам, милорд.

— Ничуть, — с живостью возразил лорд Сингльтон. — Я говорю чистую правду.

— Хорошо, но я прошу вас, милорд, исполнить мое самое горячее желание.

— С полной готовностью. Что прикажете?

— Вы представитель верховной власти, и никто не осмелится противиться вашему решению, — Дургаль-Саиб остановился.

— Так в чем же дело? — спросил лорд Сингльтон.

— В связи с отсутствием сэра Джона Малькольма, опекуна мисс Марии и мисс Эвы, я прошу вас разрешить им принять от меня эти скромные подарки.

— Возможно ли это, раджа? — заметно волнуясь, произнесла Мария и с любопытством посмотрела на Дургаль-Саиба.

— Украшения эти стоят немало и больше подходят королеве, чем нам, — искренне сказала Эва.

— Но разве вы не трижды королевы? Вы обладаете тройной короной, — горячо стал убеждать собеседниц раджа, — короной красоты, короной молодости и короной грации! Все королевы мира с охотой променяли бы свои усыпанные драгоценностями скипетры на ваш! Мои украшения едва ли достойны вас.

— Мы искренне признательны вам, но ваш подарок слишком ценен, чтобы мы могли рискнуть принять его, — заметила Эва.

— Мы не должны делать этого, — добавила Мария. — Но пусть решит сэр Эдуард. Надеюсь, что он согласится с нами.

Эта реплика заставила высказаться и сэра Эдуарда, который не без смущения ответил:

— Я согласен с мисс Эвой и мисс Марией.

— Теперь только на вас моя последняя надежда, — обратился Дургаль-Саиб к лорду Сингльтону. — Прошу вас оказать мне содействие и

удовлетворить мою просьбу.

— Хорошо, я согласен, — шутливо отвечал губернатор. — Но прежде чем решить окончательно, я обращаюсь ко всем присутствующим с вопросом: все ли согласны принять мое посредничество и покориться моему приговору, каким бы он ни был? Не встретит ли он возражения и не возбудит ли ропота? Обращаюсь к вам, мисс Эва!

— Как вы можете сомневаться в этом, милорд?

— Ну а вы, мисс Мария?

— Охотно подчинюсь вашему решению, каким бы оно ни было.

— А вы, сэр Эдуард?

— Я уверен, милорд, что ваше решение будет справедливым и приличным во всех отношениях, а потому я готов покориться ему.

Лорд Сингльтон улыбнулся.

— Ваше единодушное согласие подчиниться моему решению заставляет меня применить власть, и я без стеснения пользуюсь ею. Теперь выслушайте мой вердикт. Я, губернатор Бенареса, в связи с отсутствием сэра Джона Малькольма, законного опекуна мисс Марии и мисс Эвы Бюртель, пользуясь общим единодушным согласием, обязываю его прелестных воспитанниц принять драгоценные украшения, с такой истинно царской любезностью предложенные раджей Дургаль-Саибом. И пусть эти подарки послужат новым залогом дружественных отношений между Англией и Индией.

В глазах Эвы мелькнула радость, в то время как на длинных шелковистых ресницах Марии навернулась слеза.

— Благодарю вас, милорд, — живо воскликнул Дургаль-Саиб. — Я был уверен, что вы примете именно такое решение. — Потом он добавил, обратившись к девушкам: — Вы слышали решение судьи, и теперь вы не вправе отказываться принимать подарок.

Радость Эвы была так велика, что она не могла удержаться, чтобы тотчас же не надеть ожерелье и не застегнуть браслет.

— Позвольте помочь, мисс Мария, — тихо сказал Дургаль-Саиб, застегивая браслет на руке Марии, которую она была вынуждена протянуть ему с тягостным смущением. — Ну почему я не могу вложить в вашу руку свое сердце и заставить вас принять его? — прошептал он с заметной дрожью в голосе. Потом, наклонившись к руке Марии, коснулся ее губами и поцеловал кончики пальцев, между тем как она, смущенная этой неожиданной лаской, отступила на шаг.

«Зачем он дарит нам драгоценности? Все неспроста... — думала она. — Его губы Горячи, своим дыханием он обжег мою руку, я вся

дрожу...»

В это время на улице послышался громкий звук труб. Все пришло в движение. Лакей, стоявший у двери, доложил громким голосом:

— Принцесса Джелла!

IV. РЕВНОСТЬ

Смертельная бледность разлилась по лицу Марии, когда она услышала это имя, и, вздрогнув, она машинально повторила:

— Принцесса Джелла!

— Что с вами, Мария? — спросил Эдуард.

— Со мной? — проговорила молодая девушка с сильной заминкой. — Разумеется, ничего! Что может быть?

— Не знаю, но когда объявили о приезде принцессы Джеллы, ваша рука дрогнула в моей, я слишком сильно ощутил это.

— Уверю вас, Эдуард, вы ошиблись.

Эдуард бросил пристальный взгляд на невесту брата:

— Нет, я не ошибся, я вижу, вы побледнели...

— Еще раз уверю вас, что вы ошибаетесь! — возразила Мария. — Вам показалось. — Молодая девушка не смогла сдержать нервную дрожь, и это обстоятельство не ускользнуло от внимания Эдуарда.

— Пойдемте, дорогая Мария, — сказал он, снова взяв ее под руку.

— Куда вы хотите отвести меня?

— Во дворец. Я опасаюсь, что свежий ночной воздух плохо действует на вас, Мария.

— Перестаньте, дома мы ежедневно проводим вечера на открытом воздухе в саду.

— Там совсем другое дело. Сейчас вы в платье с открытой шеей и руками. Лучше будет, Мария, если мы вернемся во дворец.

— Ну что ж... Однако прошу вас немного подождать, мне очень хочется увидеть принцессу.

— Хорошо, мы останемся, — проговорил Эдуард, подумав: «Мария очень волнуется... Почему? Принцесса... — И он вспомнил об интересе Джеллы к Джорджу там, на охоте. — У Марии интуитивная ревность?..»

В это время появилась принцесса Джелла, окруженная огромной блестящей толпой, составлявшей ее свиту. Черные рабы с красными чалмами на головах и в коротких белых туниках, с массивными золотыми браслетами на руках и ногах несли на плечах ее паланкин, усеянный, подобно женскому убору, драгоценными камнями и, несомненно, являющий собой произведение современного искусства.

Впереди и сзади паланкина располагались два отряда женской стражи.

Когда Джелла заметила, что лорд Сингльтон направился к ней

навстречу, она подала знак рабам. Они мгновенно преклонили колени, и опустившийся на землю паланкин дал возможность принцессе Джелле выйти.

На ней был европейский костюм. Белое, все в дорогих кружевах платье ловко облегло ее изящный стан, оставляя обнаженными только шею и руки. Ее черные волосы были украшены черной диадемой из бриллиантов.

— Добрый вечер, милорд, — обратилась она к губернатору, протягивая ему по английскому обычаю руку. — Я обещала — и я пришла!

— При вашем появлении забываешь о действительности, а взглянув на вас, переносишься в сказку. Весь Восток, страна поэтов, с его прекрасными султаншами, перед глазами...

— Вы хотите сказать, что я — одна из них? — улыбаясь, сказала Джелла.

— Разумеется, причем самая прекрасная и обворожительная, — любезно отвечал лорд Сингльтон. — Для моего бала недоставало царицы, но ваше появление вывело меня из затруднения, и я осмеливаюсь вручить вам царственный скипетр.

— С благодарностью даю согласие, милорд, и, приняв его, я не намерена выпустить его из рук до самого утра.

Губернатор склонился перед принцессой.

В течение всего этого разговора Мария и Эва с живейшим любопытством рассматривали Джеллу, особенно Мария. Наклонившись к плечу сестры, она тихо спросила:

— Как тебе нравится принцесса?

— Она красавица. А ты как считаешь?

— Я согласна с тобой, красота ее ослепительна. Но вместе с тем она не только не нравится мне, а наоборот, внушает невольный страх.

— Почему же?

— Ее глаза очень злые, а улыбка жестокая.

— А по-моему, загадочные, а не злые, — возразила Эва.

— Ты плохо разглядела ее, — нетерпеливо продолжала Мария, — взглядишь лучше, и ты согласишься со мной!

Между тем принцесса, заметив стоявшего вблизи Дургаль-Саиба, сделала ему знак приблизиться. Раджа повиновался ее приказанию. Джелла обратилась к нему с обворожительной улыбкой:

— Разве вы не знаете, что властью лорда Сингльтона я назначена царицей этого бала? Почему вы не поспешили заявить о своих верноподданнических чувствах у ног вашей повелительницы?

— Я ожидал милостивого разрешения царицы сделать это, — ответил Дургаль-Саиб, целуя протянутую руку Джеллы.

Затем принцесса наклонилась к нему и тихо спросила, так тихо, что никто не мог услышать их:

— Здесь уже известно о случившемся?

— Пока нет, — так же тихо отвечал Дургаль-Саиб.

Эдуард подошел к сестрам и шепнул им:

— Теперь можно идти, так как вы уже удовлетворили свое любопытство.

— Если бы вы знали, Эдуард... — вдруг заговорила Мария. — Эта женщина вызывает во мне странное чувство. Я сама не могу понять почему, но мне кажется, что она будет причиной моего большого несчастья.

— Вернемся в зал, и я ручаюсь, что вы больше не увидите ее.

— Да, да, конечно...

Эдуард взял под руку Марию, Эва же шла рядом с ним без поддержки. Они протискивались сквозь толпу собравшихся вокруг принцессы гостей. Но от взора Джеллы, наблюдавшей за каждым движением молодого англичанина и обеих сестер, не укрылось их намерение, и она решила помешать им удалиться.

— Милорд, — громко обратилась она к губернатору. — Будьте любезны, верните, пожалуйста, сэра Эдуарда Малькольма, который уходит, не поговорив со мной.

Эдуард слышал эти слова, но не остановился, и лорд Сингльтон счел нужным его окликнуть:

— Сэр Эдуард!

— Что прикажете, милорд? — спросил молодой человек, обернувшись.

— Принцесса хочет побеседовать с вами.

Эдуард не колеблясь подошел. Джелла приветствовала его жестом руки и проговорила с улыбкой:

— Ваш брат, Джордж Малькольм, обещал познакомить меня со своей невестой. Поскольку он, видимо, отсутствует, я прошу вас сделать это.

Эдуард почтительно поклонился и проговорил:

— Позвольте мне, принцесса, представить вам сестер Марию и Эву Бюртель, воспитанниц моего отца.

Обе сестры поклонились.

— Прошу вас объяснить этим молодым девушкам, что я — друг сэра Джона Малькольма, их опекуна, и, следовательно, могу рассчитывать на их дружбу.

— Они слышат вас, принцесса, — пробормотал Эдуард.

Принцесса снова начала говорить, стараясь придать своему голосу самые нежные выражения.

— Эва, Мария... как приятно звучат эти имена. Они так же прелестны, как и вы с вашими восхитительными, лучезарными лицами. От всего сердца поздравляю вас, сэр Эдуард, и вашего брата с прекрасным выбором. Вам же, мисс Мария, я предсказываю будущее, полное радости и счастья. От вас так и веет молодостью и красотой, теми дарами природы, которые имеют преимущество перед другими и которые особенно должны цениться мужьями.

Эдуард подумал: «В ее голосе звучит скрытая насмешка».

— Ах, принцесса... — начала было Мария, но остановилась.

А Джелла продолжала:

— Еще раз, мои любезные мисс Мария и мисс Эва, поздравляю вас и повторяю, что, пользуясь дружбой сэра Джона Малькольма, прошу вас ответить: принимаете ли вы мою дружбу? Я предлагаю ее вам обеим. Надеюсь, вы не отвергнете ее?

— Смеем ли мы, принцесса? — робко проговорила Мария в замешательстве.

— Простите нас за робость, принцесса, — с живостью вмешалась Эва, — это такая честь для нас...

— Забудьте, что я принцесса, милые мои, и помните только, что я женщина, — прервала ее Джелла. Потом, обращаясь к Марии, сказала: — Женщина, которая радуется вашему счастью. Я считаю сэра Джорджа благородным человеком. И душа у него открытая, прямая, а сердце верное. Я уверена, что он никогда не произнесет вам слова лжи.

— Зачем ему лгать, принцесса? — перебила ее Мария. — Я сирота и почти не имею состояния, в то время как он богат. Он сказал, что любит меня, и я поверила ему.

Улыбка не покидала лица принцессы.

— Какая вы счастливая, мисс Мария, — снова заговорила Джелла. — Ваши глаза, ваш ангельский вид внушили сэру Джорджу чувство, и он, наверное, уже нашептал вам клятвы в вечной любви и верности... Все это мне понятно, и я многим пожертвовала бы, чтобы внушить подобное чувство. Богатство, власть, даже жизнь — словом, все принесла бы в жертву любви.

В это время Дургаль-Саиб наклонился к Марии и прошептал:

— Я знаю человека, который испытывает к вам подобную страсть.

Мария ужаснулась. Ее щеки покрылись ярким румянцем, а потом

побелели.

— Да, — продолжала принцесса, — сэр Джордж — счастливый жених, а сэр Джон Малькольм — счастливый отец. Великим днем будет для него тот день, в который он благословит ваш радостный союз.

— Надеюсь, принцесса, — тихо ответила Мария.

— Я уверена в этом, — продолжала Джелла. — Теперь дайте мне вашу хорошенькую ручку, которую я от души пожму в залог того, что я — ваш друг навсегда.

Мария робко исполнила просьбу Джеллы, вложив свою руку в протянутую к ней руку принцессы, и тихо промолвила:

— Могу ли я не верить вам, принцесса!

— Вот и прекрасно! — заключила Джелла, и на ее лице опять появилось радостное выражение. — Не стоит сомневаться в чувствах тех, кто симпатизирует вам. Бал только начинается, и потому я надеюсь, что мы еще увидимся с вами. А вы, Дургаль-Саиб, подайте мне вашу руку и пойдемте осматривать достопримечательности садов лорда Сингльтона.

Принцесса оперлась на руку раджи и, обернувшись к сестрам, еще раз ласково им улыбнулась, подумав про себя: «О, эта проклятая девчонка!..»

Мария стояла молча и неподвижно, нахмутив брови.

— Что с вами, Мария? — снова спросил ее Эдуард, в голосе которого слышалось беспокойство.

Девушка, закрыв лицо руками, проговорила глухим голосом:

— Я ревную сэра Джорджа к этой женщине, Эдуард.

— Ревнуете! — вскричал Эдуард. — Но ведь это безумие! Успокойтесь...

— Действительно, — подхватила Эва. — Надо потерять рассудок, чтобы ревновать.

— Что же мне делать? Я ужасно страдаю, мне не хочется жить!

V. КАК УДАР ГРОМА

Тихая музыка разливалась в прохладном ночном мраке. Вдруг на смену несколько однообразной мелодии пришла новая, необычная, томная, сладострастная, и индийские танцовщицы направились к той части губернаторского сада, где находились лорд Сингльтон и Джелла.

Баядерки были одеты в яркие национальные костюмы из легкого прозрачного газа, обшитого золотой бахромой. Куски ткани пунцового цвета, обвиваясь вокруг стройных, изящных фигур, ниспадали, касаясь одного плеча, на грудь, которую скрывал корсаж из золотой парчи, и оставляя обнаженными руки и плечи. На них были широкие, собранные внизу шальвары светло-лилового цвета. Драгоценные украшения отсвечивали разноцветным блеском на пальцах, запястьях, шее и даже в носу. Двойные золотые кольца, надетые на ноги у лодыжки, издавали гулкий металлический звон при каждом движении танцовщиц.

Одеждой нескольким баядеркам служили шальвары из светлого газа, шитые серебром, с серебряной каймой, скрывающие толстые золотые кольца, надетые у лодыжек. Пальцы ног были сплошь унизаны кольцами, а на подъеме красовались массивные серебряные цепи. Поверх шальвар были надеты юбки из драгоценной ткани, обшитые золотыми и серебряными узорами. Суконный корсаж пунцового цвета был полностью закрыт громадной вуалью из серебряного газа. На руках, пальцах и шее также сверкали золотые украшения. В волосах, зачесанных назад, сверкали драгоценные булавки. Золотая, очень тонкая нить заменяла кольцо в ноздрях; на этой нити висело по одной жемчужине.

Подойдя к принцессе и хозяину дома, баядерки остановились и начали один из тех восточных танцев, исполненных неги и сладострастия, описанию которых всеми путешественниками было посвящено так много внимания, что мы не считаем необходимым делать это еще раз.

После танца и восторженных рукоплесканий вновь раздался голос стоявшего у дверей лакея. Произнесенное имя заставило вздрогнуть Джеллу.

— Сэр Джордж Малькольм! — оповестил слуга.

— Слава богу... — сказал Эдуард.

Эва наклонилась к Марии и шепнула ей:

— Почему же он один? Что-то мне страшно...

В этот момент толпа приглашенных расступилась, чтобы дать пройти

Джорджу Малькольму. Вид его был ужасен, а одежда, в сильном беспорядке, измятая и грязная, составляла резкий контраст с роскошными праздничными костюмами гостей губернатора. Джордж был смертельно бледен, выражение лица дышало скорбью и страданием.

Сердце Эдуарда сдавило предчувствие чего-то ужасного.

Он бросился навстречу Джорджу:

— Брат!

В этот момент Джелла с живостью схватила руку Дургаль-Саиба и, судорожно сжав ее, шепнула ему:

— Посмотрите на этого человека, Дургаль-Саиб. Смотрите... Ему уже все известно.

— Осторожнее, принцесса, держите себя в руках! — остановил ее раджа. — Вы выдадите нас!

— Брат! — повторил Эдуард. — Что случилось?

Мария, дрожа от тяжелого предчувствия, обняла сестру. Джордж, ни слова не сказав брату, обратился к лорду Сингльтону и ко всем присутствующим.

— Простите меня, милорд, простите, господа, — сказал он дрожащим голосом. — Я вынужден омрачить веселье вашего бала тягостным известием.

— Тягостным известием? — переспросил губернатор.

— Не томи, брат, объясни: что же случилось? — умолял Эдуард дрожащим от волнения голосом, взяв его за обе руки.

— Брат! — сказал Джордж. — Помни, ты уже не ребенок, ты мужчина! Собери все свое мужество, будь твердым, ты сильный человек. Тебе будет очень трудно...

— Джордж, Джордж! Ты пугаешь меня! Что за страшное известие принес ты? Что случилось? Скажи!

Джордж обратился к лорду Сингльтону:

— Милорд! Губернатор Бенареса! Я пришел сюда, чтобы умолять вас свершить правосудие и отомстить преступнику.

— Боже милостивый! — воскликнули обе девушки.

Принцесса Джелла хранила молчание.

— Почему вы говорите о правосудии, о мести? — спросил пораженный губернатор.

— Я прошу их у вас.

— Для кого же?

— Для моего отца.

— А мести?

— Для его убийц.

В собравшейся толпе послышался шум, у каждого из присутствующих вырвалось невольное восклицание:

— Сэр Джон Малькольм убит!

Эдуард, пораженный страшной вестью, как безумный схватил руки брата, заставил его повернуться к себе и невнятно произнес:

— Джордж, скажи, ради бога, это неправда, я ослышался... не так ли? Ведь я не понял... Господь не допустил бы совершиться такому неслыханному преступлению! Нет, нет, не может быть...

— Наш благодетель умер! О горе, горе! — рыдали Мария и Эва.

— Нет, нет, это неправда... Не может быть... — приговаривала Мария.

Крики негодования раздавались со всех сторон. Губернатор Бенареса утирал слезы, градом катившиеся по его бледным щекам. Эдуард подошел к Джорджу.

— Кто же убийца? — спросил он брата.

— Если бы я знал, отец был бы уже отомщен.

Потом Джордж опять обратился к лорду Сингльтону:

— От имени Англии, нашей общей родины, заклинаю вас, милорд, присоединиться к нам для отмщения за гнусное убийство отца, который был вашим братом по общей для вас благородной цели!

Лорд Сингльтон произнес торжественным голосом:

— Клянусь всемогущим Богом, который все видит и слышит, что мы отыщем убийцу и сэр Джон Малькольм будет отомщен!

— Благодарим вас, милорд, — одновременно сказали оба брата.

Затем, обратившись к окружающим, Джордж тихо произнес:

— Помолимся за невинно погибшего.

Все опустили на колени и склонили головы. Принцесса Джелла и Дургаль-Саиб также последовали общему примеру. В это время Джелла шепнула ему на ухо:

— Я нашла убийцу и выдам его. Пусть отомстят ему за смерть Джона Малькольма.

VI. ВО ИМЯ БОВАНИ

Огни во дворце потухли, и шум гостей умолк. Присутствующие разошлись по домам, смущенные и опечаленные тягостной сценой, свидетелями которой они оказались.

— Дургаль-Саиб, — обратилась принцесса к радже, — следуйте за мной, нам необходимо переговорить.

— Я готов, принцесса.

Они уехали вместе.

У Джеллы в Бенаресе был дворец, который всеми европейцами, видевшими его, признавался чудом. Огромное великолепное здание, выстроенное из белого и розового мрамора в восточном стиле, выходило своим фасадом на городскую площадь. С балкона дворца был хорошо виден Ганг с его многочисленными мостами. За дворцом раскинулись сады.

Принцесса ввела Дургаль-Саиба в роскошный будуар, украшенный современной мебелью из Франции, и оставила его одного, сказав:

— Подождите, я сейчас вернусь.

Не прошло и четверти часа, как Джелла возвратилась. Бальное платье она сменила на пеньюар из белой кисеи, украшенный великолепным шитьем. Ее густые черные волосы, уже не сдерживаемые тяжелой бриллиантовой диадемой, длинными прядями ниспадали на плечи и рельефно выделялись на светлом фоне кисеи; от них веяло ароматами восточных благовоний.

По знаку принцессы поздний гость сел на стул. На его лице появилось выражение сильного удивления.

— Что с вами, Дургаль-Саиб? — спросила принцесса Джелла.

— Принцесса, — ответил он, — вы прекрасная, удивительная женщина, быть может, единственная в целом мире...

— Я знаю это и горжусь этим, — перебила Джелла Дургаль-Саиба. — Я не смогла бы утешиться, если бы напоминала собой медаль со стертым изображением, если бы была похожа на всех остальных женщин. Однако почему вы об этом заговорили?

— Кровавая драма разыгрывается вокруг нас, мы тайно способствуем ей, руководим ею, добиваемся ее окончания, а между тем вы веселы и спокойны, вы улыбаетесь, как будто ничего не происходит.

— Не следует бояться грозы, когда знаешь, как избежать удара молнии.

— Кто может быть в этом уверен?

— Я.

— Остерегайтесь, принцесса, меня пугает ваша самоуверенность.

Принцесса Джелла окинула раджу насмешливым и в то же время пытливым взглядом, как бы проникая в самую глубину его души, и сказала:

— Дургаль-Саиб, мне кажется, я понимаю вас, я читаю ваши мысли: вы боитесь.

— Это правда.

— Но чего? Или кого?

— Джорджа Малькольма.

— Но почему вы боитесь его?

— Я увидел в нем то, что делает врага грозным и могущественным. Он храбр, отважен, умен. И преодолет все, даже невозможное, чтобы отомстить за смерть отца. Вы согласны с этим?

— Наверное, вы правы. Но вы упускаете из виду важное обстоятельство, а именно то, что противница Джорджа Малькольма — я!

— Согласен. Я знаю, как вы сильны. Но что, если Джордж Малькольм будет сильнее? Что сможете вы ему противопоставить?

— Все в моих руках. Я могу все и способна на все! Завтра же Джордж Малькольм не будет опасен для нас.

— Завтра? — недоверчиво переспросил Дургаль-Саиб.

— Впрочем, даже сегодня, так как сейчас уже два часа утра. Я придумала план, который погубит его, и главным действующим лицом этого плана должны стать вы...

Мы не будем утруждать внимание наших читателей изложением замысла Джеллы, они узнают о нем впоследствии. Теперь же мы ограничимся лишь тем, что скажем: раджа пришел от него в восторг и шумно выразил свою радость.

— Вы гениальны, принцесса!

— Я никогда не сомневалась в этом, — согласилась Джелла, громко смеясь. — Ну теперь-то вы все поняли и, надеюсь, одобряете мой план?

— Не только одобряю, я восхищаюсь им!

— Значит, я могу рассчитывать на вас?

— Как на себя.

— В таком случае все пойдет хорошо, и я заранее ручаюсь за успех...

Таинственный разговор длился очень долго. Приближалось время рассвета, и злоумышленники были вынуждены разойтись. Дургаль-Саиб поцеловал протянутую руку Джеллы и вышел из дворца.

Оставшись одна, принцесса позвонила. Явился Согор.

— Что у тебя? — спросила его принцесса.

- Все исполнено.
- Ты искал?
- Искал и нашел.
- Тебе все известно?
- Все.
- Слушаю.

Согор коротко передал принцессе подробности, уже известные нашим читателям, о поездке Джорджа Малькольма на кладбище слонов в прошлую ночь и как случай столкнул сына с убитым отцом.

— Кто рассказал тебе все эти подробности? — спросила Джелла, когда Согор окончил свой рассказ.

- Два индуса, нанятые Казилем.
- Они с нами?
- Да.
- Они здесь?
- Да, здесь.
- Пусть войдут.

Согор отворил дверь, и после поданного им знака два индуса переступили через порог. Войдя в комнату, они пали ниц перед принцессой, полные раболепия и страха.

— Сыны Бовани! — торжественно обратилась Джелла к вошедшим. — Встаньте и слушайте меня. Я буду говорить с вами от имени богини.

Речь принцессы продолжалась долго и была закончена следующими словами:

— Ступайте и не забудьте!

Индусы попятились к двери и мгновенно исчезли.

После странной ночи, которую мы только что описали, наступило ясное утро. Жители Бенареса готовились с традиционной пышностью отметить один из своих древних праздников. О приближении священного дня свидетельствовали многоголосый говор на площади, украшенные лавки и магазины. Общее настроение было радостным и ликующим.

Теперь мы попросим читателей мысленно последовать за нами во дворец губернатора Бенареса в ту минуту, когда на городских часах пробило двенадцать. Сначала войдем в кабинет губернатора.

Комната сплошь устлана китайскими коврами; вдоль стен шкафы, заполненные книгами в богатейших сафьяновых и кожаных переплетах. Над огромным письменным столом — портрет английской королевы.

Растворилась дверь, ведущая в кабинет, и вошедший индус в одежде слуги принес связку бумаг, которую положил на письменный стол. Этот

индус уже знаком нам: мы видели его два дня тому назад у принцессы Джеллы с черным покрывалом на голове в обществе Суниаси, Голькара и Акбара. Мы видели его также в ночь убийства сэра Джона Малькольма на кладбище слонов. Этот человек был одним из важных заговорщиков, его звали Джааль. Хотя присутствие его у губернатора может показаться довольно загадочным, это обстоятельство мы разъясним читателю позднее.

Сейчас же этот человек положил на стол лорда Сингльтона стопку бумаг и прошептал:

— Ищите, ищите, мы не боимся вас! Если индус захочет скрыть след, то никакому европейцу не отыскать его. Ищите сколько хотите, проклятые англичане, но вам ничего не удастся найти. Джон Малькольм не будет отомщен!

Раздался стук в дверь. Джааль пошел отворить ее и очутился лицом к лицу с Казилем. У обоих вырвался возглас удивления.

— Джааль?! — воскликнул Казиль. — Почему ты здесь, во дворце, да еще в этой одежде?

— Да, это я, — подтвердил индус. — По воле нашей общей повелительницы принцессы Джеллы я служу у губернатора. Это его кабинет, выйдем отсюда...

И они вышли в приемную.

— Как ты здесь оказался? — спросил Джааль. — Что привело тебя сюда?

— Я явился по приказанию лорда Сингльтона.

— Как? Тебя позвал сам губернатор?

— Да.

— Что ему нужно от тебя?

— Не знаю. Но я думаю, что он хочет задать мне несколько вопросов об убийстве сэра Джона Малькольма.

— Почему он хочет тебя расспрашивать об этом? Что ты можешь знать?

— Мне известно то же, что и сэру Джорджу, так как я служил ему проводником в ночь убийства. Вместе с ним я пришел на кладбище слонов и первый увидел убитого. Он лежал среди высокой травы.

— Ты говорил об этом кому-нибудь, кроме меня? — быстро спросил Джааль.

— Никому, потому что меня никто не спрашивал. Но почему ты задаешь этот вопрос?

Джааль, не отвечая, схватил Казиля за локоть и, подняв высоко его руку, обнажил на ней синевато-багровый знак, татуировку.

— Знаешь ли ты, что это такое? — резко спросил Джааль.

— Знамение богини, — смущенно пробормотал Казиль.

— Да, знамение богини! Оно запечатлено на твоей руке в день твоего рождения! Ты — сын богини, ты — собрат сторонников священного дела, и ты обязан повиноваться приказаниям, которые передаются тебе от имени богини. Ты знаешь закон: повиноваться или умереть!

Почувствовав слабость в коленях, Казиль спросил едва внятным голосом:

— Что же мне делать?

— Молчать!

— О чем молчать? Я не понимаю.

— О том, что ты рассказал мне минуту назад. Ты не должен говорить, что первый обнаружил сэра Джона Малькольма.

— Однако...

— Запомни: увидел не ты! — повторил Джааль с сильным ударением. — И кто бы ни потребовал твоего свидетельства: будут ли то лорд Сингльтон с Джорджем Малькольмом или кто другой, — это не твое дело. Ты должен молчать, притворись ничего не выдавшим и не слышавшим. Понимаешь?

— Понимаю.

— Исполнишь приказание богини?

— Исполню.

— Хорошо. Но не забудь, что всякий, кто не повинуется воле богини, будет жестоко страдать и падет мертвым от ее руки.

— Я повинуюсь всемогущей воле богини, — отвечал Казиль. А мысленно прибавил: «Они убили моего благодетеля, того, кто спас мне жизнь, но что могу я сделать? Я должен повиноваться воле богини и молчать: дух мой возмущается, сердце трепещет, но я повинуюсь!»

«Опасаться его не стоит, — размышлял Джааль. — Он в наших руках и не посмеет ничего сказать. Слава богине, что я поспел вовремя. Однако кто-то идет».

Послышался шум, дверь отворилась, и в приемную вошел Стоп, камердинер Джорджа Малькольма. Необычайная бледность покрывала его щеки, а к носу он прижимал белый платок.

VII. НЕПРИЯТНОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ СТОПА

— Что с вами, мистер Стоп? — воскликнул Казиль.

Нос Стопа выглядел весьма странно: он увеличился почти вдвое и принял темно-багровый оттенок.

— Приветствую тебя, маленький индус! — ответил Стоп. — Мне очень приятно тебя видеть, потому что ты добрый мальчик, хотя твою проклятую родину я готов послать в самый ад и думаю, это был бы не самый лучший подарок его обитателям.

— Неужели вы так ненавидите Индию, мистер Стоп?

— Более чем когда-либо.

— Но это потому, что вы к ней еще не привыкли.

Стоп чуть не подпрыгнул от негодования:

— Привыкнуть! Скажи, ради бога, можно ли к ней привыкнуть? Чем больше я живу здесь, тем больше убеждаюсь в своей правоте. Вот убили отца моего молодого хозяина. Кто заварил эту кашу? Ведется уголовное следствие! Нам не дают ни минуты покоя: ни выпить чаю, ни съесть ростбиф, ни посмаковать эля или портера. Но это еще не все! Знаешь ли ты, мальчуган, что я нашел сегодня у себя в постели, ложась спать после двух бессонных ночей?

— Что же вы нашли, мистер Стоп?

— Змею толщиной в руку и гораздо длиннее ужа. Со змеей я, в общем-то, справился, я убил ее! А после этого надеялся спокойно заснуть. Так нет же, не тут-то было! Едва занялась утренняя заря, как появились отвратительные крылатые животные, которые подвергли осаде мой нос. После этого он пришел в самое плачевное состояние, в котором ты видишь его сейчас! Ну как я могу относиться к этим вредоносным гадам, не пожелавшим оказать ни малейшего уважения носу английского подданного?

— Действительно, они порядочно отделали ваш нос, мистер Стоп, — заметил Казиль. — Но вот, к счастью, идет доктор, и я надеюсь, что он вас вылечит.

В этот момент в приемную губернатора вошел Анатолий Дьедоннэ, доктор, с которым мы уже познакомились.

— Ах, доктор, слава богу! — с радостью воскликнул Стоп.

— В чем дело? — живо спросил доктор. — Расскажите обо всем, не теряя времени, если нужна помощь!

— Да, доктор, нужна, и очень срочная, — ответил Стоп.

— Сейчас мы посмотрим. Где больной?

— Это я, доктор.

— Вы?! Что же случилось с вами? На вид вы очень бодры и кажетесь совершенно здоровым.

— Ах, доктор, — произнес чуть не плача Стоп, — вы не скажете этого, осмотрев мой нос.

Доктор, надев очки, приблизился к Стопу.

— Черт возьми! — воскликнул он после осмотра. — Вас сильно отделали. В настоящий момент любой натуралист причислит вас к классу хоботовых. Ваше лицо теперь украшено не носом, а хоботом.

— Что делать? — с глубоким смущением проговорил Стоп.

Дъедоннэ продолжал:

— Вы пострадали от мух?

— Да, доктор. Так это не опасно?

— Точно сказать не могу.

— Почему?

— В этой стране, и влажной, и знойной по климату, множество мух разной величины. Некоторые из них очень ядовиты.

— Ядовиты! — с ужасом вскричал Стоп. — Помилуй меня Господь!

— Что поделаешь, друг мой! К несчастью, факты неопровержимы, и для того чтобы вы знали подлинное положение дел, добавлю: укусы большинства из них смертельны.

Как мы уже заметили, Стоп был бледен, а услышав замечание доктора, замер.

— Так, значит, моя жизнь в опасности?

— Все может быть, хотя точно утверждать не берусь.

Стоп был ни жив ни мертв.

— Ах, доктор, спасите меня, — воскликнул он. — Какое же необходимо лечение? Только бы не резать!

— Именно резать...

— Как? Вы думаете резать мне нос? Нет, нет, никогда!

— Ведь это необходимо для исцеления, — со смехом сказал Казиль.

Стоп открыл было рот, чтобы ответить, как растворилась дверь и вошедший лакей объявил, что лорд Сингльтон прибыл и вызывает к себе доктора Дъедоннэ.

Войдя в кабинет, Дъедоннэ поклонился губернатору, а затем братьям Малькольмам — они уже были у него.

— Как хорошо, что вы здесь, доктор.

— Я к вашим услугам, милорд.

— Вы освидетельствовали тело убитого?

— Да, милорд.

Губернатор обратился к Джорджу:

— А вы, сэр Джордж, были при этом?

— У меня не хватило духу, милорд. Мне казалось, что я схожу с ума...

Джорджа нельзя было узнать, так сильно он изменился. Восковая бледность проступила на его лице, а под глазами появились темно-синие круги, признак горя и отчаяния.

— Не поддавайтесь скорби, сэр Джордж, — сказал лорд Сингльтон, — поборите ее твердостью.

— Я буду тверд, — ответил молодой человек, поднимая голову. — Благодарение Создателю, моя энергия возвращается ко мне.

— Скажите, что вам удалось установить? — обратился снова губернатор к доктору.

— Наш достойный друг, сэр Джон Малькольм, умер внезапно, как бы пораженный стремительным ударом молнии, потому что кинжал вонзился прямо в сердце.

— Можно ли сделать вывод, что, перед тем как быть убитым, Джон Малькольм оказывал сопротивление?

— Ничего подобного предположить нельзя. На теле убитого нет следов какого-либо насилия.

— Каким оружием было совершено убийство?

— Я считаю, что орудием убийства послужил индийский кинжал.

— И вы не ошибаетесь, — заметил Джордж, вынимая кинжал и передавая его доктору. — Вот оружие, которым был убит мой отец.

Дъедоннэ взял кинжал и начал рассматривать его острие в увеличительное стекло.

— Я так и думал: чтобы смерть наступила наверняка, лезвие кинжала, видимо, было отравлено.

— Низкие убийцы, — прошептал Эдуард.

Лорд Сингльтон долго рассматривал кинжал, потом сказал:

— На клинке индийские буквы. Кажется, они мне знакомы.

Спустя минуту он прибавил:

— Это имя богини Бовани.

Услышав это, Джордж вздрогнул.

VIII. ОДИН ИЗ АКТОВ ДРАМЫ

- Бовани, Бовани! — повторил Джордж. — Богиня смерти и мщения.
- Совершенно верно, — подтвердил лорд Сингльтон.
- Нет никаких сомнений в том, что отец пал от руки индусов.
- Не торопитесь делать поспешных заключений, сэр Джордж, — заметил губернатор.
- Вы считаете, что я ошибаюсь, милорд?
- Ничего подобного... Но разве кинжал с вырезанным именем богини Бовани не мог оказаться в руках европейца?
- Эдуард не дал брату ответить и возмутился:
- Как европейца? А это сборище на кладбище слонов?
- Я пока ни в чем не убежден, — возразил лорд Сингльтон. — Я так же, как и вы, пытаюсь рассуждать и искать.
- Вы сами говорили мне, милорд, — сказал Джордж, — что отца любили и уважали.
- Его уважали и любили не только в Бенаресе, но и во всех провинциях Индии, где только было известно его имя, — добавил Эдуард.
- Были ли у отца враги, милорд? — спросил Джордж.
- Ответить на этот вопрос очень трудно, но я лично не знал ни одного человека, который был бы его врагом.
- Убийцы ничего не взяли, за исключением бумаг, — продолжал Джордж, — часы и кошелек остались у отца. Значит, не корысть явилась причиной убийства.
- Да, — ответил Сингльтон, — я теряюсь в догадках.
- После некоторого молчания Джордж опять обратился к губернатору:
- Надеюсь, вам известно, милорд, что отец все свое время тратил на какие-то таинственные изыскания?
- Да, я знал об этом, но мне не более других известна суть этой работы.
- И вы никогда не беседовали с отцом об этом?
- Много раз.
- Что же он говорил?
- Постоянно одно и то же: «Строгое соблюдение тайны будет способствовать моему успеху...» Вы же знаете, конечно, что настаивать было бесполезно. Таков был сэр Джон Малькольм.
- Осмелюсь сообщить вам, милорд, — отвечал Джордж, — мне была

известна тайная цель отца. В течение целого года он писал мне о ней в каждом письме. Он был уверен в существовании разветвленного общества убийц-фанатиков, подкапывающихся под основы английской политики в Индии. Многие случаи убийств наших соотечественников он приписывал именно этому обществу. И ему не нужны были мелкие сошки, он хотел найти главарей, которые направляют руку убийц. Приняв все это к сведению, милорд, нельзя не быть уверенным, что мой отец является жертвой своего стремления к общей пользе. Он знал слишком много, поэтому и был убит.

— Да, это верно...

Лорд Сингльтон позвонил. Вошел Джааль.

— Новые донесения из полиции были?

— Нет, милорд.

— А этот индусский мальчик здесь? — спросил губернатор.

— Да, милорд.

Вошел Казиль. Джаалю следовало бы выйти из кабинета, но он остался.

Лорд Сингльтон сделал Казилю знак приблизиться и сказал ему медленно, подчеркивая каждое слово:

— Выслушай меня, мальчик. Сэр Джон Малькольм был твоим благодетелем, и ты платил любовью за его благодеяния. И было за что: он, рискуя собственной жизнью, спас тебя от смерти. Если у тебя есть какие-то подозрения, кто мог убить сэра Джона и что побудило этого человека к такому поступку, то, движимый признательностью, ты скажешь все, что знаешь, и не поставишь себя молчанием в сообщники убийц. Ты должен сообщить нам, что тебе известно, и тем самым помочь найти следы убийц несчастного Джона Малькольма.

Казиль был смущен. Казалось, он колеблется. Но твердый, пылающий взгляд Джааля делал свое дело, и Казиль долго молчал.

— Милорд, — наконец отозвался он. — Мое сердце переполнено благодарностью к умершему. Я любил мистера Джона всей душой. Смотри на бездыханное тело того, кому я был всем обязан, я пролил горькие слезы. Память о нем всегда будет жить в моем сердце, и его образ навеки сохранится в моей душе. Слезы благодарности до сих пор еще текут из моих глаз при воспоминании об этом великодушном человеке, рисковавшем жизнью для моего спасения.

И на самом деле, обильные слезы струились по лицу Казиля.

— Если бы смерть моя, — продолжал он, — могла послужить средством спасения моего благодетеля, то я не задумался бы пожертвовать

собой, умер бы тотчас же, умер без сожаления, даже с радостью, клянусь нашими божествами! Но... но я не могу ничего сказать, так как ничего не знаю...

Джордж взял руки Казиля и крепко, с чувством пожал их.

— Ты пользовался любовью моего отца, — проговорил он, — я заменю тебе его!

— Благодарю вас, господин!

И подумал про себя: «Как ужасно, что я вынужден молчать!»

— Сэр Джордж, — начал лорд Сингльтон. — Густое покрывало неизвестности накинуто на гнусное дело, связанное с убийством вашего отца, моего почтенного друга. Я убежден, что правосудие небесное поможет осуществиться и земному. Я напишу в Англию, приедут детективы, и будет вестись следствие. Я приложу все усилия... Рано или поздно преступление будет раскрыто и Джон Малькольм будет отмщен.

— Рано или поздно... — возразил Джордж. — Но нетерпение не позволит мне ждать долго, я постараюсь сам отыскать убийц.

— Да поможет вам Бог! — неуверенно сказал губернатор.

— Божье правосудие велико, и оно свершится, милорд. Бог поможет несчастным сыновьям отомстить за смерть убитого старика отца.

В эту минуту Джааль доложил:

— Милорд, принцесса Джелла просит аудиенции у вашего сиятельства.

— Принцесса? — удивился лорд Сингльтон. — Может быть, она прибыла, чтобы навести нас на след преступника? Отправляйтесь, любезные друзья, в гостиную вместе с доктором, он составит протокол о медицинском освидетельствовании тела вашего отца.

— Если бы сбылось ваше предположение, милорд, и принцесса хоть немного осветила бы это темное дело, — проговорил Джордж перед уходом. Затем сказал: — Пойдем, брат, пойдемте, доктор...

Как только за ними закрылась дверь, лорд Сингльтон пригласил принцессу Джеллу. Молодая женщина вошла. Она была совершенно спокойна, две бессонные ночи никак не отразились на ее внешности.

Лорд Сингльтон пошел навстречу принцессе и, поцеловав ей руку, с изысканной любезностью сказал:

— Вы, принцесса, здесь. Какому счастливому случаю обязан я? Нет ли для нас каких вестей?

— Вестей?! — повторила с изумлением Джелла. — Каких?

— Сведений о деле, взволновавшем весь город.

— Вы имеете в виду убийство сэра Джона Малькольма?

— Конечно, вы не ошиблись, принцесса. Известны ли вам хоть какие-либо подробности?

— К несчастью, я ничего не знаю. Главной побудительной причиной моего прихода было узнать у вас, не попали ли вы на след убийц.

— Пока нет, принцесса.

— Полиция ничего не может сделать?

— К сожалению, пока ничего.

— О, это хоть кого приведет в отчаяние. Мое глубокое уважение к сэру Джону Малькольму, которым он пользовался при жизни, заставляет меня с болью думать об этом ужасном событии. Бедный сэра Джон!

— Да, все жалеют его, — заметил лорд Сингльтон, — и прилагают усилия для того, чтобы найти убийц.

— Я желаю этого от всего сердца. Поскольку я пользуюсь в нашей стране некоторым влиянием, милорд, если потребуется помощь для раскрытия этого преступления, вы можете без стеснения располагать мной.

— Благодарю вас, принцесса.

— Запомните, милорд, вы можете рассчитывать на меня в любое время и во всех случаях.

— Я и не думал иначе. Вы поступаете благородно.

— Я готова пожертвовать половиной своего состояния, чтобы присутствовать при казни убийц, потому что тот человек, который убивает под покровом ночи, низок и заслуживает самого сурового наказания.

Вошел Джааль и доложил:

— Милорд, раджа Дургаль-Саиб просит вас принять его.

— Раджа?! Пусть войдет! — поспешил распорядиться лорд Сингльтон.

Джелла встала, проговорив:

— Я уйду, милорд. Вполне может быть, что раджа хочет сообщить вам что-нибудь важное, конфиденциальное, а я не хочу служить помехой вашему свободному разговору.

Но едва она успела произнести эти слова, как вошел раджа Дургаль-Саиб.

— Очень прошу вас, принцесса, остаться. Честь имею засвидетельствовать вам свое почтение, милорд. Принцесса Джелла не только может, но и должна услышать то, что я сообщу, потому что это в высшей степени интересно для всех друзей Ост-Индской компании, а принцесса занимает одно из самых почетных мест среди них.

Говоря это, раджа заметно волновался, а его глаза горели огнем, служившим отражением какого-то сильного беспокойства.

— Что с вами, раджа? — воскликнула Джелла. — Вы ужасаете меня

своим видом! Что привело вас сюда? Что хотите вы сообщить лорду в моем присутствии?

— Что за новости вы нам принесли? — забеспокоился губернатор. — Наверное, что-нибудь неприятное?

— Вот именно, милорд.

— Так что же?

— Я назову вам убийцу сэра Джона Малькольма.

При этих словах раджи Дургаль-Саиба на губах Джеллы засветилась улыбка торжества, но она быстро ее погасила. Одновременно с этим портьера, закрывавшая вход в гостиную, раздвинулась, пропустив Джорджа и Эдуарда, за которыми следовал доктор Дъедоннэ. Они остановились в дверях, увидев принцессу Джеллу и раджу Дургаль-Саиба.

— Убийцу сэра Джона Малькольма? — повторил лорд Сингльтон. — Вы его знаете?

Оба брата замерли.

— Вы узнали, кто убийца, раджа? — спросила принцесса.

— Узнал.

— Так не медлите же, назовите его скорее!

— Кто же он? — воскликнул, теряя терпение, губернатор.

Дургаль-Саиб опустил глаза и проговорил:

— Убийца — родной сын покойного, Джордж Малькольм.

IX. ДРАМА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Оба брата не смогли сдержать невольного крика, услышав это неожиданное и странное обвинение. Джелла быстро обернулась, как будто ее укусила змея. На ее лбу появилась глубокая складка, и она произнесла почти шепотом:

— Они были здесь!

Но складка тут же сбежала с лица принцессы, ее лицо приняло обычное выражение, и она подумала: «Все равно!»

Дургаль-Саиб, гордо подняв голову, с вызывающим видом упорно смотрел на Джорджа. Эдуард, не владея собой от негодования, сделал два шага по направлению к радже и прокричал:

— Как осмелились вы сказать это?

— Это чушь! — пробормотал губернатор.

— Какая бессмыслица! — подтвердил доктор.

— Послушайте, раджа, — вмешалась Джелла, прервав всеобщее возмущение. — Вами высказано страшное обвинение. Подумайте хорошенько: уверены ли вы в своих словах?

Раджа раскрыл уже рот, чтобы отвечать, но Джордж не дал ему говорить.

— Простите, милорд, и вы также, принцесса, — сказал он, заставляя всех замолчать повелительным жестом руки. — Обвинение направлено против меня, а потому и отвечать должен я один. Вы позволите, милорд?

Губернатор согласно кивнул головой. Джордж подвинул кресло к Дургаль-Саибу и проговорил:

— Прошу садиться, раджа. Стоять должен только один обвиняемый.

Эта насмешка, скрытая оболочкой самой изысканной учтивости, до крайности задела Дургаль-Саиба. Он с надменной и пренебрежительной усмешкой прошел мимо Джорджа и все же сел в придвинутое им кресло.

— Обвиняемый! — повторил Эдуард слова брата. — Ты сказал — обвиняемый?

Джордж внимательно посмотрел на Дургаль-Саиба.

— Да, я сказал это и повторяю еще раз: обвинение очень серьезно, ведь меня обвиняет раджа Дургаль-Саиб!

Джелла сочла необходимым вмешаться в разговор:

— По моему мнению, нелепо обсуждать такое дикое обвинение. Зачем обращать на него внимание? Я уверена, что вы невиновны!

Джордж поклонился принцессе:

— Благодарю вас, принцесса, но я решил сам быть своим адвокатом.

И он начал говорить, обращаясь к радже:

— Ваше положение среди владык Индии очень высоко, раджа, и род ваш уходит корнями к повелителям Азии. Вас не раздавила бы тяжесть короны, которую носили ваши предки. Я же ничем не примечательный английский дворянин. Мой отец был скромным английским подданным, который всю свою жизнь служил и службу исполнял с пылким рвением. Между ним и вами судьба разверзла целую бездну. Несмотря на это, вы, наверное, очень любили моего отца, если так близко к сердцу приняли нашу потерю и так быстро разыскали виновного.

— Да, я хорошо знал вашего отца, сэра Джона, любил и уважал его и хочу отомстить за него, — отвечал, нимало не смущаясь, Дургаль-Саиб.

— И вами движет только одно это чувство?

— Не только. Я хочу также представить веские доказательства в пользу того, что я — истинный друг и верный союзник Ост-Индской компании.

— И чтобы доказать это, вы обвиняете меня?

— Да. И передаю убийцу в руки английского правосудия.

— И убийца этот я? Джордж Малькольм?

— Вы. У меня есть доказательства.

— Доказательства? — разом вскричали Эдуард, лорд Сингльтон, Дьедоннэ и принцесса Джелла.

— Защищайся же, брат! — добавил Эдуард.

Джордж взял его за руку и сказал:

— Именем покойного отца прошу тебя молчать!

Затем он вновь обратился к Дургаль-Саибу:

— Вы сказали, что у вас имеются доказательства против меня?

— Да, у меня имеется ясное, неопровержимое доказательство этого!

— Наверное, показания свидетелей?

— Да.

Несмотря на неоднократные замечания Джорджа, Джелла вмешалась опять.

— Остерегайтесь, раджа, — почти умоляла она. — Разве можно верить свидетелям, так неожиданно появляющимся? Разве они сами не могут ошибаться или обманывать вас с умыслом?

Раджа бросил пристальный взгляд на принцессу, которая стойко выдержала этот взгляд.

— Но с какой стати им лгать? Как могут они ненавидеть Джорджа

Малькольма, едва зная его?

— Однако, — перебил Джордж, — кому-то выгодна эта ложь...

Раджа невольно вздрогнул, однако, тут же оправившись, спросил:

— Кому же это выгодно?

Видя это, Дургаль-Саиб вздрогнул, Джордж не мог удержать улыбки и, поклонившись ему, добавил:

— Успокойтесь, раджа: сам я никого не обвиняю, я хотел бы только знать о тех обвинениях, которые выдвинуты против меня.

— Действовать таким образом — ваш долг, сэра Джордж! — воскликнула Джелла. — Вы сто раз правы, когда требуете доказательств; я не сомневаюсь, что вы легко докажете свою невиновность и снимете с себя это нелепое обвинение.

— Ах, принцесса! — проговорил Дургаль-Саиб, стараясь скрыть раздражение.

Джордж поклонился принцессе с точно таким же видом, как за минуту до этого радже, и спросил:

— Что заставляет вас, принцесса, защищать меня?

— Что заставляет защищать? Вот вопрос! Я защищаю вас потому, что сэра Джон Малькольм был воплощенной добродетелью, человеком безусловно честным и благородным, и я не могу думать, чтобы один из его сыновей оказался преступником, тем более отцеубийцей!

Как ни старался Джордж подавить в себе подозрения против Джеллы, внезапно возникшие в его сознании, они росли, принимая вид убеждения.

— Я признателен вам, принцесса, за ваше справедливое суждение. Преступление, в котором меня обвиняют, к счастью, так редко встречается в жизни...

И вдруг рыдание подступило к его горлу и стеснило ему дыхание. Он закрыл лицо руками, шепча прерывающимся голосом, при общем молчании:

— Какая клевета! Я... отцеубийца... О боже мой, боже!

Но эта слабость, овладевшая им, продолжалась недолго. Прежнее хладнокровие возвратилось к Джорджу, он обратился к Дургаль-Саибу с вопросом:

— Скажите мне, пожалуйста, раджа, какое же дикое и злое чувство, на ваш взгляд, могло меня привести к такому позорному преступлению?

— Откуда мне знать? — закричал Дургаль-Саиб. — Мне нет до этого дела! Я бы сказал вам так: разве можно проникнуть в тайные извилины души человеческой, я бы сказал вам, что честолюбие и властолюбие иногда толкают человека на самые низкие, на самые чудовищные поступки, и

вполне можно допустить, что убийца сэра Джона Малькольма хотел как можно скорее унаследовать его богатство, общественное положение. Но зачем мне собственные заключения? Ведь я не судья, а просто обвинитель! Я только вижу преступление и выполняю свой долг, передавая убийцу в руки правосудия.

Джордж поклонился.

— Осмелюсь спросить вас: случайный ли донос открыл вам тайну преступления или же ваши собственные деятельные розыски натолкнули вас на след убийцы и вы таким образом обнаружили виновника преступления?

— Я Дургаль-Саиб, индийский раджа! — с надменным видом ответил тот. — Я управляю своими поместьями и вершу в них суд и расправу. Разве я не должен знать обо всем, что совершается в пределах моих владений? А кровь Джона Малькольма пролилась именно в моем княжестве.

— Смею вас поздравить, раджа, — ответил Джордж с явной издевкой, — шли бы вы служить в полицию.

Удар попал метко. Дургаль-Саиб не мог хладнокровно стерпеть подобного выпада. Он поднялся с бледным лицом и грозным видом.

— Вы забываете, с кем говорите! — закричал он.

Джордж улыбнулся.

— Ошибаетесь, я прекрасно помню об этом. — Затем, вдруг переменяв тон, продолжил: — Главной задачей, главной целью жизни моего отца было раскрыть шайку убийц. Говорил ли он вам об этой важной тайне?

— Никогда.

— Понятно. Именно поэтому вам и не могла прийти в голову мысль приписать убийство моего отца этой самой шайке, которая поражает англичан ночью кинжалом в спину?

— Как же мне могло такое прийти в голову, когда я обвиняю вас!

— Может быть, вы даже ставите под сомнение существование этого общества?

Дургаль-Саиб, снова усевшийся, вдруг вскочил и закричал:

— Послушайте, можно подумать, что вы допрашиваете меня!

Джордж не остался в долгу, он ударил кулаком по столу и ответил:

— Разумеется, допрашиваю!

Х. СВИДЕТЕЛИ

Лицо принцессы Джеллы выразило явное недоумение.

— Возможно ли?! — воскликнула она. — С обеих сторон такое убеждение! Это странно, даже более чем странно. Где правда, где ложь? Мои мысли путаются... Раджа, — обратилась она к Дургаль-Саибу, — вы говорили о свидетелях...

— Да.

— Так где же они?

— Здесь.

— Ага, здесь! — воскликнул Джордж. — Тем лучше! Я жду, я вызываю их! Пусть они появятся!

— Вы правы, сэр Джордж, — заметила Джелла. — Без сомнения, их показания станут лучшим вашим оправданием, я уверена в этом! Я — принцесса и властительница этой страны. И я также желаю знать истину. Если показания докажут, что обвинения — клевета, я первая потребую удовлетворения от того, кто осмелился вас обвинять.

Раджа обратился к губернатору:

— Вы позволите, милорд, привести свидетелей?

— Извольте, — отвечал лорд Сингльтон.

Дургаль-Саиб поднялся, прошел кабинет во всю его длину и, приподняв драпировку, шепнул Джаалю:

— Пусть войдут.

Затем вернулся на свое место.

Джордж смотрел то на раджу, то на принцессу, задавая себе вопрос: «Что заставляет так дружно его обвинять, а ее защищать меня?»

Эдуард взял Дьедоннэ за руку и, наклонившись к его уху, прошептал:

— Что делать, доктор?..

— Я не знаю, — отвечал взволнованный Дьедоннэ. — У меня в голове кавардак!

В это время Джааль ввел двух индусов, которые, подойдя к губернатору, остановились в позе глубокого почтения, скрестив с самым умильным видом руки на груди и опустив головы. Джордж тотчас узнал их. Это были индусы, нанятые Казилем для ночной поездки на кладбище слонов.

«Да, — подумал он, — это те самые! Три дня назад они вместе со мной выехали из Бенареса, и мы не расставались до самой минуты нашего

возвращения». Затем он обратился к вошедшим:

— Выслушайте, что я скажу вам, друзья мои, а потом отвечайте по совести. Меня обвиняют в убийстве отца на кладбище слонов. Расскажите всем присутствующим, как проникли вы вместе со мной в это ущелье и как был найден труп моего бедного отца.

Совершенно неожиданно принцесса Джелла закричала:

— Да, друзья мои, скажите это, и ваших показаний будет достаточно, чтобы доказать всю невиновность Джорджа Малькольма.

— Говорите! — приказал губернатор. — Но сначала поклянитесь мне вашими наиболее чтимыми богами, что вы будете говорить только истину, одну святую истину.

— Мы клянемся именем Шивы и священным покрывалом Бовани, — произнесли оба индуса.

— Теперь мы готовы выслушать ваши показания.

Один из пришедших свидетелей заговорил тихим гортанным голосом:

— В ночь, когда было совершено преступление, человек, которого вы видите перед собой, Джордж Малькольм, хотел, невзирая на все наши просьбы, нарушить священное уединение чтимого нами кладбища слонов.

— Ложь! — отозвался Джордж Малькольм.

— Мы не согласились следовать за чужеземцем, — продолжил другой индус, — боясь праведного гнева бога Шивы, который внушает нам безграничный страх.

— Они лгут! — воскликнул Джордж с возмущением.

— Дайте им договорить, сэр Джордж, а вас выслушаем после них, — прервал его лорд Сингльтон и подал индусам знак, чтобы те продолжали.

— Этот человек один зашел на кладбище, — снова заговорил индус, — а спустя минуту мы услышали пронзительный, душераздирающий крик.

— Тогда, — продолжал второй индус с уверенностью, — наше любопытство пересилило страх. Мы решили посмотреть, что там происходит, и также вошли в священную долину, где увидели Джорджа Малькольма склонившимся над телом, из которого он вынимал окровавленное оружие.

Эдуард закрыл лицо руками.

— О, это ужасно, — прошептал Джордж и обратился к свидетелям: — Вам известно, что кинжал, которым был убит мой отец, сделан в Индии?

— Индийский кинжал не редкость в Бенаресе, — ответил один из свидетелей. — К тому же во время пути мы видели такой кинжал на вашем поясе, господин.

Взрыв ярости овладел Джорджем.

— Это ложь! — закричал он. — А вы — низкие лжецы!

— Зачем лгать этим людям? — спросил Дургаль-Саиб, прямо взглянув на Джорджа.

— Милорд, — обратилась Джелла к губернатору. — Не следует допускать, чтобы ложь восторжествовала. Зачем полагаться на свидетельство этих людей, даже если они дали клятву, которую индус никогда не осмеливается нарушить? Лучше спросить Казия. Мальчик, дважды спасенный от смерти, сначала рукой сэра Джона, а потом рукой обвиняемого, не осмелится лгать.

— Да, да, — с живостью заговорил Джордж, — спросите Казия, он убедит вас, что в течение всего времени ни на шаг не отходил от меня и что именно он первый заметил холодеющий труп отца.

Губернатор приказал позвать Казия.

— Вот он, милорд, — объявил Джааль, вводя Казия и одновременно шепча ему: — Не забудь повелений богини, не забудь: молчание или смерть!

— Казиль, расскажи, как все было, — заговорил Джордж, в голосе которого слышалась мольба. — Ведь ты же был со мной, когда я ходил на кладбище слонов?

Мальчик наклонил голову. Едва шевеля губами, он ответил чуть слышно:

— Нет.

— Как? — закричала Джелла. — Тебя тоже не было на кладбище слонов?

Эдуард сидел как окаменелый. Доктор был в отчаянии. Лишь лорд Сингльтон казался хладнокровным и спокойным. Сам Джордж вытирал пот со лба и продолжал:

— Может быть, ты не понял моего вопроса, Казиль? Может быть, ты забыл... Ты шел впереди, а я ни на шаг не отходил от тебя...

На ресницах у Казия появились крупные слезы. С большим трудом он переломил себя и ответил глухим голосом:

— Джордж Малькольм один был на кладбище слонов.

Теперь Джелла закричала:

— Так что же это получается? Если Казиль говорит то же самое, что и свидетели...

— Что скажете вы в свое оправдание, Джордж Малькольм? — спросил губернатор.

За этим вопросом последовало молчание. Наконец, собравшись с силами, Джордж спокойно ответил:

— Здесь я больше ничего никому говорить не буду.

Все были изумлены. Лорд Сингльтон позвонил, и Джааль тотчас явился на зов.

— Передайте приказ лейтенанту Мидлею немедленно явиться сюда с сипаями, чтобы забрать арестованного! — распорядился лорд Сингльтон.

Джааль вышел. Эдуард бросился к губернатору, повторяя как безумный:

— Милорд, что, что здесь происходит?

Повелительным жестом губернатор заставил его замолчать, а сам обратился к Дургаль-Саибу:

— Премного благодарен вам за сообщение, раджа! Я тотчас же передам обвиняемого в распоряжение английского правосудия.

«Английского правосудия! — подумала Джелла. — Ошибаетесь, милорд, я предам его собственному правосудию».

— Если мое свидетельство будет необходимо во время судебного разбирательства, милорд, — заметил раджа, — я готов дать его.

— Благодарю вас.

— Ах, Джордж, Джордж! — проговорила Джелла. — Я так была уверена в вас... Вы обманули мое доверие!

Презрительный взгляд Джорджа явился единственным ответом принцессе Джелле.

В это время дверь отворилась и в комнату вошел лейтенант Мидлей с конвоем.

— Явился по вашему приказанию, милорд, — сказал он, отдавая честь.

— Лейтенант Мидлей, — проговорил губернатор. — Джордж Малькольм поступает в ваше распоряжение как арестованный.

Офицер пришел в недоумение, но долг службы обязывал его беспрекословно подчиняться.

— Извольте отвести его в крепость, — продолжал губернатор.

— Повинуюсь, милорд.

Джордж с гордым видом прошел мимо губернатора, Джеллы и Дургаль-Саиба и, расположившись в середине отряда солдат, приказал тоном командира почетного караула:

— В дорогу!

Сипаи окружили пленника, и весь отряд двинулся вперед, быстро миновав губернаторский двор. Эдуард с доктором хотели было последовать за Джорджем, но лорд Сингльтон удержал их:

— Прошу вас остаться, господа. Мне необходимо переговорить с вами.

ХІ. ЗАГОВОР

Внизу, у входа во дворец губернатора, стояли три человека: Согор, Голькар и Суниаси. Джелла и Дургаль-Саиб подошли к ним. Принцесса что-то сказала Согору на ухо и дала Голькару тайное поручение. Необузданная радость появилась на лицах индусов, которые вскоре ушли, в то время как Джелла вместе с раджой садилась в карету.

Принцесса, оставшись наедине с Дургаль-Саибом, заговорила:

— Поздравляю вас. Вы превзошли самого себя! Трудно было ожидать большего искусства. Ваш тон был удивительно правильным и ваши доказательства... скажем так... достаточно вескими. Временами даже мне казалось, что Джордж Малькольм виновен.

— Смею уверить вас, принцесса, что эта роль далась мне с большим трудом. Когда я встречал его взгляд, меня охватывал страх. Я чувствовал, как он проникает в глубину моего сердца. Мне пришлось собрать всю свою волю, чтобы не опускать глаза. Гораздо охотнее я согласился бы стоять перед этим человеком с кинжалом или карабином в руке.

— Против врага любое оружие законно, — перебила его Джелла, — а Джордж Малькольм — наш враг, потому что он англичанин.

— Но я его ненавижу не только за это, — пробормотал раджа.

Принцесса подняла глаза и уже с интересом спросила:

— Вы ненавидите его по другой причине? Что же он вам сделал?

— Он стоит на моей дороге, мешает мне.

— Я отказываюсь понимать вас. Поясните.

— Джордж Малькольм — жених Марии Бюртель.

Бледная прозрачность щек принцессы сменилась ярким румянцем. Джелла была огорчена.

— А! — воскликнула она. — Вы ее любите! Поэтому вы так хорошо вели свою роль...

— О, я люблю ее самой большой любовью. Послушайте, что я скажу вам, и судите сами: если нет другого средства, чтобы овладеть ею, я, нимало не задумываясь, женюсь на ней и с гордостью и торжеством возвышу ее до себя.

— Это безрассудно.

— Да, я знаю. Но в любви это не имеет значения. Рассудок должен молчать, когда говорит сердце. Только за один поцелуй мисс Марии я готов пожертвовать всеми женами своего гарема.

Джелла, слушая Дургаль-Саиба, размышляла: «И это говорят про Марию Бюртель... Ту Марию, которая разбила мое сердце, отобрав у меня Джорджа! Ради нее он отказался от моей любви, любви принцессы Джеллы, которая не задумываясь предлагала ему власть вместе с сердцем! Но мне покровительствуют Кали и Бовани, и месть моя, я уверена, осуществится в лучшем виде, чем я могла надеяться».

— Теперь мне вполне понятно ваше чувство к Джорджу Малькольму, — заметила она.

— О, я ненавижу его! — вскричал Дургаль-Саиб. — Ненавижу всей душой. Сон и хорошее расположение духа могут возвратиться ко мне только тогда, когда он перестанет существовать.

— Вы будете счастливы, Дургаль-Саиб, — медленно проговорила Джелла. — Я решила: Джордж Малькольм должен умереть!

— Сомнительно, — сказал раджа, покачав головой.

— Почему? Разве нам не сопутствует успех?

— Это так. До сих пор все было хорошо, но значит ли это, что все хорошо окончится? Мой соперник в руках англичан, которые, разумеется, предадут его своему суду. Об этом уже говорил лорд Сингльтон. Мое свидетельство произвело впечатление по причине своей неожиданности, поразив всех подобно удару молнии. Но возникает вопрос: способно ли это обвинение выдержать обсуждение в суде? Джорджу Малькольму будет предоставлена возможность в присутствии присяжных из его соотечественников разобрать наши доказательства. Конечно, он будет защищаться, а его невиновность явная. Тогда все наше здание, плод ваших и моих трудов, обрушится и задавит нас.

Джелла, выслушав эту речь, разразилась резким смехом.

— Наш план, — заговорила она, — точен во всех подробностях; малейшие случайности я держу в своих руках. Я согласна: все ваши опасения справедливы; но мы позаботимся, чтобы нам никто не смог помешать. Я предвидела это и приняла надлежащие меры. Я не дам англичанам возможности судить Джорджа Малькольма: он уже осужден! Осужден мной, и мой приговор вынесен. Через час жених Марии Бюртель умрет.

— Не забудьте, он находится под надежным караулом сипаев и, кроме того, под наблюдением офицера, который собственной головой отвечает за его жизнь.

— Все равно! Я решила, что он должен умереть, и он умрет. Казнь будет совершена народом, ведь сегодня праздник. Через минуту конвой, сопровождающий арестованного, выйдет на большую площадь возле моста

через Ганг. Там его встретит процессия в честь нашего бога. Я уже отдала необходимые приказания Согору и Голькару, и сейчас они исполняют их. Ну, теперь вам понятны мои намерения, Дургаль-Саиб? Из окон моего дворца мы вдоволь налюбujemy прекрасным зрелищем, и ваше сердце радостно забьется, потому что Мария станет невенчанной вдовой.

Когда Стоп, находившийся в прихожей губернаторского дворца, увидел своего господина, идущего в сопровождении лейтенанта Мидлея с обнаженной шпагой и сипаев, он закричал:

— Мистер Джордж под стражей!

Стоп уже был готов броситься к нему, но Джордж, приложив палец к губам, остановил его. Этот жест был равносителен приказанию молчать, и поэтому Стоп не посмел противоречить и следовал на почтительном расстоянии от отряда сипаев, со смущением в сердце и поникшей головой.

Когда на лестнице губернаторского дворца происходил уже описанный нами разговор Джеллы с Голькаром, Согором и Суниаси, Казиль, убитый горем и мучимый поздним раскаянием, оказался незримым свидетелем этой сцены, укpывшись за колонной. Хотя он и не слышал разговора, однако таинственность, с которой разговор велся, показалась ему подозpительной. Едва принцесса и Дургаль-Саиб сели в карету, Казиль поспешил выйти из-за колонны и последовал за тремя индусами на довольно значительном расстоянии, но так, чтобы не потерять их из виду, хотя они шли очень быстро по направлению к мосту через Ганг.

Ганг, священная река индусов, делил Бенарес на две почти равные части. Дворец губернатора и крепость, в которую вели арестованного, находились в разных концах города, так что при необходимости попасть в крепость обязательно нужно было пройти через мост. Конвой, сопровождающий арестованного, достиг узких, извилистых улиц, ведущих к большой городской площади. Сюда со всех сторон стекались огромные толпы людей, собирающихся на праздник. Зpители с праздным любопытством смотрели на пленника, впрочем не проявляя никакой враждебности. Простые люди из толпы перекидывались с сипаями словечками на местном наречии, а затем проходили дальше с полной беззаботностью, по крайней мере внешней.

Миновав половину расстояния, отделявшего мост от дворца, лейтенант Мидлей подошел к Джорджу. Джордж взглянул на него с грустной, но гордой улыбкой.

— Поверьте мне, сэр Джордж, — начал молодой человек, — я огорчен необходимостью исполнять тяжелый долг, выпавший на мою долю.

— Напрасно огорчаетесь, лейтенант, — ответил Джордж

Малькольм. — Я все понимаю, вы исполняете свои обязанности, и я должен признаться, вы исполняете их, как надлежит истинно благородному человеку.

— Разрешите, сэр Джордж, задать вам один вопрос?

— Разумеется, лейтенант, и я заранее, не зная вашего вопроса, обещаю ответить на него.

— Сэр Джордж, за что губернатор приказал вас арестовать и отвести в крепость?

— Из-за обвинения, возводимого на меня раджой Дургаль-Саибом. Он обвинил меня в убийстве отца.

— Вас обвинили в отцеубийстве! — вскричал с негодованием Мидлей. — Он солгал! Вот моя рука, позвольте пожать вашу руку, сэр Джордж. У меня нет слов, чтобы убедить вас, сэр, что эта позорная клевета не может запятнать вас и пошатнуть моего уважения к вам.

Джордж от души пожал руку молодого офицера и отвечал:

— Благодарю, лейтенант, благодарю от всего сердца.

— Возможно ли, — продолжал Мидлей, — чтобы лорд Сингльтон, обладая истинно возвышенным умом и проницательностью, мог поверить такому чудовищному обвинению?

— Может быть, я ошибаюсь, — заговорил Джордж, — но мне кажется, что лорд Сингльтон убежден в моей невинности.

— В таком случае зачем же...

Мидлей не договорил.

— Зачем он арестовал меня? — спросил Джордж.

— Да.

— Только он может ответить на этот вопрос, я же скажу: не отдай он приказа арестовать меня, я сам бы попросил его сделать это.

Лейтенант с изумлением посмотрел на Джорджа, но не стал настаивать на объяснении, так как предполагал тайный смысл в словах Джорджа. Кроме того, внимание его было отвлечено событиями, которые мы изложим в следующей главе.

XII. ПРОЦЕССИЯ ДЖАГАРНАТА

Отряд, вместо того чтобы идти строевым шагом, вдруг стал продвигаться очень медленно и наконец совсем остановился. Их окружила толпа. И многие люди указывали на Джорджа Малькольма, хотя не было слышно ни угрожающих криков, ни оскорблений. Толпа была спокойна, то тем грозным спокойствием, которое служит предвестником грозы.

Мидлей приказал капралу очистить дорогу, раздвинув людей, заполнивших всю узкую улицу. Капрал повиновался. Он произнес несколько слов на непонятном для европейцев языке, и толпа раздвинулась, образовав две живых стены, между которыми двинулся конвой.

Но, пройдя шагов тридцать, он был вынужден вновь остановиться, так как дорога опять оказалась запруженной. Мидлей заволновался: задержки тревожили его. Он явно чувствовал, что толпа, ранее стоявшая спокойно, настроена уже по-другому. Мидлей дорого бы дал, чтобы находиться за неприступными стенами крепости.

Чувствовалось, что собравшиеся люди повинуются чьему-то приказу, стараясь умышленно задержать отряд. Джордж не очень обращал внимание на происходившее вокруг. Он был занят своими мыслями.

К этому времени городская площадь и мост через Ганг уже были заполнены людьми. И в этой толпе английские мундиры составляли ничтожную часть.

Вдали прозвучал пушечный выстрел, он означал, что праздник начался и что процессия Джагарната уже вышла из храма Кали.

Один из балконов дворца принцессы Джеллы, убранный с восточной роскошью, особенно привлекал внимание собравшихся людей: на нем показались принцесса и раджа Дургаль-Саиб.

— Наступает торжественная минута, — сказала Джелла.

— Минуты иногда кажутся часами... — отвечал ей Дургаль-Саиб.

Между тем Казиль продолжал идти за Согором, Голькаром и Суниаси. И страх его возрастал.

Потом Суниаси потерялся, а Согор с Голькаром собрали вокруг себя людей и стали убеждать их в чем-то. Казилю даже удалось уловить имя Джорджа Малькольма! Чего же они хотят?

Задумавшись, Казиль неожиданно столкнулся с каким-то индусом в разорванной одежде. И узнал в нем Суниаси! Почему он переоделся? Суниаси с кем-то разговаривал, и Казиль весь напрягся, чтобы услышать, о

чем они говорят.

— Проход загородили? — спросил Суниаси.

— Да.

— Слушайте сигнал. Все должно произойти точно. И англичанин должен умереть на глазах тех, кто приказал его умертвить.

Казиль не мог удержаться от тихого восклицания.

— Но стража будет сопротивляться...

— Сипаи только сделают вид, что сопротивляются, они предупреждены. Услышав имя Бовани, сложат оружие и не будут препятствовать народному правосудию.

— А начальник отряда?

— Он будет убит. Сигнал: Шива. Теперь ты обойди всех и напхни...

Индус знаком руки выразил повинование и скрылся в толпе.

— Нет, нет! — прошептал Казиль. — Я не допущу, чтобы господин умер. Но как мне предупредить офицера? А спасти господина я должен: ведь я его погубил! Да, так и будет: я спасу его или погибну.

Между тем грохот пушек раздавался все чаще и чаще, а в ответ на него неслись оглушительные крики, и толпа все валила на площадь, уже и так заполненную до предела.

— Идут! Идут! — раздались голоса. — Джагарнат! Джагарнат!

Теперь звуки труб слышались совсем близко. В это время процессия миновала мост и вступила на площадь, приветствуемая народом.

Трудно представить себе что-либо более живописное этой торжественной процессии, разве что сравнимой с чудесами из индийских сказок.

Впереди ехали отряды индийских солдат, за ними раджи в роскошных костюмах, со свитами, верхом на превосходных скакунах, украшенных великолепными уздечками и седлами. Позади раджей ехали музыканты с трубами и барабанами. Верховные и другие жрецы Джагарната, Бовани, Шивы и Кали занимали почетное место в середине процессии, рядом с женской стражей принцессы Джеллы. Офицеры следовали за стражей, шествуя впереди десятка слонов, на которых были водружены сторукие идолы, ярко окрашенные и с позолотой. За слонами ехала колесница, в которую были впряжены двенадцать белых лошадей в серебряной сбруе. На этой колеснице высилось изображение Джагарната. Несколько фанатиков в религиозном экстазе бросились под колесницу, надеясь своей смертью обрести вечное блаженство. Их кровь брызнула на исступленную толпу, кричавшую:

— Слава нашему могущественному богу! Слава Джагарнату!

Вокруг колесницы танцевали женщины в странных костюмах, с золотыми кольцами в ушах и ноздрях. За колесницей шли брамины. Шествие замыкал отряд солдат.

Залпы пушек, ружейная стрельба, звуки труб, крики людей — все перемешалось и напоминало сражение.

Облокотившись на мягкие подушки, принцесса Джелла и раджа наблюдали за этим зрелищем.

Раджа повернулся к принцессе:

— Чего же они ждут?

— Да, — отвечала Джелла, — момент как нельзя более удобный...

Не успела она проговорить эти слова, как раздался пронзительный свист. Это был сигнал для начала действий.

В толпе произошло значительное движение у входа на улицу, где мы оставили Джорджа Малькольма, окруженного отрядом сипаев во главе с лейтенантом Мидлеем.

— Дургаль-Саиб, — проговорила принцесса, — взгляните, вот они!

И в самом деле, на площадь вышли красные мундиры, которым люди преградили путь.

А в это время на площади Согор кричал:

— Сипаи ведут в крепость англичанина! Это убийца!

— Гнусный убийца! — вторил ему Голькар.

— Отцеубийца, — продолжал кричать Согор. — Смерть нечестивому, поднявшему руку на своего отца!

Толпа уже подхватила эти крики:

— Смерть отцеубийце! Смерть ему! Смерть!

Казиль все это слышал. Он как змея скользил к тому месту, где стоял отряд, думая, что уже ничем не сможет помочь Джорджу.

— Расступитесь! — беспомощно кричал лейтенант Мидлей. — Дорогу!

А толпа уже повторяла слова Согора:

— Этот англичанин — отцеубийца! Смерть ему! Смерть! — И руки многих сжимали кинжалы.

Положение стало критическим. Это лучше всех понимал лейтенант Мидлей. Он повелительно крикнул:

— Прочь!

В ответ раздался глухой угрожающий ропот. Нужно было принимать какие-то решительные меры.

— В штыки! — приказал лейтенант.

Сипаи заколебались, но привычка к дисциплине взяла верх, и они

повиновались приказу.

— Шива! Шива! — кричал Согор.

— Шива! — повторили в толпе.

Это был второй сигнал. Люди бросились к сипаям с возгласами: «Бовани! Бовани!»

Сипаи опустили ружья, даже не стали делать вид, что защищаются, и ушли, предоставив пленника в распоряжение народной ярости.

— Изменники! — в бессильной ярости возмущался лейтенант. Держа шпагу в руке, он стоял рядом с Джорджем. Но что мог сделать один человек?

Толпа теснила их, и шпага лейтенанта Мидлея была тотчас же выбита из его рук сильным ударом палки.

«Я не успел отомстить за отца, — подумал Джордж. — Но бедный отец простит меня. Господи, как ужасно умирать вот так, беззащитным... Оружие бы... Оружие!» И тут случилось невероятное. За спиной он услышал голос:

— Господин, возьмите кинжал...

Джордж стремительно обернулся, увидел Казиля, протягивающего ему кинжал, схватил его.

— Спасибо! Теперь я дорого продам свою жизнь! — только и крикнул Джордж.

— Смерть ему, смерть! — между тем вопила толпа, приближаясь к несчастной жертве.

— Разбойники! — закричал Джордж. — Вам не удастся схватить меня живым! — И он взмахнул кинжалом.

Индусы, пораженные смелостью англичанина, остановились.

Принцесса Джелла, наблюдавшая за этой сценой, дрожала от любви и ненависти к человеку, который пренебрег ею.

— Неужели он уйдет? — прошептала она.

— Это невозможно! — отвечал раджа, вынимая из-за пояса пистолет с длинным стволом в серебряной оправе.

Он взвел курок.

Джорджа оттеснили теперь к самому мосту. За его спиной был Ганг, а перед ним бушевала разъяренная толпа. Первый ряд нападающих пятился, но страшный напор людей сзади вновь толкал их на Джорджа. Он был окружен с трех сторон, индусы почти касались его. Он чувствовал на своем лице их дыхание. Но жизнь была дорога для Джорджа, он хотел жить! Вместо того чтобы отбиваться от нападающих, он прибег к своей ловкости, напряг свои стальные мышцы, вскочил на каменный парапет моста и

закричал, стоя на нем:

— Ну, кто осмелится последовать за мной?

Затем он бросился вниз головой в реку. Вода находилась на расстоянии тридцати футов. Толпа замерла.

Джелла неуверенно коснулась руки Дургаль-Саиба.

— Стреляйте! — тихо произнесла она.

Раджа тут же спустил курок. Выстрел раздался в тот самый момент, когда Джордж коснулся темных вод Ганга. Джелла вопросительно взглянула на Дургаль-Саиба.

— Я не даю промаха по летящей ласточке, — проговорил он. — Не сомневайтесь, принцесса, он мертв, я никогда не промахиваюсь!

«Теперь я свободен от соперника», — думал он.

«Я отомщена, но как мне плохо... — думала принцесса. — И я не успокоюсь до тех пор, пока не погибнет та, которая отняла у меня его сердце».

Интересно, что в воображении этих двух людей образ Марии Бюртель мелькнул одновременно. Но один решил преследовать ее любовью, а другая — ненавистью.

ХІІІ. СТРАННЫЙ ВИЗИТ

Спустя два часа после описанных событий в доме сэра Джона Малькольма происходило следующее.

Воспитанницы покойного Мария и Эва были в огромной комнате нижнего этажа, служившей гостиной, большие окна которой выходили на веранду и в сад. Обе они, одетые в темные платья, сидели перед маленьким столиком, выкраивая траурную одежду. Но дело не клеилось у них, и часто набегавшие слезы застилали им глаза, опухшие и покрасневшие. Девушки молчали. Их сердца, переполненные горем, понимали друг друга без слов.

Вдруг рыдания стали душить Эву, и она бросила работу. Встав со своего места, она подошла к окну.

— Ну что, сестра? — спросила Мария спустя несколько минут, в течение которых она не решалась прерывать печальные мысли сестры.

Эти слова заставили вздрогнуть Эву, как будто пробудив ее от глубокого сна.

— Что ты сказала, Мария? — спросила она тихим голосом.

— Ты никого не видишь на дороге?

Эва взглянула на аллею, которая, извиваясь, вела к садовой калитке по зеленой лужайке среди цветущих деревьев.

— Пока никого! — отвечала она, возвращаясь на прежнее место возле сестры.

— Скоро ночь, — сказала Мария, — меня пугает их долгое отсутствие...

— Чего теперь можно опасаться?..

— И сама не знаю.

— Эдуард и Джордж уехали вместе. Кроме того, с ними доктор Дъедоннэ. Что может с ними приключиться? Задержались во дворце у губернатора.

— Да. Но мне непонятно, зачем губернатору задерживать их так долго? Почему ничего о себе не сообщают?

— Может, им удалось напасть на след убийц?

— Помоги-то Бог!

— Если это так, то, наверное, идет следствие, во время которого присутствие сыновей покойного необходимо. Не надо тревожиться об этом.

Мария с любовью прижала к своей груди голову сестры и поцеловала ее несколько раз.

— Милая Эва, ты стараешься успокоить меня, но тебе это не удастся. Ведь я вижу, что ты и сама встревожена не меньше меня.

— Уверяю тебя...

— Не надо... Я научилась все читать в твоём сердце. Ты побледнела, а это выдает тебя, ты страдаешь не меньше меня. Выскажи мне свои мысли, дорогая Эва.

После этих слов Эва не могла больше удерживаться от слез, не могла, как ни старалась, скрыть свои опасения. Она обняла Марию и проговорила сквозь рыдания:

— Да, я страдаю... Я боюсь... И у меня тоже предчувствие...

— Вот видишь! Ты испытываешь то же самое, что и я! — вскричала Мария. — Ты боишься, что грозовая туча, набежавшая на наш дом, коснется Джорджа и Эдуарда?

— Да, я действительно этого опасуюсь, Мария. Ты высказала мою мысль.

— И у нашего страха есть причины. Мне кажется, что мы еще не вполне отстрадались, что убийство нашего воспитателя, которого мы любили как отца, приведет к ужасным последствиям.

Эва едва смогла выговорить:

— О! Тогда мы погибнем!

— Господь, если Его воле будет угодно, поможет нам, сестра, будем надеяться на Него и сейчас помолимся, чтобы Он спас нас и оградил нас Своею всемогущей десницей.

— Помолимся, Мария.

И два невинных сердца устремились с мольбой к небу, два нежных голоса соединились в трогательной, беззаветной молитве, которая не могла не достигнуть подножия престола Всевышнего.

Раздался тихий стук в дверь. Молодые девушки встали.

Мария спросила:

— Кто здесь?

— Это я, мисс, — раздался девичий голос, — это я, Скиндия!

— Войди.

Дверь отворилась и пропустила служанку. Это была хорошенькая девушка лет пятнадцати, с правильными чертами лица, с золотистым цветом кожи и большими черными глазами. Густые черные волосы ее лежали, рассыпавшись по плечам.

Во время разговора молодых девушек сумерки сменились густым мраком. Быстро стемнело.

Скиндия внесла в комнату два серебряных подсвечника со

вставленными в них свечами. Осветив комнату, она поглядела на Марию, как бы ожидая, что та обратится к ней с вопросом.

— Что ты хочешь сказать, Скиндия? — спросила ее Мария, опасения которой внезапно рассеялись при появлении молодой девушки.

Скиндия отвечала на ломаном английском языке:

— У вашего дома стоит паланкин, весь в золоте...

— Паланкин у нашего дома! — повторила изумленная Мария.

— А в паланкине богатая дама в роскошном платье.

— Кто она?

— Не знаю, я спросила ее об этом, но она не захотела отвечать. Ее лицо закрыто вуалью.

— Что ей нужно?

— Видеть вас, мисс...

— Нас! — в изумлении воскликнули обе сестры.

— Да, вас. Она выразила желание видеть мисс Марию и мисс Эву.

— Сейчас мы не в силах принять кого бы то ни было, — заметила Мария.

— Я знаю это, поэтому и сказала ей, что вас нет дома, но она настаивала.

— Может быть, у нее есть известия для нас? — проговорила Эва.

— Известия? О ком? — спросила Мария.

— Об Эдуарде и Джордже.

— Скорее всего ты права, сестра. Другая причина не могла бы привести сюда эту даму.

— Тогда примем ее.

— Проси ее сюда, — обратилась Мария к индуске.

— Сейчас! — проговорила Скиндия, выбегая из комнаты.

— Только бы эта женщина не оказалась вестницей скорби, — сказала Эва таким тихим голосом, что Мария с трудом смогла ее расслышать.

— Не следует преждевременно расстраиваться, подождем: время объяснит все.

Дверь снова отворилась, и Скиндия ввела в гостиную богато одетую женщину. Густая вуаль, наброшенная на голову, полностью скрывала ее лицо, однако даже сквозь нее виднелись сверкающие черные глаза.

Незнакомая женщина медленно направилась к молодым девушкам и, остановившись в нескольких шагах, поклонилась им. Мария сделала Скиндии знак, чтобы та вышла, и обратилась к незнакомке:

— Вы настойчиво желали видеть нас, хотя знаете о нашем горе. Наверное, для этого у вас есть важные причины? Но позвольте сначала

спросить у вас...

Молодая девушка остановилась.

— Конечно, вы хотите, мисс Мария, спросить, кто я?

— Совершенно верно.

— Сейчас вы узнаете.

Произнося эти слова, незнакомка откинула вуаль. Молодые девушки, одновременно взглянув на нее, остановились в недоумении: не обманывает ли их зрение, не мерещится ли им?

— Вы не ошибаетесь, — отвечала женщина, грустно улыбаясь. — Это я!

— Принцесса Джелла! — воскликнула Мария.

— Принцесса у нас в доме, — сказала Эва.

Марии пришла в голову мысль, что ее самые мрачные опасения, самые тревожные предчувствия начинают осуществляться.

Принцесса в течение нескольких секунд совершенно безмолвно смотрела попеременно то на одну сестру, то на другую. На ее лице выражалось самое теплое участие к этим молодым девушкам. В ее взоре чувствовалось добродушие. При взгляде на нее можно было подумать, что это старшая сестра, сердце которой исполнено умилением при виде двух младших, с которыми она долго находилась в разлуке.

Наконец принцесса заговорила.

XIV. ВЕЛИКАЯ АКТРИСА

— Милые, бедные девушки, — начала она трогательным голосом. — Наверное, мой визит очень удивляет вас, даже тревожит?

Она взяла руки Марии и слегка пожала их. Затем, как бы не замечая, что это пожатие вызвало у девушки нервную дрожь, продолжала:

— О, соберитесь с силами, мои дорогие, успокойтесь! Одно лишь искреннее участие и теплое сочувствие к вам обеим заставило меня настаивать на немедленном свидании.

Если бы кто-нибудь во время речи принцессы стоял у окна и вглядывался бы в сгущающийся мрак, то заметил бы среди лиан, заполнивших сад и образовавших зеленый свод над входом в дом, промелькнувшую фигуру невысокого роста. Чтобы не обнаружить себя, человек пробрался по карнизу веранды до первого из открытых окон и, прижавшись между двух ваз японской работы, пробормотал едва слышно:

— Отсюда мне будет все видно.

Это был Казиль.

— Почему вы молчите? Почему не отвечаете мне? — спросила принцесса Джелла, стараясь придать своему голосу самый нежный, исполненный ласки оттенок.

— Мы благодарны вам, принцесса, — заговорила Мария, — за ваше расположение и внимание, оказанные нам, однако...

— Однако, — договорила Джелла, — вы все-таки удивлены, потому что видите во мне чужую. Не это ли вы хотели сказать?

Мария не умела лгать.

— Вы правы, принцесса.

— Тем не менее, — продолжала Джелла, — я вам друг, и друг искренний. Мною руководят только порывы сердца. Каждый раз, когда несчастье обрушивается на человека, я прихожу к нему, чтобы утешить и защитить его. Я покровительствую вам.

Эва с гордостью подняла голову.

— У нас есть покровитель, принцесса, который нам не изменит, а сила и власть его не вызывают сомнений, — сказала она.

— Покровитель? — удивилась принцесса. — Кто же это?

— Наш соотечественник, губернатор Бенареса лорд Сингльтон.

— Лорд Сингльтон! — воскликнула Джелла. — Я приехала от него. Именно он и послал меня к вам.

— А! — успокоились молодые девушки. — Значит, вы видели сэра Эдуарда и сэра Джорджа и можете сообщить нам причину столь длительного их отсутствия?

— Они сейчас у губернатора, и исполнение печального долга, вероятно, задержит их еще на некоторое время.

— Слышишь, сестра? — обратилась Эва к Марии. — Мы зря волновались.

— Да, — ответила Мария, — предчувствия могут быть обманчивы.

Джелла продолжала:

— Я разговаривала с вашим другом лордом Сингльтоном о вас и вашем беспомощном одиночестве, которое меня глубоко смущает и огорчает.

— Мы вовсе не одиноки, принцесса, — сказала Мария. — Сэр Джордж и его брат Эдуард живут вместе с нами в этом доме, который принадлежал нашему дорогому опекуну.

— Да, я знаю это. Но в том-то и дело...

— О чем вы, принцесса?

— Лорд Сингльтон, которому я высказала кое-какие соображения, вполне согласился со мной.

— Мы не понимаем вас, принцесса.

— Сейчас я выскажусь яснее. В течение некоторого времени я жила в Англии, правда недолго, но вполне достаточно, чтобы изучить нравы и обычаи страны, а поэтому мне хорошо известно, что там, в этой свободной стране, девушки наравне с мужчинами и женщинами пользуются полной свободой и независимостью. И никому не приходит в голову, считать эту свободу неприличной.

— Что вы хотите сказать? — спросила Мария.

— А вот что: как ни беспредельна свобода молодых англичанок, она не простирается до того, чтобы молодые девушки жили в одном доме с мужчинами, которые не являются их братьями. А вы после смерти вашего опекуна оказались именно в таком положении. Вот здесь-то и заключается опасность, разумеется, не для вас, а для вашей репутации.

— Мы не знаем за собой дурных поступков! — заметила Мария. — В чем же, в таком случае, могут обвинить нас?

— Конечно, вас обвинить не в чем. Но разве не могут говорить про вас ложь? Оклеветать вас? Добрая слава о молодой девушке составляет главнейшее ее сокровище. Молва не должна чернить ее, и если не ради ее самой, то, по крайней мере, ради любящего и любимого ею человека.

— Мне кажется, что рассуждения принцессы, в общем, справедливы,

сестра, — сказала Эва. — Мы просто не думали об этом.

— Да, я согласна.

— Зато я подумала, потому что люблю вас, — ответила Джелла.

— Как же поступить нам? — почти в один голос спросили сестры.

— Как поступить? Всего лишь исполнить желание лорда Сингльтона, вашего покровителя.

— Каково же его желание?

— Он считает, что лучше всего было бы вам пожить у меня во дворце.

Сердца девушек опять наполнились страхом и подозрением.

— Зачем это? — едва выговорили они, запинаясь.

— Сначала лорд хотел вам предложить свой собственный дом, но затем, поразмыслив, пришел к выводу, что рука женщины с большей заботливостью сумеет утереть ваши слезы горести. Кроме того, он не захотел лишать меня удовольствия, которое я получу, приняв вас у себя в доме. Ведь я всем сердцем, всей душой предана вам, мои дорогие! Когда я отдаю свое сердце, я не требую его возвращения, а во время бала у губернатора вы всецело завладели им. С первого взгляда я почувствовала расположение к вам, даже дружбу. Но так как заметила некоторое отсутствие взаимности с вашей стороны, то я дала себе слово всеми путями добиться вашего расположения.

Принцесса взяла руки Марии и Эвы и, сжав их, продолжала:

— Разве вам так трудно хоть немного полюбить меня?

В голосе Джеллы слышалось непреодолимое обаяние. Взор ее был сродни взору сирены, а в улыбке было что-то материнское. Мария и Эва почувствовали, что их холодность растаяла, сомнения и подозрения исчезают.

Наконец Эва ответила предельно откровенно:

— О! Теперь нам понятна ваша доброта, принцесса!

— Разве любить вас значит быть доброй? Мои милые, хорошие ангелочки, кто же не поддастся вашему обаянию?

Затем, обращаясь к Марии, принцесса добавила:

— Мисс Мария, понимаете ли вы меня? Неужели я еще внушаю вам страх и сомнение?

— Я вполне согласна с сестрой, — ответила Мария.

Джелла с нежностью обняла ее, прижала к груди и поцеловала.

— О, благодарю, благодарю! — вскричала она. И принялась обнимать и целовать Эву.

XV. ЭДУАРД

— Так, значит, решено, — проговорила принцесса после выражения нежных чувств, которым, как казалось, она могла предаваться безгранично. — Пусть мой дворец в Шагабаде станет вашим временным убежищем. Сэр Джордж и сэр Эдуард ежедневно будут навещать вас.

Во время этих слов Джеллы портьера, закрывающая вход в гостиную, приподнялась, и на пороге показался Эдуард.

«Она здесь, — подумал он. — Какая дерзость!»

Между тем Джелла продолжала начатый разговор.

— Не правда ли, милочки, вы согласны поехать со мной?

«Ехать с нею?» — мысленно повторил Эдуард.

— Вполне согласны, принцесса, — ответила Мария, — завтра мы будем готовы.

— Вы сказали — завтра, — удивилась Джелла, — а почему не сегодня?

«Теперь я все понимаю», — подумал Эдуард.

— Почему же завтра? Почему не сейчас? — продолжала принцесса. — Внизу дожидается мой паланкин. Поспешите!

— Это невозможно, принцесса! — заметила Мария.

— К глубокому нашему сожалению, мы не можем выехать из дома, не сообщив об этом сэру Эдуарду, — добавила Эва.

— Я уже предупрежден! — сказал Эдуард, входя в комнату с высоко поднятой головой и руками, скрещенными на груди.

— Он! — прошептала Джелла. — Он! Я опоздала. Если бы я приехала на пять минут раньше, я достигла бы цели!

— Я предупрежден, мои милые Мария и Эва, но вы не уедете, — повторил Эдуард.

Затем, обращаясь к Джелле, он сказал с горечью, которую не старался в себе подавить:

— Я не понимаю вас, принцесса! Что заставило вас приехать сюда? Ведь вам хорошо известно, что воспитанницы сэра Джона Малькольма и нареченные его сыновей не могут принять никаких благодарений от принцессы Джеллы!

Принцесса в упор посмотрела на Эдуарда и проговорила:

— Почему же?

— В самом деле, Эдуард, почему? — спросили сестры.

— Мы не подумали, что нам невозможно оставаться в этом доме вместе с вами, — сказала Мария. — Почему же вы против предложения принцессы? Зачем платить отказом, равносильным оскорблению, за ее доброе отношение к нам?

— Вам угодно знать зачем?

— Да, сэр Эдуард. Я требую от вас объяснений, — сказала Джелла.

— Хорошо, принцесса. Я надеюсь, вы прекрасно поймете меня. Что может быть общего между принцессой Джеллой, единомышленницей раджи Дургаль-Саиба, и воспитанницами сэра Джона Малькольма? Ваше предложение ясно: это ловушка, подстроенная непонятно с какой целью... Но это ловушка! Я жив и постараюсь разрушить все ваши козни. От имени моего брата, после смерти отца главы семейства, я приказываю вам, принцесса Джелла, немедленно покинуть наш дом.

Мария и Эва сжались от страха.

Джелла сделала два шага по направлению к Эдуарду и устремила на него яростный взор, в котором выразились все страсти тамерлидов. Затем она с расстановкой произнесла:

— Вы прогоняете меня?!

Эдуард, не отвечая, поклонился.

Лицо Джеллы внезапно изменилось. Ярость мгновенно уступила место хладнокровию. Завернувшись в вуаль, она подарила молодому человеку коварную улыбку и прошла мимо сестер. У дверей она обернулась и проговорила тихим голосом:

— Мария, Эва, Эдуард, я говорю не «прощайте», а «до свидания», потому что надеюсь еще увидеться с вами.

И она вышла.

В тот же момент Казиль — безмолвный свидетель предыдущих сцен — исчез с веранды.

После ухода Джеллы все некоторое время молчали. Первой заговорила Мария.

— Что вы натворили, Эдуард? — воскликнула она с явным осуждением.

— Я только исполнил свой долг.

— В чем же провинилась эта женщина, которую вы прогнали с таким позором?

— Эта женщина — наш общий противник, даже непримиримый враг, ожесточенный, безжалостный... Она хочет погубить нас.

— И все-таки — что случилось?

— Несколько часов назад она вместе с раджей Дургаль-Саибом с

неслыханной дерзостью обвиняла моего брата в убийстве нашего отца. Причем делала это с хитростью, создавая впечатление, что защищает его.

— Боже! — воскликнули молодые девушки.

— Но это обвинение, конечно, было опровергнуто сэром Джорджем? — спросила Мария. — Он оправдался, не так ли?

— Лорд Сингльтон убежден в невиновности брата и сказал мне об этом после того, как все разошлись. У него план: против хитрости применить хитрость. Для того чтобы открыть козни, он приказал арестовать Джорджа и отправить его под конвоем в крепость.

Мария, и без того бледная, зашаталась и едва не лишилась чувств.

— Значит, сэр Джордж под арестом! — едва внятно произнесла она.

— Теперь уже нет.

— Как нет?

— В то время, когда конвой проходил через большую площадь, на которой в честь праздника Джагарната собралось много народа, конвой был обезоружен. Толпа, несомненно, действовала по приказу и неистово кричала: «Смерть англичанину! Смерть убийце родного отца!»

— Негодяи! — проговорила Эва.

— Эти люди были подкуплены! — закричала Мария с отчаянием. — За смерть Джорджа им была обещана плата! Как еще только они не убили его!..

— Брату удалось скрыться. Все это происходило на мосту. Джордж бросился в Ганг, и никто не осмелился последовать за ним.

Мария закрыла лицо руками, услышав это сообщение.

— В Ганг! В эту реку, которая никого не оставляет в живых! Боже правый, значит, он погиб!

— Брат — прекрасный пловец. Даже море не страшит его. Он ничего не боится, у него железные мускулы. Я надеюсь на Бога, на силу и мужество Джорджа. Бог милостив и спасет его! Он не допустит, чтобы вслед за отцом погиб и сын! Уверен, что мы скоро увидим Джорджа!

— Пусть Бог услышит ваши мольбы, Эдуард. Но нам все равно необходимо пойти и осмотреть берег Ганга.

— Именно сейчас этим занимаются доктор Дъедоннэ и Стоп. Я начал было розыски вместе с ними, но странное предчувствие заставило меня вернуться. Я подумал, что и вам может грозить опасность, и, как видите, не ошибся. Принцесса Джелла расставила вам западню, и без меня вы наверняка в нее попались бы.

Мария опустилась на колени.

— Боже! Милостивый Боже! Внемли моим мольбам, защити Джорджа!

Не успела девушка произнести эту трогательную молитву, как служанка Скиндия вбежала в гостиную, крича:

— Идут мистер Стоп и французский доктор!

— Какие вести принесут они? — прошептал Эдуард. — Быть может, вести о новом горе?..

Мария молчала.

В комнату вошел доктор Дьедоннэ в сопровождении Стопа. Их вид не предвещал ничего хорошего.

— Вот и мы! — проговорил доктор.

Но Эдуард перебил его:

— Ну как дела, доктор? Говорите скорее!

— Что с Джорджем? — промолвила Эва.

Дьедоннэ грустно покачал головой.

— К сожалению, нам пока ничего не удалось выяснить, — ответил он.

Все расстроились после столь печального известия.

— О! Мой добрый хозяин, — жалобным голосом запричитал Стоп, утирая слезы, катившиеся из глаз. — Мой бедный хозяин! Я был уверен, что эта проклятая Индия принесет нам несчастье.

— И вы не нашли никаких следов? — спросил Эдуард.

— Нам нигде не удалось обнаружить сэра Джорджа, ни живого, ни мертвого.

— Боже мой! — трижды проговорила Мария со стоном, ломая руки.

Эва обняла ее:

— Успокойся, бедная Мария, зачем понапрасну плакать? Ведь еще не все потеряно. Господь поможет нам и спасет Джорджа.

В это время Эдуард продолжал расспрашивать Стопа и доктора:

— Может быть, нужно было поискать еще?

— Мы прекратили поиски только потому, что стало совсем темно. Мы прошли более четырех миль вдоль реки, осматривали каждый кустик, каждую кочку, поросшую высокой травой.

— Бог покинул нас! — воскликнул Эдуард, почувствовав, что исчезает последняя надежда, и поддаваясь влиянию неудержимого горя. — Он покинул нас, если допускает одну беду за другой. Погиб отец, а сегодня, может быть, и брат! Все рушится! Неужели Джордж погиб?

— Нет, не погиб! — раздался у двери звучный голос, и на пороге показался человек со смуглым лицом, одетый в костюм лодочника.

XVI. ДЖОРДЖ

Эдуард бросился в объятия Джорджа, которого узнали, несмотря на его костюм и грим.

Пока Эдуард душил его в объятиях, молодые девушки молились, говоря:

— Слава Богу, он спасен!

Стоп, радуясь случившемуся, смеялся и плакал одновременно.

— Ах, мой дорогой хозяин, — говорил он с комическим умилением, — я в восторге! У меня льются слезы! Я плачу как сумасшедший, но это от радости, только от радости. Мне хочется в одно и то же время и плакать и плясать! Черт побери, я с охотой пошел бы вприсядку!

И, находя, вероятно, что лучшего повода привести эту мысль в исполнение никогда не представится, Стоп на самом деле начал отплясывать с большой неуклюжестью.

Доктор Дьедоннэ, вооружась лорнетом, подошел к Джорджу и с большим вниманием осмотрел его, подобно тому как ученый всматривается в редкого субъекта, предназначенного для изучения.

— Действительно, — сказал он после безмолвного и пристального созерцания, — это сэр Джордж и, надо добавить, живой, по крайней мере на вид.

— Не только на вид, любезный доктор, — ответил Джордж.

— Вы уверены?

Сомнение доктора Джорджу показалось таким смешным, что он, несмотря на печальные обстоятельства, не мог не улыбнуться.

— Обыкновенно, — продолжал Дьедоннэ, — я пользуюсь своим способом, чтобы установить это. Дайте мне вашу руку.

— Извольте, доктор.

Дьедоннэ приложил два пальца к руке Джорджа, прощупал пульс и сосчитал удары, глядя на часы.

— Ну и как дела, доктор? — спросил Джордж. — Что я должен о себе думать?

— Жизнь в субъекте несомненна, — прошептал доктор, как бы говоря сам с собой. — Девяносто шесть ударов в минуту.

— О, слишком много, но, думаю, в этом виновато возбуждение от радости встречи. Надеюсь, вы не сомневаетесь, что я невиновен?

— Сомневаться в том, что вы невиновны? — воскликнул доктор. — Да

я скорее усомнился бы в себе!

— Благодарю вас, друзья мои, благодарю!

— Кто же осмелится обвинить вас? — спросила Мария.

— Тому, кто это сделал, Мария, нужна моя смерть, и без Казия, который сначала дал показания в пользу этих ужасных людей, а потом оказал мне помощь, вы больше меня не увидели бы... Он сунул мне в руку кинжал в тот момент, когда положение было безвыходным. Только с его помощью я смог заставить убийц отступить и бросился в реку. В меня стреляли, но не попали, и если я жив, то можно считать это чудом.

Смертельно бледные Мария и Эва слушали Джорджа с жадным любопытством.

— Я уже считал себя погибшим и, прошептав имя Марии и брата, бросился вниз головой, вручая свою душу Богу. Пуля просвистела у самого уха и даже слегка задела волосы. Долго я плыл под водой, всплывая на поверхность только тогда, когда необходимо было перевести дух. Затем я нырнул снова, и меня уносило течением. Так я плыл до наступления темноты. Силы были на исходе. Окоченевшие руки и ноги отказывались повиноваться, и мне пришлось выйти на берег. В лодке, привязанной около одной хижины, я нашел одежду лодочника, которой и воспользовался, оставив взамен две золотые монеты. Затем, измазавшись илом, я вернулся в Бенарес.

— Поблагодарим Бога за твое возвращение, — сказал Эдуард.

— Как вы намерены, сэр Джордж, теперь поступить? — спросил Дъедоннэ.

— Надо распусть слух о моей смерти, а я уйду из дома.

Мария протянула к нему руки:

— Вы хотите уйти?

— Это необходимо, моя дорогая, я возвратился только для того, чтобы успокоить вас, взять оружие и денег. Спасение зависит от сохранения тайны, что я жив. Плачьте меня как можно громче. За вами будут следить, и эти слезы обманут шпионов. Джона Малькольма нет в живых, и тайны этой страны будет стараться раскрыть другой человек, посторонний, неизвестный, который не успокоится до тех пор, пока его убийцы не будут обнаружены, пока не удастся схватить преступников.

— Будь уверен, брат, — сказал Эдуард, — твое желание будет выполнено в точности. Хорошо, что тебя здесь не видела ни одна душа.

— Мы назначим большое вознаграждение тому, кто сообщит о вас какие-либо сведения, — прибавил доктор.

— Ваше имя будет произноситься нами только в молитвах, — тихо

проговорила Мария, а затем добавила: — Но молиться мы будем беспрестанно.

XVII. КАЗИЛЬ ПОЯВЛЯЕТСЯ ВНОВЬ

В течение всего разговора Стоп находился в сильном возбуждении, он стоял, переминаясь с ноги на ногу, подобно цапле, попавшей в затруднительное положение. Все это свидетельствовало о необыкновенном расстройстве и внутренней борьбе. Наконец, по-видимому приняв определенное решение, он заявил:

— В таком случае и мне желательно исчезнуть из числа живых! Мне хочется разделить судьбу моего господина. Я так замаскируюсь и изменю свою рожу, что меня невозможно будет узнать, но, клянусь, я последую за мистером Джорджем, куда бы он ни пошел.

— Последовать за мной! А подумал ли ты, какой образ жизни придется мне вести, и, может быть, долго? Моя жизнь будет полна случайностей, тревог и борьбы.

— Тем лучше, ваша честь.

— На каждом шагу нам будут сопутствовать опасности и неодолимые затруднения.

— Наплевать мне на опасности!

— Неужели ты переродился, любезный Стоп, и стал храбрецом?

— Не знаю, храбр ли я на самом деле, но не колеблясь скажу, что готов пройти через огонь и воду, лишь бы иметь возможность сопровождать вас.

— И ты непременно желаешь следовать за мной?

— Непременно, ваша честь.

— Пусть будет так, как ты желаешь, — решил Джордж и пожал руку Стопу с глубоким умилением. — Я согласен взять тебя с собой.

— Благодарю вас! — сказал Стоп. — Я очень доволен!

— Ты переночуешь здесь, брат? — спросил Эдуард.

— Конечно, нет. Полная темнота мне на руку, и эта ночь станет началом моей новой жизни. Я уйду немедленно, взяв с собой кошелек и два револьвера.

— Когда мы получим известия от тебя?

— Надеюсь найти способ связаться с вами, не подвергаясь опасности. Если в течение нескольких дней обо мне не будет ничего слышно, не думайте ничего плохого, помните, что я веду розыски. Мария, моя любезная невеста, и вы, Эва, моя дорогая сестра, я уверен, что вскоре Бог поможет нам увидеться снова.

— Ах, Джордж! — проговорила Мария со вздохом. — Может быть, мы

и увидимся, но для того, чтобы опять расстаться. Это ужасно!

— Господь нас защитит. Наступит день, когда мы снова, уже навсегда, соединимся, и день этот, возможно, недалек. Теперь же идите в свою комнату. Я уйду, как только дам брату и доктору последние поручения.

— Хорошо, Джордж, — сказала Мария, — мы готовы выполнить ваши желания. Да хранит вас Бог!

— Да хранит вас Господь! — повторила Эва.

Он нежно поцеловал молодых девушек в лоб, и они покинули гостиную. Затем вышел и Джордж вместе с доктором Дьедоннэ и Эдуардом.

Стоп удалился в свою комнату для приготовления в дорогу.

Где-то через четверть часа темные людские фигуры бесшумно проникли в сад Малькольмов и оцепили дом. Казиль видел их: он поднялся на веранду чуть раньше. Взглянув в окно опустевшей гостиной, он взобрался на подоконник — и был таков.

В это время Стоп входил в гостиную, только через дверь. При виде Казилья, появившегося так неожиданно, достойный камердинер чуть не вскрикнул от удивления, но тот дал знак молчать.

— Почему ты не даешь мне говорить, мальчуган? — тихо спросил после некоторого молчания Стоп. — Что здесь происходит?

Казиль подошел к столу, на котором стояли зажженные свечи, и задул их. Потом повернулся к Стопу и сказал быстро и многозначительно:

— Молчите и слушайте! Не следует терять ни секунды. Всем в этом доме угрожает большая опасность.

— Опасность? — повторил Стоп пугаясь.

— Идите же и предупредите мистера Эдуарда: дом окружили!

— Я побегу, но что сказать ему? Кто окружил?

— Спешите, спешите! А я буду наблюдать отсюда...

— О ты, проклятая Индия! — рассуждал Стоп, направляясь к комнате своего хозяина. — Ну уж и страна!

«Меня заставили врать, — рассуждал Казиль, оставшись один, — я провинился, но сейчас представился случай искупить мою вину перед господином. Комната мисс расположена так, что моим врагам сначала придется иметь дело со мной».

И он с решимостью стал у дверей комнаты, в которой находились Мария и Эва.

Тут на веранде показался человек в плаще. Так же, как и Казиль, он проник в гостиную и с минуту или две стоял неподвижно, осматриваясь. По-видимому, расположение комнат ему было хорошо известно, так как он

пробормотал по-индусски:

— Дверь должна быть против этого места...

Потом он снял с пояса фонарь, и луч света осветил с головы до ног стоявшего спиной к двери Казиля. Человек с фонарем с изумлением спросил:

— Это ты, Казиль?

— Я, Самид.

— Что ты здесь делаешь?

— Стерегу дверь. Тебе через нее не пройти.

— Именем Бовани!

— Я больше вам не повинуюсь.

— Ты намерен изменить своим братьям, а всякий изменник должен быть наказан смертью.

— Тогда убей меня.

Самид вытащил из-за пояса кинжал с узким лезвием и пошел на Казиля. Мальчик не пошевелился, но закричал изо всех сил:

— Ко мне! Ко мне! На помощь!

Индус бросился на Казиля и ударил его кинжалом, тот застонал и упал без чувств. По всему дому послышался стук дверей и людские голоса.

«Он помешал мне! — подумал Самид. — Сюда идут! Сейчас я подам условный сигнал, и мы с ними покончим...»

Он был уже на веранде в тот момент, когда Джордж вбежал в гостиную вместе с Эдуардом, доктором и Стопом, который был позади всех с зажженными свечами в руках.

— Негодяй! — закричал Джордж и выстрелил в индуса. Пуля пробила череп Самиды, и он замертво упал на пол веранды.

XVIII. ПОХИЩЕНИЕ

— Я покончил с мерзавцем!

Сказав это, Джордж споткнулся о Казия и, наклонившись, с изумлением воскликнул:

— Это Казиль! Его ранили, но, может быть, не насмерть. Надо его спасти! Доктор, окажите ему помощь...

Говоря это, Джордж поднял Казия на руки. Дъедоннэ тотчас же приступил к делу: попробовал его пульс и приложил руку к сердцу, затем осмотрел рану.

— Он без чувств и потерял много крови, но острие кинжала скользнуло, не повредив ни одного важного органа.

Для осмотра раны на плече доктору пришлось разорвать рукав и обнажить руку мальчика.

Джордж не мог сдержать удивления, и с его губ сорвалось глухое восклицание.

— Что такое? — одновременно воскликнули доктор с Эдуардом.

— Взгляните! — ответил Джордж. — Взгляните на эти знаки и прочтите имя, образованное ими!

— Бовани! — сказал Эдуард.

— Да, Бовани! — отвечал Джордж. — То же самое, что и на кинжале, которым был убит наш отец. Этот мальчик давал против меня ложные показания несколько часов назад. Неужели он сообщник убийц?

— Почему знать? — заметил доктор, пожав плечами. — В этой стране все возможно.

Между тем сознание возвратилось к Казию, так что он смог расслышать последние слова Джорджа и ответ доктора.

— Нет, нет... — проговорил он. — В этом я не виновен. Я любил мистера Джона Малькольма, нелицемерно оплакивал его и, поверьте, помогу вам отомстить за него. Я обо всем расскажу вам, но не теперь. Сейчас необходимо спасти мисс...

— От кого? — вскричал Джордж. — Разве они подвергаются опасности?

— Это неизбежно, если вы будете медлить: дом уже окружен...

— О боже! — Джордж остолбенел, так как думал, что он один явился причиной нападения Самиды.

— Они здесь, похитители, сыны Бовани, истребители англичан, —

продолжал с трудом Казиль. — Они окружили дом. Берегитесь, господин!

— Истребители англичан! — закричал Джордж. — Я уже слышал об этом! Вот связь... Так, значит, у меня в руках путеводная нить, и я не выпущу ее больше из рук. Эдуард, доктор, бегите в комнату Марии и Эвы и приведите их сюда!

Оба поспешно бросились из гостиной, за ними последовал и Стоп.

Едва дверь закрылась за ними, Джордж нагнулся к Казилью и спросил его:

— Казиль, ты слышишь меня?

— Слышу, — отвечал мальчик слабым голосом.

— Ответь мне...

— Спрашивайте...

— Сегодня утром, когда мое спасение зависело от твоих показаний на допросе у лорда Сингльтона, ты солгал?

— Да.

— Ты хотел погубить меня?

— Я должен был повиноваться или быть убитым. Я выбрал первое.

— Кому ты должен был повиноваться?

— Сынам Бовани.

— Злодеям, убившим моего отца?

— Да. Незримые, они всегда против вас с обнаженными кинжалами. Они не пощадят вас, господин, повторяю: берегитесь!

— Но кто подослал сюда убийц? — спросил Джордж. — Какое новое преступление они собираются совершить? Почему они напали на тебя?

Казиль не отвечал, кровь снова появилась из его раны. Он едва смог произнести: «Я умираю!» — и впал в беспамятство. Джордж в отчаянии наклонился к нему, но, увидев, что юноша лежит не двигаясь, сказал:

— Может быть, доктор ошибся и Казиль ранен смертельно? — Затем опять начал звать: — Казиль! Казиль! О милосердный Боже! Молю Тебя, соверши чудо!..

Вдруг тоскливое, скорбное выражение лица Джорджа сменилось выражением глубокой тревоги, настолько его поразил звук выстрела, раздавшийся здесь, в доме.

— Пистолетный выстрел! — пробормотал он. — Что там происходит?

Затем послышался второй выстрел, и дверь с шумом распахнулась. В комнату стремительно вбежал Эдуард. Его лицо было бледным, он растерянно смотрел на Джорджа. Дьедоннэ и Стоп сопровождали его, также полные отчаяния.

— Случилось несчастье! — закричал Эдуард, не давая брату времени

задать вопрос.

Джордж все понял.

— Мария? Эва?

— Пропали! Похищены! — отвечал Эдуард. — И дом подожжен!

Стоп сквозь зубы произносил свои ругательства:

— Злодеи! Разбойники! Ах эта Индия, будь она проклята!

Лицо Джорджа исказилось. Можно было подумать, что он сошел с ума. Но такое выражение у него на лице сохранялось лишь одно мгновение, и оно мелькнуло как молния. Джордж провел рукой по лбу и проговорил мрачно, но спокойно:

— Надо догнать похитителей!

— Они окружили нас, злодеи! — сказал Дъедоннэ.

В это время гостиная стала освещаться слабым красноватым светом и послышался треск горящего дерева. Внезапно снаружи раздались звуки ружейных выстрелов и пять или шесть пуль врезались в стены комнаты.

XIX. НАПАДЕНИЕ

— Ах! — закричал Стоп. — Мы погибли!

Раздался новый залп.

— Ответим им тем же! — сказал Джордж. — И если нам невозможно спастись, так хотя бы подороже продадим свою жизнь!

Сказав это, он бросился к окну и выстрелил из револьвера наудачу, потому что за облаками дыма не было видно никого из осаждавших дом.

Раздавшийся крик одного из них свидетельствовал, что Джордж попал в цель.

«Неплохо было бы мне ускользнуть, — подумал Стоп, — но я этого не сделаю, лучше уж последую примеру мастера Джорджа!»

Бросившись к окну, он тоже стал стрелять. Да и доктор, и Эдуард не заставили себя ждать, что оживило перестрелку.

Но пламя распространялось с поразительной быстротой. И стало ясно, что через какие-то минуты дом сэра Джона Малькольма превратится в огромный костер.

— Мы не должны здесь погибнуть! — сказал Дъедоннэ, который как истинный француз был несколько самонадеян даже в безвыходном положении.

— Конечно, нет! — отвечал Джордж. — Мы попробуем выйти, и Бог поможет нам пробиться через этих разбойников.

В это время сознание возвратилось к Казилю. Он приподнялся на локте и проговорил слабым, едва слышным голосом:

— Господин!

Но Джордж услышал Казилья и устремился к нему:

— Ты жив, жив!

— Да, я жив, — отвечал Казиль, — и буду жить ради нашего мщения. Они покушались на мою жизнь и тем самым освободили меня от клятвы. Больше я им ничем не обязан. Больше я не принадлежу им. С этой минуты я полностью ваш. Вы узнаете все их тайны и будете распоряжаться их судьбой.

— Распоряжаться их судьбой? — с расстановкой проговорил Джордж. — А как вернуть Марию и Эву?

— Клянусь вам, мы отыщем их. Возьмите меня с собой, унесите отсюда, и я стану вашим проводником.

— Куда?

— В храм Бовани, в святилище богини.

— Тогда в путь! — сказал Джордж, взяв Казиля на руки.

Затем он добавил, обращаясь к Эдуарду, Стопу и доктору:

— Теперь бежим! Бог защитит нас!

И он пошел впереди всех к главному входу, расположенному на первом этаже, как вдруг Стоп остановил его, закричав:

— Подождите! Мне пришла в голову превосходная мысль. Через пять минут мы будем спасены! Мы обманем их!

Его слова ободрили всех.

— Объяснись, Стоп, — сказал Джордж, — быстрее!

— Выходя через дверь, мы непременно попадем в западню и рискуем поплатиться головами. А я несколько дней назад наткнулся на проход, который никому не известен.

— Куда он ведет?

— В небольшое круглое строение... Оно в саду, шагах в пятидесяти от дома.

Джордж крепко пожал руку Стопу:

— Какой ты молодец, Стоп! Ведь в этом наше спасение! За мной!

Но Стоп возразил ему:

— Не угодно ли будет вам последовать за мной? На этот раз, извините, ваша честь, я пойду первым!

XX. ХРАМ БОВАНИ

Беглецы вошли на кухню, следуя за Стопом, который, не обращая внимания на дым, быстро отыскал большой ключ, висевший на гвозде, и спрыгнул с лестницы в подвал. Все последовали за ним.

Обширное подземелье со сводами находилось под всем домом. В конце подвала оказалась низенькая дверь, которая поспешно была открыта Стопом. Она вела в подземный проход, как уже было сказано, наружу.

Достаточно было нескольких минут, чтобы добраться до круглого низкого строения, покрытого толстой соломенной крышей, находившейся почти что у земли. Дверь, которая открывалась в сад, оказалась запертой, а ключа от нее не было. Однако это незначительное препятствие преодолел Эдуард. Он одним натиском плеча выломал ее, и свежий воздух пахнул на беглецов. Вскоре все вышли наружу, под покров звездного неба. Они на этот раз были спасены.

Беглецы обернулись и увидели, что пожар усилился, а на фоне огня они смогли различить силуэты людей, теснившихся вокруг дома, готового обрушиться. Это были индусы, которые стояли неподвижно с ружьями наизготовку, поджидая выхода англичан. Они не сомневались, что у англичан хватит решимости броситься на нападающих, чтобы бегством спастись от пламени.

— В этом видна помощь Божья! — воскликнул Джордж. — И я надеюсь, что Его всесильная рука защитит Марию и Эву. Мне кажется, злодеи не добиваются их смерти. Ведь у них была возможность сделать это сейчас. Значит, девушки живы! А я с помощью Божьей спасу их!

Затем, уже обращаясь к Эдуарду, он добавил:

— Нам следует расстаться. Спешите к губернатору и расскажите ему обо всем, свидетелями чего мы были. Я скоро сообщу о себе.

Сцена прощания завершилась очень быстро, и они разошлись в разные стороны, а темнота вскоре поглотила их. Джордж продолжал нести Казиля, а Стоп, боясь отстать от господина, шел так близко от него, что почти касался.

Теперь мы просим читателей последовать за нами в одно из самых мрачных мест, о котором ни один из жителей Бенареса не мог вспоминать иначе как с невольным ужасом. Место, о котором мы говорим, — это храм самого грозного божества индусов, богини Бовани, мрачной богини истребления.

Вот его краткое описание.

Сумерки царили в этом храме. Своды с лепными украшениями напоминали собой остовы гигантских черепашек. Узкие окна с вставленными в них красными стеклами еле пропускали лучи света, которые рисовали на мраморных плитах, украшавших пол храма, мрачные узоры. Подножия колонн были выполнены в виде гигантских животных, внешний вид которых выражал кровожадность и свирепость. В середине самого храма высилось сооружение красного мрамора с куполом из полированной стали. В нем имелась лестница в несколько ступеней, идущая к медной двери, которая никогда не открывалась. Это строение было окружено железной решеткой, также запертой. Всякая попытка приблизиться к этой решетке была немислимой, потому что она была со всех сторон окружена рвом, на дне которого слышался шум бурного потока. Вдоль одной из сторон рва, там, где был вход в таинственное здание, тянулись длинные галереи, напоминавшие своим строением пчелиный улей. Некоторые из этих галерей были тоже ограждены массивными решетками. Другие были закрыты лишь занавесками из красной ткани, испещренной символическими знаками. На стальном куполе здания развевалось знамя из шелка с изображением многоголового дракона. Множество ламп под сводом были закрыты красным крепом, они неугасимо светились, создавая ночью на полу такие же зловещие узоры, как и дневной свет через красные стекла окон.

В тот момент, когда мы мысленно перешагиваем через порог священного места, жрицы в полупрозрачных красных покрывалах стоят отдельными группами, некоторые из них лежат у рва, который окружает святилище со спальным куполом и отделяет его от остального храма. Жюбэ, главная жрица, стоит среди младших жриц, выделяясь среди них своим ростом. Она протягивает руку и говорит резким, повелительным голосом:

— Настало время молиться, жрицы грозной богини Бовани.

— Мы готовы.

— Тогда начнем, и да внемлет нам богиня!

Послышался один голос, потом другой, третий, как в католических церквях, где каждый читает свою молитву.

— Богиня зла... — начала первая жрица.

— Богиня мести... — продолжала вторая.

— Богиня крови... — вопила третья.

— Помощница тутов... — взывала четвертая.

— Внемли мольбам нашим, которые несутся к тебе! — в свою очередь

проговорила Жюбэ. — Не отвергни их и защити нас... Позволь нам убивать многих и многих, разреши кровопролитие для неутомимых рук!..

Внезапный гул прервал эту странную молитву. Удар колокола пронесся по храму и наполнил его заунывным звуком.

— Молчите! — приказала Жюбэ. — И слушайте!

Удар колокола повторился.

Главная жрица склонилась в знак повиновения.

— Вы слышали? — спросила она. — Звук священного колокола раздался дважды, не так ли?

— Действительно, — отвечали жрицы шепотом.

— Таинственный голос этого колокола дает нам понять, что через порог храма переступили высокие лица. Согласно законам богини мы должны удалиться из святилища. Удалитесь, сестры, не оборачиваясь назад.

Главная жрица сняла со своего пояса ключ и отперла им решетку, закрывающую вход в одну из галерей. Жрицы поднялись одна за другой и, еще раз преклонившись перед мраморным святилищем, вытянулись в длинный ряд, проходя мимо Жюбэ. Главная жрица удалилась вслед за ними и заперла за собой решетку.

В опустевшем храме наступило мрачное, гробовое молчание, длившееся несколько минут. Внезапно поднялась одна из занавесей на галерее и в образовавшемся проходе появилась чья-то маленькая фигурка. Неужели Казиль? Да, это он шел, не совсем еще твердо, но достаточно решительно.

— Входите же, — проговорил он, оборачиваясь, — войдите, мы одни!

Джордж Малькольм и Стоп вышли из мрачной галереи.

— Надо спешить, господин, — начал Казиль, — причем действовать нужно крайне осторожно. Здесь в каждом углу притаилась опасность. Мы окружены браминами, которые бодрствуют, скрываясь в глубине этих коридоров, они ежечасно сменяются, охраняя тайны святилища Бовани. Стоит одному из них заметить нас, он тотчас забьет тревогу, и тогда мы погибли.

— Значит... — пробормотал Стоп, содрогаясь от ужаса, — значит, этот храм — жилище дьявола? Да, приходится еще раз пожалеть о нашем доме, хотя там сейчас очень жарко...

— Трус! — прошептал Джордж.

— Прошу извинения, ваша честь, — проговорил Стоп. — Осмелюсь возразить, правда всегда должна быть на первом плане: я не трус, а только очень осторожен.

— Жрицы богини Бовани, — продолжал свои объяснения Казиль, — и днем и ночью стерегут святилище, и если бы нам не помог священный колокол, они не ушли бы отсюда.

— Священный колокол... Что он означает?

— Прибытие высокопоставленных лиц.

— Откуда же ты знаешь эти тайны?

— Я с детства был посвящен Бовани. Я рос в этом храме.

XXI. СВАТИЛИЩЕ

После такого объяснения Джордж задумался.

— Казиль, — сказал он, помолчав. — Я тебе безгранично верил, но ты один раз уже предал меня...

Казиль, не отвечая, понурил голову, он чувствовал и признавал свою вину и справедливость укоризны.

— Не должен ли я и теперь тебя подозревать? — продолжал расспрашивать Джордж.

Казиль выпрямился и гордо посмотрел в глаза Джорджу, твердо проговорив:

— Вот моя рука, господин, возьмите ее, и пусть она находится у вас, пока мы не покинем мрачные своды этого храма. У вас есть оружие, и вы успеете поразить меня, если я обману вас. Эта казнь будет вполне заслужена мной.

Эти слова и особенно выражение, с которым они были произнесены, успокоили Джорджа.

— Я слышу шаги, — сказал Казиль. — Сюда идут, нам надо спрятаться, — добавил он, указывая на вход в галерею, закрытый занавеской.

— Но ведь они могут пройти именно через эту дверь, — заметил Джордж, — и тогда нас обнаружат.

— Ваши опасения напрасны, — возразил Казиль. — Из этой галереи нет выхода.

Шаги приближались.

— Торопитесь, — прошептал Казиль, приподнимая занавеску, — и не шевелитесь, не произносите ни слова, сдерживайте свое дыхание... Входите! Входите!

В тот момент, когда занавеска опустилась за ними, в храм вошли несколько индусов, которых пропустила, скрипя на своих петлях, железная решетка. Лицо каждого из них было закрыто длинным темным покрывалом с отверстиями для глаз, наподобие средневековых монашеских капюшонов. Среди них были и принцесса Джелла, раджа Дургаль-Саиб, Суниаси.

— Мне послышалось, будто здесь говорят, — сказал Дургаль-Саиб, войдя в святилище и озираясь.

— Вы слышали, раджа, голоса жриц, которые удалились, чтобы очистить святилище по повелению высшей воли, — ответила принцесса. —

Мы находимся под священными сводами, так поклонимся богине и вознесем ее в своих молитвах.

Все пали ниц возле рва и коснулись лбами пола.

— Бовани! Бовани! — торжественным голосом проговорил Суниаси.

Все отозвались на это воззвание в один голос:

— Бовани! Бовани!

После этого все поднялись и раджа обратился к принцессе:

— По вашему приказанию, принцесса, мы последовали сюда за вами. Объясните же нам причину этого вызова.

— Свершение грозного дела близится! — сказала Джелла. — Оно готовилось годы и созрело окончательно, через два дня все произойдет.

— Наконец-то! — с радостью воскликнули индусы.

— У нас все готово, — продолжала Джелла.

— Что будем делать? — спросил Дургаль-Саиб.

Принцесса ответила приказанием:

— Дайте сигнал, Суниаси!

— Священными колоколами?

— Да, пусть их звон раздастся под сводами, где день и ночь бодрствуют наши жрицы.

— Повинуюсь вашим приказаниям, принцесса! — проговорил Суниаси.

Мраморный пол храма был собран из красных, черных и белых плит, складывающихся в разные узоры. Суниаси наступил на плиту красного цвета. Она едва заметно опустилась, и один удар колокола, затем второй, третий, постоянно учащаясь, звучали во всех направлениях, то слабо и глухо, то громко и раскатисто. Этот звон продолжался несколько секунд, а затем колокола смолкли, наступило молчание.

— Мы оповестили наших братьев, — тихо проговорила принцесса, — скоро они будут здесь.

Не прошло и пяти минут, как решетки стали открываться, брамины и жрицы Бовани появились со всех сторон. Впереди жриц шла Жюбэ. Она приблизилась к небольшой группе людей, стоявших с покрытыми головами, и, поклонившись им, спросила:

— Кто из вас ударил в колокол?

Джелла выступила вперед:

— Я, ваша царица!

Жюбэ благоговейно распростерлась перед ней и, взяв край ее одежды, поднесла к своим губам.

Это выражение покорности было принято Джеллой по-царски.

— Что угодно возлюбленной дочери богини? — спросила Жюбэ. — Пусть она скажет, пусть она повелевает.

— Накануне окончания священного дела, начатого нашими отцами, — отвечала Джелла, — я хочу предоставить вот им, — она указала рукой на пришедших с ней, — доказательства того, что мы продолжаем пользоваться покровительством богини Бовани. Пусть они осмотрят таинственные залого нашего могущества, которые находятся в нашем святилище...

Верховная жрица указала рукой на сооружение из красного мрамора, увенчанное стальным куполом и отделенное от остального храма непроходимым рвом.

— Царица, — сказала она с торжественной медлительностью, как бы давая слушающим время проникнуть в глубину ее слов. — Вот святилище, оно перед вами. И окружено рвом, на дне которого день и ночь текут воды Ганга, священной реки. Дни сменяются ночами и наоборот, но наше наблюдающее око не смыкается ни на минуту. Священные залого, доверенные нашему наблюдению, не покинут святилище до того дня, который определен свыше.

— Какой же это день? — спросила Джелла.

— Тот, когда богиня Бовани отдаст покрывало и кольцо человеку, избранному ею, который благодаря этому станет ее представителем на Земле.

— Когда наступит этот день?

Жюбэ молчала.

— Завтра или через тысячу лет? — вновь спросила принцесса.

— Одна богиня могла бы ответить на этот вопрос, — сказала Жюбэ и жестом выразила свое полнейшее бессилие в этом деле.

— Жрица Жюбэ, вы настоящая хранительница священных залогов, — ответила Джелла.

— Я только исполняю свой долг. Страшная смерть ожидает безумца, который попытается проникнуть в святилище.

— Страшная, неминуемая? — сказала Джелла с сильным ударением на последнем слове.

— Конечно. Бездна — это еще не единственное препятствие, являющееся преградой на пути в святилище.

— Какое же еще?

Жюбэ указала на плиту из красного мрамора, на которую некоторое время назад нажал Суниаси, и проговорила:

— Если нога святотатца ступит на эту плиту, колокола зазвонят, и мы все соберемся по тревоге. О ней вы знаете, о других не знает никто.

Затем, указав на плиту черного цвета, находившуюся недалеко от красной, она продолжала:

— Если же он наступит на эту плиту, пол провалится под ним, и он упадет в бездонную пропасть... Но вот еще одна плита, под ней отравленные ножи. Везде опасность! Повсюду наказание! Скажите, разве может сюда кто-то проникнуть?

— Нет! — прошептала Джелла.

— О, священные залого хорошо оберегаются, — сказала Жюбэ. — Индия может быть спокойна, они не исчезнут и будут защищать ее всегда.

— Жрица, покажите нам священные залого! — проговорила Джелла спустя минуту. — Я — повелительница и приказываю вам сделать это!

— Повинуюсь.

Около края рва стояло черное мраморное изваяние индийского божества, которое изображало лошадь с тремя собачьими головами. Жрица взяла одну из этих голов, среднюю, и повернула ее. Одновременно с этим брамин по знаку главной жрицы нажал на пружину, скрытую в пьедестале статуи. Мгновенно решетка, окружавшая сооружение, отворилась, не произведя ни малейшего шума, и медная дверь легла поперек рва, образовав мост через него.

Жюбэ, твердо ступая, перешла по этому мосту и достигла сооружения, вход в которое был закрыт второй, внутренней дверью.

Она обернулась.

— Преклонитесь! — воскликнула она. — Преклонитесь перед богиней Бовани!

XXII. СВЯЩЕННЫЕ ЗАЛОГИ

Все опустились на колени. Увидев это, Жюбэ надавила на еще одну пружину. Дверь отворилась, и взорам всех собравшихся открылась внутренняя часть святилища, которая была ярко освещена. В середине этого святилища на розовом гранитном пьедестале располагалась статуя богини Бовани, полностью закрытая покрывалом огненного цвета с золотыми украшениями. Своды над ней были мрачны и безмолвны.

Всех охватил суеверный страх. Принцесса выпрямилась первая. Увидев ярко освещенное святое место, она торжественно воскликнула:

— Смотрите! Вот покрывало богини, наша общая защита!

— Сыны Бовани! — обратилась ко всем главная жрица. — Только одному избранному позволено коснуться этого покрывала без риска погибнуть на месте. Под покрывалом сверкает кольцо. Начинайте борьбу смело, потому что та, которая придает силу и обеспечивает победу, идет рука об руку с нами и покровительствует нам. Она вслед за мной повторяет: смерть англичанам!

Дикая радость охватила принцессу, и она заговорила:

— Собратья по общему, великому, священному делу! Вникните в смысл моих слов и будьте готовы на все. Не пройдет и трех дней, как заблещут кинжалы и засвистят арканы... Поняли ли вы меня?

— Поняли! — ответили общим голосом индусы, и мрачная торжественность слышалась в их голосах.

— Послезавтра ночью, когда над вершиной Серых гор заблестит звезда богини Кали, мы должны собраться в том месте, о котором я сообщу завтра.

— Мы придем все!

Один из индусов подал знак, означающий, что он хочет что-то сказать.

— Мы готовы выслушать твою речь, брат.

— Нам надо вооружить толпу людей. Многие из них не вооружены ничем, кроме своей храбрости, — заявил он мрачным тоном. — У них нет золота, чтобы купить оружие.

— Это справедливо, — зашумели вокруг.

— Золото для этого, — сказала Джелла, — вы получите немедленно.

Потом она обратилась к главной жрице:

— Жюбэ, снимите камень, скрывающий наши сокровища, и достаньте сколько надо.

— Повинуюсь, — ответила жрица.

Она наклонилась к ступеням из красного мрамора, которые служили входом в святилище; железное кольцо было в одной из них. Жюбэ с усилием потянула его на себя. Ступень сдвинулась и повернулась поперек. Открылось углубление, наполненное маленькими кожаными мешками с монетами.

Жюбэ брала мешки не считая. Все они были одинаковой величины и вмещали в себя, по-видимому, до двух тысяч золотых монет каждый. Мешки Жюбэ складывала на одну из ступеней.

Джелла следила за ее движениями и бормотала с торжеством:

— А! Ненавистное племя, англичане, вы не знаете, что в самом центре Бенареса скрыто сокровище, которое будет орудием уничтожения всех вас.

— Не достаточно ли? — спросила Жюбэ.

Принцесса с тем же вопросом обратилась к индусам.

— Этого хватит, — ответил Суниаси.

— Тогда возьмите золото и распорядитесь им как нужно, — и Джелла указала на мешки.

— Благодарю от имени всех собратьев, — проговорил Суниаси.

— Будьте же готовы все! — напомнила принцесса.

— Будем, клянемся!

— Теперь наступает конец борьбы исподтишка, конец отдельных действий. Их заменит всеобщее истребление. Через три дня мы будем присутствовать при последнем вздохе Ост-Индской компании, через три дня земля тамерлидов послужит общей могилой для всех ненавистных англичан.

— Через три дня, — повторили индусы.

— Закройте святилище! — приказала принцесса.

Жюбэ покинула святилище и, перейдя мост, подошла к подножию колонны с изображением животного. Она вновь повернула голову его, только в обратную сторону. Медная дверь немедленно закрылась, решетка затворилась, и все предметы, возбуждавшие удивление, исчезли как мираж.

— Теперь нам следует удалиться, — сказал Дургаль-Саиб.

— Вы забыли о необходимости удостовериться, что никто не подслушал нас и не обнаружил священные тайны богини Бовани. Обнажите кинжалы, собратья, осмотрите галереи и без пощады поразите всякого, кто осмелился присутствовать здесь, не имея на то права.

Индусы склонились в знак повиновения и покорно разошлись.

Джелла молча ожидала результатов осмотра. Через несколько минут ее единомышленники возвратились и объявили один за другим:

— Нет ни души!

Когда вернулись все отправившиеся на поиски, Джелла обратила внимание на галерею, где скрывались Джордж Малькольм и Стоп, спросив:

— А здесь вы смотрели?

Дургаль-Саиб, взявшись за рукоятку своего кинжала, лишь сказал:

— Все осмотрено. Ну кто там может быть?

— Да, конечно... — ответила Джелла.

— Ни одного мерзкого взгляда не проникло в тайны богини Бовани, — добавил Дургаль-Саиб.

— Жрицы Бовани, — воскликнула Джелла, — удалитесь. Когда священный колокол известит о нашем уходе, возвращайтесь и несите охрану!

Жюбэ вместе со своими подчиненными жрицами удалилась в одну из галерей.

Джелла продолжала:

— Удалитесь и вы, братья, и исполняйте мои приказания.

— Повинуемся, — отвечали индусы.

И вышли, унося с собой мешки с золотом. Их сопровождали Джелла и Дургаль-Саиб. Брамины тоже удалились в одну из многочисленных галерей.

Едва затих в отдалении шум шагов, один из браминов вернулся назад и, приблизившись к занавеске, за которой скрывались наши герои, приподнял ее. Сделав это, он снял капюшон, давая возможность узнать себя. Это был наш Казиль!

— Господин, — проговорил он, — вы можете выйти, они удалились, и здесь нет никого.

— Ты спас нам жизнь, — произнес Джордж с глубоким чувством, пожимая ему руки, — без тебя мы неминуемо погибли бы.

— Теперь вы верите мне?

— Теперь да.

— А я нисколько и не сомневался. Казиль — хороший человек, — сказал Стоп.

— Вы все слышали, господин? — спросил Казиль.

— Да, и я благодарен тебе, потому что ты дал мне возможность слышать все это. Теперь их тайна у меня. И я сделаю все, даже невозможное, чтобы помешать им. Я узнал принцессу Джеллу и раджу Дургаль-Саиба. Она — мой главный враг, мой и моих близких!

— Это так, господин.

XXIII. ПОСЛАННИК БОГИНИ

Прошло несколько секунд, а Джордж все еще оставался под впечатлением своей уверенности в скорой мести. Затем он снова обратился к Казилю:

— Ты обещал сделать меня могущественным и властным. Исполнишь ли ты свое обещание?

— Исполню, господин.

Джордж указал на ступени, под которыми были скрыты сокровища Бовани.

— Ты намекал мне на эти богатства? — спросил он Казилья.

— Нет, господин. Но если вам потребуется золото, чтобы свершить правосудие, вы сможете взять и отсюда.

— Я без колебания решусь на это. Почему не бить врага его же оружием?

«И мне не худо воспользоваться обстоятельствами, — подумал Стоп, — чтобы добыть себе миллион-другой. У неприятеля отнять не грех. Меня это очень соблазняет, и я начинаю думать, что Индия не такая уж плохая страна».

— Но если ты намекал не на золото, — заговорил Джордж, — то в чем же, по-твоему, заключается могущество и власть?

— Вон в том здании, — сказал Казиль, указывая на святилище, — хранится талисман могущества, но хватит ли у вас сил, господин, чтобы завладеть им? Для этого необходимо рисковать жизнью.

— И ты еще спрашиваешь! — вскричал Джордж. — Неужели ты сомневаешься в моей храбрости?

— Нет, господин, я не сомневаюсь, но, согласитесь, бывают моменты, когда и храбрые из храбрых теряют присутствие духа.

— Со мной этого не произойдет.

— И со мной тоже. Я покажу вам, какой я храбрец.

— А теперь, Казиль, скажи нам, что сейчас необходимо делать.

Казиль приблизился к трехголовому идолу и проговорил:

— Во-первых, я должен привести в движение пружину, чтобы открыть вход в святилище.

Джордж тоже приблизился к изваянию вслед за Казилем.

— Осторожнее, ваша честь, — вскричал Стоп, — осторожнее, вы забыли про коварство этих плит. Меня дрожь берет, когда я вижу, как

небрежно вы шагаете по этому проклятому полу.

Джордж, не отвечая, взялся за среднюю голову чудовища, в то время как Казиль нажимал на пружину. Дверь тихо опустилась, образовав мост, и Джордж, перейдя по нему, отворил вторую дверь в святилище, сказав:

— Теперь тайна богини в моих руках, тайна, от сохранности которой зависит, по общему мнению, существование Индии. В моих руках и залогом ее благосостояния — священное покрывало и кольцо!

— Да, господин, индусы единодушно утверждают это и Искренне верят этому. Наверное, это правда!

— Что скрывается под этим покрывалом?

— Статуя богини.

— Что я должен сделать?

— Войдите в святилище и снимите покрывало.

Едва Джордж поставил ногу на ступеньку святилища, Казиль закричал:

— Стойте, господин, стойте!

Джордж обернулся.

— О боги! Я забыл вам напомнить одно священное предание!

— Что за предание?

— Всякий, дерзнувший коснуться покрывала богини, упадет мертвым на месте, будто сраженный ударом молнии.

— Но это уже не остановит меня, Казиль. Ваши боги — дело рук ваших.

— Это святотатство! — вскричал Казиль.

— Послушай, если я коснусь покрывала и молния не поразит меня, согласишься ли ты, что только мой Бог всемогущ?

— Как не поверить чуду?

Джордж с поразительным хладнокровием поднялся по ступеням и твердой рукой сорвал покрывало.

— Смотри, Казиль, смотри! — спокойно проговорил он.

Юноша, как бы озаренный свыше высочайшей истиной, упал на колени, шепча:

— Я верю вашему Богу! Верю!

Стоп, забыв о ловушках, так и порывался пуститься в пляску.

— Мы победили! — закричал он. — Да здравствует Англия!

— Где символы власти? — вновь спросил Джордж.

— Вы взяли покрывало, господин, возьмите и кольцо, которое блестит на пальце богини.

Джордж выполнил и это, сняв с руки богини кольцо, в котором

красовался бриллиант необычайной величины, и, надел его на свой палец.

— Имея это кольцо и покрывало, — добавил Казиль, — вы повелитель всех наших повелителей. Для поклонников Бовани вы будете ее посланником, а следовательно — их повелителем. Они преклонятся перед вами и будут вам навсегда покорны.

Лицо Джорджа вдруг засветилось каким-то лучезарным светом:

— О Мария! О Эва! Я спасу вас и доведу до конца дело, начатое отцом!

— Нет, тебе не удастся ничего сделать! — раздался грозный голос.

Никто не заметил брамина, неожиданно вышедшего из галереи. А он уже наступил ногой на плиту, приводившую в движение колокола. Тотчас же раздалась звуки, имевшие свой таинственный смысл.

— Мы погибли! Погибли! — бормотали прерывающимися голосами Стоп и Казиль.

— Может быть, и погибли, — сказал Джордж, — но этот брамин не станет свидетелем нашей гибели. — И, сбегав по ступенькам святилища, он вонзил кинжал в сердце брамина.

Тот упал на мраморную плиту без единого слова.

— А вы спрячьтесь! Спрячьтесь скорее! — обратился Джордж к Стопу и Казилю.

«Лучшего я и не желаю», — подумал Стоп, колени которого подгибались.

Между тем уже раздавался шум приближающихся шагов. Жрицы и брамины, повинаясь зову богини, спешили в святилище.

— Они приближаются! — прошептал Казиль. — Нет никакой надежды на наше спасение...

Джордж толкнул Стопа и Казилю в галерею, где они скрывались при входе в храм.

Джорджу оставалось немного времени, чтобы сделать необходимые приготовления. Он бросился в святилище и укрылся за статуей Бовани. И вовремя. Едва он успел спрятаться, как со всех сторон хлынули брамины и жрицы.

— Святилище открыто! — вопили они и пятились с суеверным ужасом.

— Убитый! — вскричала Жюбэ. — Святотатство! Храм осквернен!

Она не успела закончить своей речи и вдруг зашаталась: страх вызвал Джордж Малькольм, внезапно вышедший из святилища, закрытый густыми складками священного покрывала.

— Этот человек нарушил тайны богини, и она поразила его! — сказал

Джордж.

— Посланник богини! — едва могла выговорить Жюбэ и упала на колени.

— Да, посланник богини, — подтвердил Джордж. — Нечестивый святотатец осмелился коснуться покрывала богини — и вот он лежит сраженный! Я — посланник богини Бовани, я — руководитель грозного дела! Время пришло! Час настал!

Джордж медленно шел к индусам, а те в страхе пали ниц.

— Пусть волны Ганга поглотят тело нечестивца! — сказал он.

Жюбэ с помощью брамина повернула голову идола. Медная дверь закрыла вход в святилище, и тело с шумом рухнуло на дно рва.

— Люди, — начал Джордж, — теперь молитесь и вознесите свои души премудрой богине уничтожения! Страна индусов станет свидетелем великих дел и будет процветать в веках!

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

I. ПЛЕННИЦЫ

Пора уже вернуться к Марии и Эве, которых мы оставили в самом отчаянном положении. Неизвестные люди схватили их, связали, заткнули им рты и положили в паланкин. Похитители остановились только после часа ходьбы по дороге, ведущей к загородному дворцу принцессы Джеллы, недалеко от того места, где три громадных дерева росли у гигантской каменной глыбы, почитаемой верующими. Это было изображение бога Вишну.

Наступила ночь. Густые тучи закрывали луну. Паланкин опустили на землю, и один из носильщиков пронзительно закричал, подражая крику совы. Тут же раздался ответный крик, очень похожий на первый, и спустя несколько секунд из-за вала, обрамлявшего дорогу, вышел Согор.

— А где Самид? — сразу же спросил он у носильщиков.

— Его здесь нет, — ответил кто-то. — Он погиб от пули в доме судьи.

— Значит, вам оказали сопротивление, Тимор?

— Да, и очень упорное.

— Чем все закончилось?

— Наши братья подожгли дом и стерегут, чтобы никто не улизнул. Пусть все погибнут!

— Шива останется доволен. А сколько погибло наших?

— Самид и еще двое.

— А где молодые англичанки?

— Здесь, — проговорил Тимор, указывая на паланкин.

Согор зажег фитиль и при его свете оглядел молодых девушек. Они лежали, плачущие и испуганные, в паланкине.

— Еще немного, и трудно было бы поручиться за них, — сказал Согор. — Не поблагодарила бы вас принцесса, которой хочется видеть их живыми, а не мертвыми.

И, вынув из кармана какой-то пузырек, он поочередно поднес его к лицам девушек. Едва они вдохнули в себя запах этой жидкости, как веки их сомкнулись, и они погрузились в сон.

Согор развязал молодых девушек, дав им возможность свободно дышать, в полной уверенности, что глубокий сон — лучшая гарантия против побега. Затем, опустив занавески, он приказал носильщикам продолжать путь.

Около полуночи паланкин остановился у дворца принцессы Джеллы.

Принцесса с беспокойством ожидала прибытия паланкина.

Когда Согор вошел, она спросила его:

— Ну как? Все ли вам удалось? Где они?

— В паланкине, принцесса.

— Наконец-то они у меня в руках!

Согор рассказал принцессе о последних событиях. Он считал, что в горящем доме погибли все его обитатели.

— А кто был там? — спросила принцесса с задумчивым видом.

Согор не знал.

«А вдруг там был Джордж? — с тоской подумала Джелла. — Но как он мог выйти из Ганга, если бы даже спасся от пули Дургаль-Саиба? Ах, как хотелось бы, чтобы он спасся... Но Джордж, несомненно, умер... Значит, дом защищали Эдуард с доктором Дьедоннэ. И они погибли. Нечестивое имя Малькольмов уничтожено. Завтрашний день покажет, остался ли в живых Эдуард».

Согор не осмеливался нарушить размышления принцессы и хранил молчание.

Но когда она подняла голову, Согор спросил:

— Что делать со спящими девушками?

И, чтобы не входить в долгие объяснения, он показал ей флакон.

— Значит, они проспят не менее двенадцати часов.

— Если вы не пожелаете разбудить их раньше.

Джелла улыбнулась.

— Может быть, я так и сделаю, — ответила она. — Прикажи отнести их в соседнюю комнату и положи в постель. Пусть они даже во сне не смеют жаловаться на недостаток гостеприимства принцессы Джеллы.

Последние слова она произнесла злобным, ироническим тоном.

— Слушаю, — ответил Согор.

— Наверное, ты сильно утомился, Согор, — промолвила принцесса, — отдохни час-другой, а затем выполни мои приказания. До рассвета ты должен отправиться верхом в Бенарес. Я дам тебе поручение, которое никто, кроме тебя, исполнить не сможет.

— Я все сделаю, госпожа.

Затем он вышел, чтобы проводить носильщиков во дворец.

Спустя некоторое время принцесса вошла в комнату, куда поместили девушек.

Они спали, и, казалось, ничто не тревожило их. Джелла приблизилась к ним. Ее лицо дышало злобой и ненавистью. Подняв свечу, она долго разглядывала лица девушек.

— Да, — проговорила она после безмолвного созерцания, — они прекрасны. Особенно Мария! О проклятая, о роковая красота! Именно ее красота виновна в том, что Джордж Малькольм отверг мою любовь. Но берегись, Мария, теперь ты в моих руках, и я отомщу тебе, чтобы расквитаться с человеком, который заставил меня страдать.

II. У КАЗИЛЯ

Через два часа Джелла написала записку и отдала ее Согору:

— Отправляйся в Бенарес и узнай, найдено ли тело Джорджа Малькольма. Особенно поинтересуйся у лодочников.

— Я сделаю это. Что еще?

— Ты разыщешь Эдуарда Малькольма.

— Разве он не умер вчера? — спросил изумленный Согор.

— Об этом мне известно ровно столько, сколько и тебе. Если убедишься, что он мертв, вернешься и сообщишь мне. Если он жив, то передашь ему это письмо. Без сомнения, он начнет расспрашивать тебя о девушках.

— Что я должен отвечать ему?

— Ты должен притвориться изумленным и делать вид, что даже не понимаешь его вопросов. Ну а теперь в путь! И поспеши возвратиться ко мне с вестями сразу же после выполнения моего поручения.

Индуc поклонился и вышел.

Казиль жил в самой бедной части Бенареса, в лачужке, полученной в наследство от отца, который когда-то работал лодочником на Ганге. Эта лачужка была так ветха, что казалось, развалится при малейшем дуновении ветра. Усилий ребенка было достаточно, чтобы выломать дверь, едва державшуюся на ржавых петлях.

После полуночи Джордж Малькольм, Казиль и Стоп имели дерзость трижды пробираться в святилище храма Бовани и возвращались оттуда с грудями золота. Это золото они тайно вносили в жилище Казиля, складывали на кровать и закрывали тюфяком, набитым сухими листьями. После третьего похода в храм Джордж и его товарищи, спрятав ношу, сидели, томимые голодом и жаждой. Хотя у Казиля и не было в доме еды, ее легко было достать: по случаю праздника лавки долго не закрывались. Казиль ходил за едой, и трапеза трех человек, весьма отличавшихся по положению в обществе, но объединенных опасностью и чувством преданности, скоро началась.

— Наконец-то мы можем спокойно поговорить, — сказал Джордж. — Казиль, расскажи откровенно все, что ты знаешь, чтобы мне не сбиться с пути истинного.

— Извольте, господин.

— Сегодня в храме я видел принцессу Джеллу и Дургаль-Саиба... Ты

их узнал?

— Узнал.

— Ты согласен со мной, что они принимали участие в убийстве моего отца?

— Я готов поклясться в этом. Я чувствую, что принцесса ненавидит вас, но за что — не знаю.

«Зато я знаю!» — подумал Джордж.

— Принцесса подговорила раджу обвинить вас перед лордом Сингльтоном в отцеубийстве.

— Я догадывался.

— По ее же приказу толпа народа, собравшаяся у моста через Ганг, должна была вас убить. Согор и Суниаси возбуждали толпу. Выстрел из пистолета, который едва не стал гибельным для вас, был сделан, несомненно, рукой раджи Дургаль-Саиба, который сидел на балконе рядом с принцессой.

— Мне следует гордиться! — воскликнул Джордж. — Какие могущественные люди страшатся меня! Наверное, теперь они успокоились, считая меня мертвым; они уверены, что воды Ганга несут мое тело к морю. О! Я докажу им, что жив! А как ты объяснишь нападение на наш дом и исчезновение Марии и ее сестры? Неужели и в этом преступлении виновна принцесса?

— Без сомнения, господин.

— Ты подозреваешь или убежден?

— Убежден. Самид, который руководил толпой похитителей, — один из самых доверенных слуг принцессы Джеллы.

— Ты прав, Казиль. Это доказательство. Но почему их похитили? О господи! Что она сделала с несчастными девушками?

— Не тревожьтесь, господин, — с живостью сказал Казиль. — Мисс Мария и мисс Эва пока в безопасности. Если бы принцесса хотела их смерти, они были бы убиты ее слугами на месте. Они живы, господин, и мы найдем их.

— Помоги, Боже! Но где их искать?

— Думаю, что это мне известно. Я слышал, что принцесса отправилась в Аллахабад, куда завтра утром к ней приедет раджа Дургаль-Саиб. Я уверен, что она отправилась туда, чтобы быть поближе к пленницам.

Это предположение было правдоподобным, и Джордж, доверяя предчувствию Казиля, согласился с ним.

— Пожалуй, ты прав, — сказал он. — Будем считать, что Мария и Эва

в этом дворце. Надо идти за ними туда и заставить принцессу сознаться в ее преступлениях. Но для того чтобы победить, нужно применить хитрость, которая иногда важнее силы. Можно ли проникнуть во дворец, не будучи замеченным?

Сказав это, Джордж глубоко задумался. Казиль не стал нарушать безмолвия Джорджа и тоже о чем-то думал.

Стоп же старался преодолеть сон, но не выдержал и поддался влиянию своего всегдашнего врага. Спустя несколько минут он захрапел.

Около четверти часа тишина хижины прерывалась только заунывным храпом Стопа. Но вдруг Казиль сделал резкое движение.

— Я придумал, что нам делать! — воскликнул он.

— Что?

— Я нашел способ провести вас среди бела дня во дворец принцессы, отыскать там обеих девушек и заставить принцессу признаться в преступлениях.

— В чем же заключается этот способ? — спросил Джордж с таким энтузиазмом, что проснувшийся Стоп привскочил.

— Он очень опасен.

— Главное, чтобы он осуществился. Пора тебе знать, Казиль, что я могу идти на смерть без колебаний!

— Успех будет зависеть от ловкости, смелости и большого количества денег.

— Я обладаю первыми двумя качествами, — возразил Джордж, — а денег у нас хватает. Ну, говори же скорее, я стораю от нетерпения узнать это, да и времени нам терять нельзя.

— Слушайте, господин... — так Казиль начал излагать свой план.

III. СЕСТРЫ

Джордж внимательно слушал, и чувствовалось, что он одобряет план Казилья.

— Я думаю, что в этом плане нет ничего невозможного! — решил он, когда Казиль закончил рассказывать. — И Бог поможет привести его в исполнение. Теперь к делу, Казиль, начнем приготовления.

Казиль тотчас распорол один из мешков и, набив карманы золотом, отправился сделать необходимые покупки и найти надежных помощников.

Оставим Джорджа, Стопа и Казилья в Бенаресе и перенесемся во дворец Джеллы в Аллахабаде, в спальню, куда обеих сестер доставили по приказанию принцессы.

Мария первая пришла в себя. Она слегка потянулась и этим разбудила Эву. Обе сестры раскрыли глаза и сели на кровати, на которой лежали рядом. Дома они всегда спали на разных кроватях, а потому сильно удивились, очутившись рядом, так как в памяти у них не сохранилось ничего, что могло бы объяснить это обстоятельство.

Их удивление не знало границ, когда они увидели, что окружающие их предметы им незнакомы.

«Это, наверное, сон!» — подумала Мария.

Эва решила то же самое.

Затем они обратились друг к другу:

— Где же мы?

— О, я сейчас узнаю! — воскликнула Мария.

Она спрыгнула с кровати и подбежала к окну. Затем, раздвинув кисейные занавеси, она выглянула в окно. Эва последовала за ней. Страшное разочарование ожидало их: представившийся вид был совершенно им незнаком — они увидели какой-то сказочный парк.

— Где же мы? — вскричала Мария.

«Когда мы ушли из дома и как оказались здесь?» — думала Эва.

Мария обернулась и увидела перед собой дверь.

— А! Сейчас узнаем, где находимся; нам наверняка ответят, если мы кого-нибудь найдем.

Мария взялась за ручку двери, но та не поддавалась.

— Мы пленницы! — воскликнула Мария и заплакала. Обе молодые девушки в страхе и смятении бросились на диван.

— О господи! Где мы? Что нам грозит? — рыдала Мария.

— Как мы попали сюда? — вторила ей Эва. — Где Эдуард, где Джордж?

Имена Эдуарда и Джорджа, произнесенные Эвой, освежили память Марии, и она стала кое-что припоминать.

— Сестра, — сказала она. — Помнишь, кажется, это было вчера, пришел Эдуард и говорил про Джорджа что-то страшное, мы считали его погибшим, а он внезапно вошел... Он жив! Он не умер! Помнишь, Эва?

— Да, я вспоминаю. Будто пробудилась от глубокого сна... Продолжай вспоминать, продолжай!

— Джордж решил уйти и отослал нас в нашу комнату, — снова заговорила Мария, — и мы стали молиться за него, стоя на коленях...

— И за Эдуарда, — добавила Эва.

— После этого все перепуталось. Нас схватили, завязали глаза, связали и унесли под гром выстрелов. Больше я ничего не могу припомнить. А что помнишь ты?

— То же самое, — проговорила Эва. — Мне даже не верится, что все это произошло. Что за тайна окружает нас? Кому нужно было похищать нас?

— Думаю, кто-то приказал схватить нас. Но с какой целью, непонятно. Кто мог отдать такой приказ?

— Я! — ответил звонкий голос.

Дверь, замаскированная обоями, отворилась, и на ее пороге появилась женщина с гордо поднятой головой.

— Принцесса! — воскликнули Мария и Эва.

— Да, это я. Разве вы забыли, что я сказала вам «до свидания»?

— Но где же мы находимся? — спросила Мария.

— У меня.

— Ах! — едва могли воскликнуть Мария и Эва.

— Да, у меня, но не в Бенаресе, а в Аллахабаде, моем загородном дворце. Теперь вы понимаете, как неразумно было отвергать мое предложение о переезде ко мне, как неблагодарно вы отнеслись к моему гостеприимству.

— Какое же это гостеприимство, принцесса? — твердо проговорила Мария. — Вы же принудили нас силой.

— Я всегда прибегаю к силе, когда мои убеждения бесполезны. Моя же воля — закон. То, что я хочу, должно осуществляться. Средства не останавливают меня. Лишь бы получить необходимый результат. Доказательством моего успеха является ваше присутствие здесь. Добро пожаловать, дорогие гости! — добавила она, странно улыбаясь.

— Дорогие гости? — повторила Мария. — Вы, наверное, ошиблись и хотели сказать — пленницы, принцесса?

— Не важно. Стоит ли спорить о словах? Я получила от вас отказ следовать за мной добровольно, в качестве друзей. Поэтому не моя вина, если я оказываю вам гостеприимство другим путем.

— Так, значит, вы наш враг?

— Неужели вы сомневаетесь в этом?! — вскричала Джелла и уставилась на девушек злобным взглядом.

— Я не только сомневалась, но и теперь не верю этому, — сказала Мария, — потому что не могу найти причины для вашей ненависти к нам.

— Скажите, в чем мы провинились перед вами, — попросила Эва.

Джелла немного поколебалась, но не смогла сдержать своего порыва.

— Провинились? — закричала она яростно. — Вы хотите знать это? Так узнайте! Джордж Малькольм был коим любовником!

Мария отшатнулась.

— Я боготворила его, — продолжала Джелла. — Вникните в это слово. А вы похитили у меня его сердце. Ради вас он пренебрег мной... И вы еще спрашиваете, почему я ненавижу вас?

Румянец вспыхнул на щеках Марии.

— Наверное, вы очень страдаете, принцесса. Мне жаль вас, — проговорила Мария тихим голосом.

Джелла отступила.

— Вы меня жалеете? — повторила она со смехом.

— Да, принцесса, от всей души.

— Мне не нужна ваша жалость, поберегите ее для себя. Она вам понадобится.

— Но все-таки не настолько, как вам, принцесса, потому что, невзирая на ваше богатство и красоту, вашу любовь отвергают, а моей ищут! Ну, накажите меня за невольное преступление. Я в вашем распоряжении, мстите мне. Но сестра моя вам ничего плохого не сделала. Пощадите ее, возвратите ей свободу!

Эва припала к груди Марии и, проливая слезы, сказала:

— Зачем ты просишь, сестра? Ты же знаешь, что я не расстанусь с тобой.

— И вы останетесь здесь, — проговорила Джелла. — Я ненавижу вас не меньше, чем вашу сестру. Я не забыла, как ваш жених Эдуард Малькольм нанес мне вчера оскорбление и как женщине, и как принцессе, выгнав меня из своего дома.

— А разве он был не прав? — проговорила Эва. — Чувство

подсказывало ему, что вы — наш враг.

— Меня оскорбил Джордж Малькольм, а тот, кто посмел сделать это, должен быть осужден! Теперь его нет в живых, потому что он сражен пулей раджи Дургаль-Саиба, которому я сказала: «Мария Бюртель, так любимая вами, должна быть свободна от человека, который считается ее женихом». И выстрел раджи закончил мою мысль.

Мария не знала, что Джелла ошибается, и подумала, что Джордж действительно убит во время ночного нападения. Она страшно закричала и упала на колени.

— И Эдуард Малькольм тоже оскорбил меня, — продолжала Джелла. — И если он не погиб вчера, то все равно умрет.

Плачущая Эва склонилась к сестре.

— Но это только начало! — продолжала Джелла. — Скоро вы узнаете, как я могу мстить!

Проговорив эти слова, Джелла вышла и заперла за собой дверь.

IV. РАДОСТЬ ДУРГАЛЬ-САИБА

На расстоянии двух ружейных выстрелов от дворца, на берегу озера, окруженный столетними деревьями возвышался небольшой храм в честь бога Шивы. Несмотря на свои размеры, храм по богатству и великолепию мог соперничать с самыми знаменитыми храмами Бенареса и Калькутты. Сюда-то и направилась Джелла, расставшись с пленницами.

Она хотела подняться по черным мраморным ступеням главного входа, но остановилась, увидев, как из отворившейся двери вышел Суниаси. Принцесса сделала ему приветственный знак. В ее окружении Суниаси считался человеком избранным, почти пророком.

— Я исполнил вашу волю и расспросил наших богов, — сказал Суниаси. — Я общался с Шивой, Кали и Бовани.

— Каков был их ответ?

— Они выразили свою благосклонность царице мстителей в Индии.

— Спрашивали ли вы их о новых жертвах, которые я намерена принести им?

— Они примут эти жертвы.

— Хорошо, что боги на стороне наследников рода тамерлидов, но не открыли ли они вам чего-нибудь еще? Не отдернули ли занавес, скрывающий будущее?

— Если я их правильно понял, то следует в скором времени ожидать важную весть.

— Когда?

— Скоро. Может быть, сегодня. Немного потерпите!

Этот разговор, начатый на крыльце храма, продолжался под тенистым сводом вековых деревьев. Разговор был прерван появившимся слугой.

— Что тебе? — спросила его Джелла.

— Прибыл раджа Дургаль-Саиб и желает видеть вас.

— Проводи его сюда.

Слуга поклонился и хотел было удалиться, когда принцесса остановила его:

— Согор вернулся?

— Нет еще, госпожа.

— Когда приедет, пошли его ко мне.

Потом она снова обратилась к Суниаси:

— Я ожидала, что раджа Дургаль-Саиб приедет не раньше вечера. Не

случилось ли чего? Какая причина побудила его прибыть так рано? Может быть, осуществляется ваше предсказание, Суниаси, и он принесет важную весть?

— Вполне возможно, — подтвердил Суниаси.

— Мы сейчас узнаем.

В самом деле, раджа Дургаль-Саиб через несколько минут был возле них.

— Здравствуйте, раджа, — проговорила принцесса.

— Вы, наверное, ожидали меня позднее и удивлены моим столь ранним приездом? — спросил он.

— Это заставляет меня думать, что у вас важные вести.

— Вы не ошиблись.

— Так говорите скорее.

— Чудо, которое несколько веков предсказывали наши пророки и священные книги, наконец-то свершилось.

— Чудо! — повторила Джелла. — Какое?

— Появился посланник богини Бовани.

Суниаси воздел руки к небу, и на его лице появилось сияние радости.

— Так ли это? — недоверчиво спросила Джелла.

— Без всякого сомнения. Вчера, едва мы вышли из храма, посланник Бовани появился там.

— Кто видел его?

— Жрицы и брамины.

— По каким признакам они его признали?

— По многим. Богиня отдала ему громоносное покрывало и смертоубийственное кольцо.

— Представьте мне доказательства.

— Мне поклялась в этом Жюбэ, а она не может лгать.

— А! — вскричал Суниаси с горделивым видом. — Боги известили меня об этом, они не обманывают своих любимых детей.

— Если так, — сказала Джелла, — наша победа несомненна. Наше дело выиграно!

— Может ли быть иначе? — одновременно ответили Суниаси и раджа.

— О, завтрашняя ночь будет ночью нашей славы. Все услышат сигнал к борьбе, и с нами будет осененный покрывалом Бовани старший сын бога Шивы.

— И Индия станет свободной! — вскричал Дургаль-Саиб, увлеченный энтузиазмом Джеллы.

— И владычество англичан падет! — dokonчила принцесса.

— Навсегда!

— Они уже сейчас трепещут и собрали войска в Бенаресе, — сказал раджа.

— Как? — удивилась принцесса. — Разве им что-то стало известно о появлении посланника Бовани?

— Нет, не известно.

— Почему же они трепещут?

— Вчера был сожжен дом Джона Малькольма.

Джелла услышала это без малейшего удивления.

— Мария и Эва во время пожара были похищены. Вам известно, принцесса, об этом? Похитителей ищут.

— Их не найдут. А это исчезновение вас обрадует.

«Я это предполагал, — подумал раджа. — Все делая для себя, она не забыла и про меня».

— Но скажите, принцесса, следует ли мне возвращаться в Бенарес?

— Вам необходимо оставаться здесь, раджа! — сказала Джелла.

V. НЕОЖИДАННОЕ ПОСЕЩЕНИЕ

Итак, трое наших действующих лиц — Джелла, Дургаль-Саиб и Суниаси — шли ко дворцу, продолжая начатый разговор.

Приблизившись к парадной лестнице, они услышали топот мчавшейся лошади. Внезапно топот смолк.

«Это, наверное, Согор, — подумала принцесса, — я должна поговорить с ним наедине».

— Извините, — обратилась она к гостям. — Я отлучусь, но скоро вернусь. Вас проведут в кабинет.

Согор уже шел ей навстречу.

— Я все сделал, госпожа.

— Эдуард Малькольм умер?

— Нет, он жив. Я видел его, говорил с ним и передал ему ваше письмо.

Он приедет на свидание.

— Один?

— Да, потому что он сказал мне: «Передай принцессе, что через час я приеду к ней в алахабадский дворец».

— Он приедет один... — злобно пробормотала принцесса. — Расспрашивал ли ты, как я тебе приказала, лодочников на Ганге?

— Да, расспрашивал, но все в один голос отвечали: «Священная река не выпустила своей жертвы: тело не всплывало».

— Уже распространился слух о посланнике богини Бовани в ее храме?

— Да, народ говорит об этом, и все надеются, что великий, светлый миг недалек.

— Теперь же, Согор, передай приказания страже. Пусть все выходы из дворца и сада бдительно охраняются и пусть сообщают мне о приближении каждого посетителя.

— Слушаю, госпожа, — ответил Согор и ушел.

Джелла уже возвратилась к Суниаси и радже, когда слуга вновь подошел к ней.

— Госпожа, у ворот дворца юноша. Он ранен и на вид очень слаб. Юноша хочет видеть вас.

— Как его зовут?

— Казиль.

— Пусть войдет! — сказала принцесса и подумала: «Я помню его, он давал показания против Джорджа Малькольма...»

Через несколько минут появился Казиль, сопровождаемый слугой. Он был бледен и едва держался на ногах.

Принцесса Джелла, увидев Казилья, почувствовала к нему жалость.

— О, как ты бледен и слаб! — воскликнула она. — Тебе больно?

— Я потерял много крови...

— Кто ранил тебя?

— Англичанин во время нападения на дом Джона Малькольма.

— Ты был там? — с изумлением спросила Джелла.

— Да. Самид, доверявший мне, послал меня вперед. Я перелез через ограду и получил удар кинжалом от Стопа, камердинера Джорджа Малькольма.

— Ты пролил кровь за меня, и я вознагражу тебя! Но почему ты пришел ко мне?

— Я хотел просить у вас приюта и помощи...

— Ты получишь и то, и другое.

— О, благодарю вас! Благодарю... Вам, наверное, будет приятно слышать весть о том, что к вам едет уважаемый гость... Примерно в трех милях отсюда я обогнал пышную процессию. Толпа слуг и рабов окружала паланкин, в котором сидел убеленный сединами величественный старец.

— Кто же он? — спросила Джелла.

— Раджа Гидерабада, как мне сказали.

— Раджа Гидерабада! И он едет сюда, ко мне?

— Да. Один человек из его свиты спросил меня, как далеко находится ваш дворец.

Джелла повернулась к радже и Суниаси.

— Раджа Гидерабада! — воскликнула она. — Этот столетний старец, который как дикарь живет в уединении, ни с кем не видится и никого не принимает в своей берлоге среди гор, вздумал посетить меня? Удивительно, не правда ли?

— Действительно...

— До настоящего времени, — продолжала Джелла, — все наши старания привлечь раджу к святому делу богини Бовани были напрасны. Вам это хорошо известно.

— Что же изменилось? Каковы причины?.. — раздумывал Дургаль-Саиб вслух.

— В чем бы они ни заключались, дворец мой открыт для него. Разумеется, я приму его со всеми почестями. Джерид, — обратилась принцесса к слуге, — передай мое приказание всем быть готовыми к приезду высокого гостя и ворота открыть настежь!

Вдали послышались звуки труб.

— Торопись, Джерид, торопись! — сказала принцесса.

Слуга поспешно удалился. Казиль низко поклонился принцессе и вышел вслед за ним.

— Чем больше я раздумываю о визите раджи Гидерабада, тем больше он тревожит меня. Уж не явился ли он с целью объявить нам войну? Причины есть и всегда найдутся... — сказала Джелла.

— Это невозможно, — заметил Суниаси, — раджа человек очень опытный и хитрый, недаром его называют старой лисицей. Не исключено, что он теперь захочет примкнуть к нашему движению...

— И мне так думается, — сказал Дургаль-Саиб.

— Я верю предсказанию, — весело закончила Джелла. — Если мы заключим союз с ним, нам не страшно никакое сопротивление.

Звуки труб между тем приближались. Офицеры, рабы и женский отряд принцессы уже выстроились у восточных ворот и ждали прибытия гостей.

VI. РАДЖА ГИДЕРАБАДА

Кортеж въехал во двор, оглушая всех звуками труб.

Взорам присутствующих предстал великолепный паланкин с позолотой. Дойдя до ступеней лестницы, носильщики остановились и опустили его. Трубы умолкли, и раджа Гидерабада поднялся с шелковых, обшитых золотом подушек, на которых он возлежал.

Этот раджа, не будем томить читателей, был не кто иной, как Джордж Малькольм, так искусно загримированный и переодетый, что никто на свете, не исключая брата и невесты, не мог бы узнать его. Он принял вид старика — с бровями, почти закрывающими глаза, с длинной шелковистой бородой, обрамляющей лицо и спускающейся на грудь. Он шел сгорбившись, одетый в пышный костюм, сверкающий золотом и драгоценностями. Шел дряхлый старик, опершись на плечо негра и с большой медлительностью взбираясь по ступеням мраморной лестницы. Делая вид, что усердно поддерживает старика, негр — его роль играл Стоп — шепнул ему чуть слышно:

— По-моему, я вас испачкал своей черной краской.

— Никто этого не заметит. Ты молчи и не забывай, что нем от рождения.

— Увы! — вздохнул Стоп.

Они уже достигли половины лестницы. На верхней ступени стояла Джелла, окруженная свитой, в числе которой находился и раджа Дургаль-Саиб.

— Властитель Гидерабада! — обратилась к нему Джелла медленным и торжественным тоном. — Какая причина привела вас в мой дворец? Вы гость, вдвойне священный для меня! Ваше происхождение и преклонные лета дают вам право на двойное уважение. Я всецело предана вам.

Говоря это, Джелла сделала движение, будто хочет преклонить колени.

Но раджа не позволил ей осуществить свои намерения.

— Не преклоняйтесь передо мной, дочь моя, — сказал он измененным голосом. — Вы увенчаны не только знатностью происхождения, но и молодостью и красотой. Скорее мне надлежит преклоняться перед вами, но я дряхлый старик и не могу этого сделать.

— Благодарю вас, раджа, — проговорила Джелла, вводя старика в парадную гостиную, — приятно слышать ваши речи.

— Их приятно и произносить.

— Они служат доказательством вашей дружбы?

— А вы сомневались?

— Нисколько, — отозвалась Джелла. — Однако позвольте познакомить вас с моим гостем и другом раджей Дургаль-Саибом.

Дургаль-Саиб поклонился.

— Я много слышал о вас. В мой уединенный дом в горах залетают сведения и слухи. Ваше имя знаменито, и носите вы его с честью. Позвольте мне пожать вашу руку.

— Благодарю вас, раджа, — сказал Дургаль-Саиб, протягивая руку.

Между тем старец наклонился почти к уху принцессы и шепнул ей:

— У меня есть для вас важные известия. Но раджа Дургаль-Саиб не лишний здесь?

— У меня нет от него секретов. — И принцесса движением руки отпустила всех.

Не вышел только Стоп. Он неподвижно стоял возле господина.

— Этот человек немой, — сказал раджа. — Он при мне всегда.

Раджа и Дургаль-Саиб сели на софу. Джелла присоединилась к ним.

— Мы готовы выслушать вас, раджа.

«Ну, теперь настала решительная минута, — подумал Джордж, — нужно сбросить последнюю завесу с их тайн».

— Я давно собирался к вам, принцесса.

— Но сейчас вы здесь.

— Мне известно о деле, начатом вами, — продолжал Джордж, — я знаю его цель. Она состоит в истреблении всех англичан, до последнего человека, в пределах Индии... Не так ли?

— Вы правы.

— Вот видите, ваши планы мне известны... Но я был не с вами, потому что ваши враги были моими союзниками. Я знаю ваши тайны, и я мог разрушить их одним словом, мановением руки. Но было бы преступлением остановить ход истории, и я был простым зрителем, предоставляя богам решать все.

— А что случилось сейчас?

— Англичане оскорбили меня... Разрешите мне не рассказывать об этом подробно... И из союзника превратили меня в непримиримого врага. И теперь я готов вместе с вами уничтожать надменных англичан. Итак, раджа Гидерабада с вами.

— Бовани с нами!

— Теперь я готов предоставить для нашего общего дела своих подданных, мои богатства и мое имя. Святое дело найдет во мне твердую

опору. Мое золото, мое влияние и я сам с вами.

— Какой сегодня день! — воскликнула принцесса. — Две вести — и обе вести золотые! В Бенаресе появился посланник Бовани, и раджа Гидерабада присоединился к нам!

— Я все сказал. Теперь очередь за вами, принцесса. Что вы намерены совершить и что уже совершили? — Старец приготовился слушать.

VII. ИСПОВЕДЬ ДЖЕЛЛЫ

— Что я совершила? — горделиво начала Джелла. — Извольте, я скажу вам. Вся Индия ждет сигнала и по знаку моей руки восстанет. Это случится через два дня. Мой дед, умирая, завещал отцу и его детям дело освобождения Индии. Отец не успел... Но он передал мне в наследство свою ненависть, я прониклась ею, как и завещал мой отец. — Глаза принцессы загорелись, а бледное лицо озарилось восторженностью. — В течение последних пяти лет я работаю неустанно. И вот я стала центром мстителей. Я закалила борцов. Каждую ночь погибал хотя бы один англичанин, пораженный невидимой рукой.

...Джордж не мог преодолеть волнения, овладевшего им. Он знал, что рассказ Джеллы приближается к событию, которое ему известно, но которое было для него слишком ужасно. Джордж вздрогнул. К счастью, Джелла не заметила этого.

— Не далее как на прошлой неделе, — продолжала Джелла с энтузиазмом, — были убиты губернаторы Дели и Нагпура. Не прошло еще двух дней, как погиб безумец, рискнувший узнать наши тайны, Джон Малькольм, главный судья в Бенаресе...

Услышав эти слова, Джордж забыл об осторожности.

— О гнусные! — вскричал он, хватаясь за рукоятку своего кинжала.

— Вы о ком, раджа? — спросили в один голос Джелла и Дургаль-Саиб.

Но Джордж уже пришел в себя.

— О гнусные англичане, потомки презренного племени! — сказал Джордж, а сам подумал: «Вы, именно вы презренные убийцы моего отца».

— Что ж, давайте действовать вместе. Я все принесла в жертву ненависти к англичанам, — продолжала Джелла. — И буду верна себе... Не пройдет и часа, как вы еще узнаете кое-что...

Этот неясный намек сильно встревожил Джорджа. «Что она замышляет? — думал он. — Я боюсь этой женщины!»

Между тем открылась дверь и вошел Согор. Джелла сделала ему знак приблизиться.

Индуc повиновался.

— Что случилось?

— Идет Эдуард Малькольм. Я издали узнал его, через пять минут он будет здесь. Что прикажете делать?

— Принять его с глубоким уважением в эбеновой гостиной, я через минуту туда приду. Ты и еще двое других слуг — выбери сам — должны быть наготове, чтобы явиться по первому моему зову.

Согор вышел.

Принцесса повернулась к Джорджу.

— Раджа, — проговорила она. — Приехал чужестранец, которого я должна принять в интересах нашего святого дела. Простите, я оставляю вас... Я думаю, вы утомились. Вас проводят в предназначенные для вас апартаменты.

— Я стар, дочь моя, — ответил Джордж, — но боги придают мне бодрость и неутомимость. Мне хотелось бы пройтись по вашим садам, которые известны во всей Индии.

— Как вам будет угодно! — отвечала Джелла. — Раджа Дургаль-Саиб будет сопровождать вас.

— Я к вашим услугам, — проговорил Дургаль-Саиб.

— Через час я возвращусь, — продолжала принцесса, — и мы займемся приготовлениями к великому празднику.

Джордж подметил блеск в глазах Джеллы, и сердце его сжалось.

— Праздник сегодня вечером? — спросил он. — Вы, наверное, говорите о празднике мести?

— Вы не ошиблись! — воскликнула принцесса.

— Пойдемте, раджа, — сказал Дургаль-Саиб.

Джордж поплелся за ним, опираясь на плечо Стопа.

«Что же здесь должно произойти?» — думал он.

Едва гости удалились, как опять появился Согор.

— Эдуард Малькольм в эбеновой гостиной.

VIII. ЛОГОВО ТИГРИЦЫ

Согор ввел Эдуарда в комнату, получившую свое название от дерева, которым она была обита.

Эдуард был бледен, но твердость и решимость были в его глазах.

Отворилась дверь, и в комнату вошла Джелла. Она выглядела спокойной и улыбалась. Но улыбка ее была страшной. Эдуард учтиво поклонился Джелле, как светский человек кланяется при встрече с женщиной.

— Итак, вы здесь! — начала она.

— Неужели вы думали, что я испугаюсь и приму Аллахабад за тигриное логово?

— Да.

— И ошиблись. Ваш слуга передал мне записку, в которой вы изъявили желание рассказать о судьбе Марии и Эвы. Вы настаивали, чтобы я приехал один, и вот я стою перед вами в ожидании сообщений.

— Мария и Эва здесь.

Эдуард не дрогнул.

— Вы не удивляетесь?

— Ничуть. Я раскусил вас и считаю, что именно с вами связано и это преступление.

— Да, Мария и Эва у меня и никогда не выйдут отсюда. Я не выпущу их.

Эдуард вспыхнул. Кровь бросилась ему в голову. Он был готов взорваться от негодования. Но ему удалось взять себя в руки, даже придать спокойный тон своему хриплому от волнения голосу.

— Не шутите этим! Мы с вами в Индии, но не в джунглях, принцесса. Вы похитили двух девушек! Как будто вы имеете на это право. Ведь есть же хоть какие-нибудь законы в вашей стране! Вы обязаны их отпустить.

— И не подумаю! — отвечала Джелла.

— Зачем вы меня позвали?

— Чтобы расквитаться и с вами!

— В чем же моя вина перед вами?

— Вы забыли, но я помню. Принцесса Джелла не прощает оскорблений. Вы выгнали меня из вашего дома.

— А в чем виноваты моя невеста и ее сестра?

— Вчера вы унизили меня, сегодня я разобью вашу любовь.

— Ох, берегитесь! — воскликнул разгневанный Эдуард.

— Чего мне бояться, нельзя ли узнать?

— Меня, моих свидетельств, они раскроют все ваши позорные поступки!

— Вы сошли с ума, Эдуард Малькольм!

— Неужели вы думаете устрашить меня своим бесстыдством? Я требую немедленно возвратить молодых девушек, иначе я найду способ заставить вас сделать это!

— Осмелюсь полюбопытствовать, — усмехнулась Джелла, — какими путями вы собираетесь достигнуть подобного результата?

— Если мои просьбы и убеждения окажутся напрасными, я прибегну к насилию.

— К насилию! — повторила Джелла пренебрежительно. — Я почти испугалась. Ваша фантазия витает где-то во временах рыцарских романов, и вы, видимо, считаете себя одним из их героев. Уж не думаете ли вы, безумец, один-одинешенек овладеть моим дворцом, подобно богатырю древних времен? Тогда я напомню вам, Эдуард: вы — мой пленник!

— Вот как! Тем хуже для вас, принцесса!

На Эдуарде был охотничий костюм, на поясе которого висел кинжал с серебряной рукояткой. Насмешки Джеллы возбудили Эдуарда, привели в бешенство. Он, не помня себя, выхватил кинжал и бросился на нее.

Но Джелла предусмотрела такое развитие событий.

— Ко мне, Согор!

Дверь распахнулась, и три индуса мгновенно бросились на Эдуарда и схватили его, несмотря на отчаянное сопротивление.

Эдуард тщетно звал на помощь.

— Никто не придет! — зло заметила Джелла.

— Принцесса Джелла! — сказал уже связанный Эдуард, выпрямляясь. — Я проклинаю вас за этот подлый поступок.

— Вы побеждены!

— Бог отомстит за меня, если людям не удастся сделать это.

— Посмотрим! Согор, ты отвечаешь головой за этого пленника!

— Ему не удастся убежать! — заметил Согор, указывая на веревки, которыми были опутаны ноги Эдуарда.

— Веревки крепкие, но я приказываю тебе ни на секунду не спускать с него глаз. При попытке сбежать убей его!

— Слушаю, госпожа.

Джелла пошла было к двери, но потом остановилась.

— Эдуард Малькольм, — проговорила она, — вчера вы выгнали меня,

и я сказала вам не «прощайте», а «до свидания», теперь я повторяю то же самое.

И она вышла из гостиной.

«Я обещала праздник радже Гидерабада. Он удался, и очень скоро», — подумала Джелла.

IX. ОБЕЩАННЫЙ ПРАЗДНИК

Стемнело. Принцесса угостила своего гостя прекрасным ужином и проводила на террасу, чтобы предложить шербет и ароматический табак.

Джордж хорошо играл свою роль. Ни Джелла, ни Дургаль-Саиб не могли подозревать, что их обманывают с редким искусством и дерзостью.

На террасе толпилось множество офицеров, прислуги и даже простолюдинов, которых привлекло любопытство.

Джордж Малькольм, принцесса и Дургаль-Саиб молча, почти неподвижно возлежали на мягких подушках. Мужчины курили. Принцесса была чем-то озабочена. В нескольких шагах от хозяина стоял Стоп в одежде из белой материи, неподвижный как статуя.

Неожиданно раздался крик совы. По-видимому, это был условный сигнал, указывающий на то, что все приказания принцессы исполнены, потому что, приподнявшись на одном локте, она проговорила, обращаясь к страже:

— Не задерживайте народ, впустите всех!

Стража посторонилась, и люди хлынули к террасе.

— Послушайте меня, дети Бовани, я скажу вам очень важное...

Все замолчали.

— В Бенаресе появился таинственный посланник богини Бовани...

Толпа заколыхалась, раздались радостные крики:

— Посланник богини!

— Богиня передала свое покрывало и кольцо тому, кто приведет нас к победе... Завтра ночью, — продолжала Джелла, — в то время, когда звезда Кали засияет в небе, мы соберемся на кладбище слонов, около Шивы, грозного бога зла.

— Мы будем там! — ответил голос из толпы.

— Там наши братья получают последние указания по восстанию, — закончила Джелла.

— Все должны их исполнить! — послышался голос Суниаси.

Толпа зашумела, однако Джелла движением руки заставила ее замолчать.

— Кроме того, — сказала принцесса, — покровительство Бовани заключается еще и в том, что самый могущественный и знаменитый из государей Индии раджа Гидерабада присоединился к нам и сейчас находится у меня в гостях. Чтобы отблагодарить богиню за благодеяния,

надо принести ей жертвы: вот одна из них, а остальных приведут.

И она кивнула Согору, который стоял в толпе в первом ряду.

Согор в свою очередь отдал приказания, и народ, расступившись, увидел Эдуарда Малькольма, связанного по рукам и ногам.

Джордж поднялся. Он не мог вынести этого зрелища. Холодные капли пота выступили у него на лбу. Он сделал отчаянное усилие, чтобы не вскрикнуть и остаться по-прежнему невозмутимым.

— Теперь пусть приведут пленниц! — распорядилась Джелла.

«Неужели это они... — думал Джордж. — О боже!»

Ожидание длилось недолго. На террасе появился слуга, он вел Марию и Эву.

Увидев молодых девушек, Эдуард глухо вскрикнул и стал пытаться разорвать веревки, восклицая:

— Эва! Мария!

Эва закричала от ужаса.

— Это Эдуард! Боже!

Сестры кинулись к нему, но их остановил двойной ряд кинжалов.

Эдуард был вне себя от бешенства.

— Подлецы! Мерзавцы! — кричал он. — Да поразит вас гнев Божий!

Джордж Малькольм встал, медленно подошел к Эдуарду и, подняв кинжал, прошептал:

— Молчи, брат... — А потом громко крикнул: — Молчать, презренный!

Слуги помогли Джорджу вернуться на свое место рядом с Джеллой и Дургаль-Саибом.

В это время Эва умоляла стражу пропустить ее к Эдуарду.

— Сжальтесь надо мной! Пустите! Эдуард зовет меня! Что вы хотите с нами сделать?

— Вы сейчас узнаете! — сказала Джелла.

Она сделала шаг по направлению к девушкам и, указывая на черный мраморный памятник под кипарисами, проговорила:

— Согор, открой гробницу!

Толпа в страхе замолчала, услышав это приказание.

— Когда я даю обещание, я всегда выполняю его, — продолжала Джелла. — Дургаль-Саиб, возьмите себе одну из девушек, а вторая будет замурована в гробнице!

— В гробнице! — повторили в ужасе индусы.

«Что делать? — думал Джордж. — Это преступило всякие границы... Что же делать?»

— О боже! — плакала Эва. — Это ужасно! Ужасно!

Мария обняла Эву и прошептала:

— Милая, дорогая сестра, ничто не разлучит нас!

Эдуард напрасно старался разорвать веревки, они не поддавались, и лишь кровь брызнула из истерзанных рук.

В это время Согор отпер бронзовую дверь гробницы. Луна освещала место экзекуции.

— Да исполнится воля богини и мое приказание! — воскликнула Джелла торжественным голосом.

Мария рванулась вперед и, отстранив слуг, в отчаянии бросилась к ногам принцессы.

— Пощадите сестру, — умоляла она. — Эва ни в чем не виновата перед вами! Помилуйте ее!

— Мария! — гордо крикнула Эва. — Я запрещаю тебе просить что-либо у этой женщины!

Мария слышала слова сестры, но продолжала:

— Я умоляю вас, принцесса, как молила бы всемогущего Бога! Пощадите ее! Не за себя прошу. Если вам необходима жертва, то лучше возьмите меня.

Она вернулась к Эве и обняла ее.

Согор уже был на террасе. Принцесса знаком подозвала его к себе.

— Немедленно разлучи их, — проговорила она, указывая на сестер.

Х. УДАР ГРОМА

Согор схватил Эву за руку и, оторвав от Марии, потащил к гробнице, не обращая внимания на ее крики.

— Эва, Эва! — плакала Мария в отчаянии, вырываясь из рук державших ее слуг.

— Прощайте, мои дорогие! — крикнула Эва. — Мы встретимся на небе! — Бронзовая дверь с шумом захлопнулась за несчастной жертвой.

— Милая Эва! — прошептала Мария и без сознания упала на руки окружавших ее индусов.

В это время кто-то тихо тронул Джорджа за локоть. Он обернулся и увидел Казилу.

— Что делать, господин? — чуть слышно спросил Казиль.

— Ждать... — отвечал Джордж.

— Джерид! — позвала принцесса. — Прикажи принести паланкин. Пусть отнесут эту девушку к радже Дургаль-Саибу.

— Слушаю, — ответил Джерид и ушел исполнять ее приказание. Но вскоре вернулся с бледным, расстроенным лицом.

— Повелительница, — обратился он к Джелле.

— Что случилось, Джерид?

— Мне нужно сказать вам кое-что. Только вы одна должны знать об этом.

Джелла отошла в сторону, приказав Джериду следовать за собой.

— Говори! — приказала принцесса, когда они удалились на значительное расстояние. Джерид что-то шепнул ей. Недоверие и смущение отразились на лице принцессы.

— Не может быть! — вскричала она. — Я не верю этому!

— Человек из его свиты все открыл мне, поклявшись именем Бовани.

А кто же осмелится произносить ложную клятву?

— Не уходи далеко, будь каждую минуту наготове.

Слуга поклонился.

Согор между тем запер бронзовую дверь гробницы и уже поднимался на террасу.

— Госпожа, — сказал он Джелле, но она, все еще растерянная, не слышала Согора. — Госпожа, — повторил он, — вот ключ.

— Да, да... Суниаси, — позвала принцесса, — вы спрашивали богов, согласны ли они принять нашу жертву? Я отдаю ключ от гробницы в ваши

руки.

Суниаси поспешно схватил ключ от гробницы, что свидетельствовало о его готовности бдительно охранять ее.

Джелла сделала несколько шагов к Эдуарду.

— Такова моя месть, Эдуард Малькольм, — проговорила она с насмешкой. — Что вы на это скажете?

Эдуард поднял голову и глухо проговорил:

— Наказание не за горами!

Принцесса вздрогнула: ей показались эти слова пророческими. Но ее слабость продолжалась мгновение, она переломила себя и сказала:

— Наказание! Не далее как завтра ты получишь его, мои рабы не пощадят тебя.

— Завтрашний день еще не настал, принцесса, и он от вас не зависит. Бог совершит то, что Ему будет угодно...

Джелла перебила его.

— Уведите этого человека и бросьте в подземелье, — приказала она.

Приказание тотчас же выполнили.

«Теперь займемся вами... раджа Гидерабада», — подумала она, возвращаясь к Джорджу, который сидел рядом с Дургаль-Саибом безмолвно и внешне спокойно.

— Раджа, — обратилась к нему Джелла и пристально стала смотреть в глаза, — довольны ли вы обещанным мной праздником мести?

— Он вполне достоин вас, дочь моя, а этим все сказано, — отвечал раджа.

«О боги! Это Джордж Малькольм! Он жив, и он опять обманул меня!..»

— Теперь вы узнали меня на деле, раджа Гидерабада, — сказала Джелла, и голос ее дрогнул.

— Я понимаю вас, как самого себя.

— И остаетесь моим союзником?

— Разумеется.

— И вы подобно мне поклоняетесь Бовани?

— Почему вы об этом спрашиваете? — Джордж уже понял, что разоблачен.

— И вы будете просить ее истребить гнусных англичан и уничтожить Ост-Индскую компанию?

— Обещаю вам, и да услышит меня богиня!

— Она услышала вас. Ваше желание исполнится. Ост-Индская компания будет уничтожена, и первый англичанин, кровь которого

прольется...

Джелла остановилась и, возвысив голос, договорила:

— Будешь ты, Джордж Малькольм!

Это имя, громко произнесенное, пронеслось по толпе громовым раскатом.

Джордж выхватил кинжал, но был схвачен Джеридом и Согором. Индусы окружили его, лишая возможности защищаться. Скоро он был обезоружен.

Стоп растерянно жался к толпе.

— Это его сообщник, — проговорила Джелла. — Свяжите и его!

Затем она обратилась к Джорджу, и в ее голосе была грусть, а не торжество:

— Теперь все вы в моих руках... Ах, Джордж Малькольм, я же говорила, что из моих рук вам не вырваться. Вы сами выбрали себе смерть. И умрете вместе с Эвой, а не с Марией... Дургаль-Саиб, — позвала она раджу, — садитесь на коня и мчитесь в свой дворец. Там вы найдете вашу возлюбленную Марию, мчитесь быстрее ветра и постарайтесь доказать свою любовь бывшей невесте Джорджа Малькольма!

— Я мчусь, принцесса! — Раджа схватил ее руки, целуя их.

«Господь покинул меня!» — подумал Джордж. Его уже тащили к мраморной гробнице. И две скупые слезы скатились по его щекам, а голова склонилась на грудь.

XI. В ГРОБНИЦЕ

Ночь подходила к концу, и на востоке уже протянулась серебристая полоса — предвестник наступающего утра. Громадный дворец Аллахабада спал, тишина царила в садах принцессы Джеллы. Только в одном месте двора можно было различить силуэты людей вокруг жаровни с горячими углями, на ступенях, ведущих в гробницу, служившую тюрьмой для Джорджа Малькольма и Эвы Бюртель. Красноватый свет от раскаленных углей отражался на лицах Суниаси и нескольких браминов.

Теперь мы попросим читателей мысленно переступить через порог темницы. Она представляла собой продолговатую комнату со сводами, вход в нее закрывался, как уже известно, бронзовой дверью. В середине гробницы был расположен саркофаг из красного мрамора, возле которого в наклонном положении стояла мраморная плита, усеянная странными знаками и иероглифами, а рядом с ней — медная лампа, излучавшая унылый беловатый свет.

Эва, рыдая, сидела в углу. Ее волосы были распущены, одежда в беспорядке. Возле нее стоял Джордж, все еще в костюме раджи, но без парика и накладной бороды. Он прислонился к стене, будто не доверяя ногам.

Время от времени его взор, исполненный жалости и сострадания, скользил по лицу Эвы.

А Эва стала на колени и начала горячо молиться. Эта молитва прерывалась душившими ее рыданиями.

Джордж положил руку ей на плечо и проговорил:

— Молитесь, Эва, молитесь! Молитва наполнит ваше сердце надеждой. — А сам подумал: «О спасении нам и мечтать нельзя. Нас ожидает смерть, бронзовая дверь закрылась за нами навсегда. Как ужасно, как горько, как тяжело умирать, когда ничего не можешь сделать для своего спасения. И какая смерть! Без славы, без боя. Казиль... Один Казиль остался там... Но как он сможет помочь? Предупредить лорда Сингльтона? Успеет ли? Со мной сокровища из храма Бовани — покрывало и кольцо, я не успел даже воспользоваться ими».

Пока Джордж задавал себе эти вопросы, Эва попробовала приподняться.

— Джордж, — еле прошептала она, — я вся горю. Силы покидают меня, я чувствую, что моя смерть недалеко.

— Не думайте об этом, дорогая Эва, умоляю вас. Могущество Бога неизмеримо, надейтесь! Ободрите себя мыслью, что спасение близко. Будьте тверды!

— Нет! Нет... Я чувствую, что умираю, что-то жжет меня...

Теперь Джордж поддался безудержному гневу.

— Быть заживо похороненным! — вскричал он. — Я не могу выбить эту дверь, чтобы спасти от смерти Эву, спасти брата, избавить мою Марию от Дургаль-Саиба! О ужас! Есть от чего сойти с ума!

Молодая девушка заметалась в страшных страданиях.

— Джордж, Джордж! — едва слышно сказала она. — Мое сердце останавливается. Воздуха!

Джордж закрыл лицо руками.

— Как тяжело видеть все это, когда не в состоянии помочь...

...Суниаси, сидя на ступенях среди браминов, говорил им:

— Утренняя звезда бледнеет на небосклоне, начинается новый день. Подбросьте ароматов в жертвенник. Огонь, зажженный в честь Бовани, должен погаснуть только вместе с жизнью жертв, принесенных ей.

Один из браминов насыпал на угли какой-то порошок, и из жаровни поднялись беловатые облака ароматного дыма.

— Теперь помолимся, — сказал Суниаси, преклоня колени и воздымая руки к небу.

Брамины тотчас последовали его примеру. Суниаси медленно, замогильным голосом стал читать заклинание. Брамины вторили ему.

В это время со ступеней дворцовой лестницы спустилась белая фигура, сопровождаемая четырьмя людьми в черном.

— Кто идет? — спросил Суниаси.

— Принцесса Джелла! — раздалось в ответ.

Она шла в сопровождении индусов и Казиля. Эти индусы были отобраны из последователей Бовани на роль убийц англичан.

Джелла подошла к гробнице, Суниаси и брамины почтительно поклонились ей.

— Когда умрут жертвы? — спросила Джелла.

— На третий день, — ответил Суниаси.

— Только на третий! Это чересчур долго! — проговорила принцесса.

XII. ПОКРЫВАЛО БОВАНИ

— Да, слишком долго! — прошептала еще раз принцесса, приближаясь к бронзовой двери.

— Чего хочет принцесса? — спросил Суниаси.

— Надо покончить с ними! Я получила извещение из Бенареса. Там требуется мое присутствие. Я поеду туда и останусь до вечера, чтобы отправиться потом на кладбище слонов. Смерть неизбежна, а потому лучше, если все это произойдет быстрее, сегодня!

— Повинуюсь, госпожа, — отвечал Суниаси, — я исполню вашу волю.

«Да защитит нас Бог христиан, — умолял Казиль. — Что еще она прикажет?»

— Приказывайте! — сказал Суниаси. — Мы исполним ваши повеления.

— Пленники отданы в жертву Бовани, и вот ее воля: когда моя карета окажется за пределами моих владений, к вам придет мой посланец и скажет: богиня ждет!

— И тогда? — спросил Суниаси.

— Тогда, — промолвила принцесса, указывая на сопровождавших ее индусов, — тогда они войдут в гробницу и покончат с жертвами.

— Воля богини всегда найдет в нас исполнителей, — отвечал Суниаси.

— Казиль, — проговорила принцесса, — кинжал англичан пролил твою кровь при нападении на дом Джона Малькольма. За это ты сам сможешь отомстить. Услышав сигнал, ты проведешь тугов в темницу Эдуарда Малькольма.

— Благодарю, принцесса.

— А вы, презренные, — продолжала Джелла, протягивая руки к гробнице, — будете первыми принесены в жертву... Суниаси, завтра в полночь мы увидимся на кладбище слонов. До свидания!

— Я приду вместе с братьями, — отвечал Суниаси.

Джелла удалилась.

— Джордж, — вдруг сказала Эва твердым голосом, — давайте молиться, чтобы Бог прекратил наши страдания и взял нас к Себе.

— Вы женщина... Вы еще можете молиться, а я... Я могу только проклинать!

— О, не грешите, друг мой, брат мой! Вы только что уговаривали меня надеяться... Что с вами случилось?

Джордж опустился на плиту саркофага и закрыл лицо руками.
Прошло около получаса. Послышался шум приближающихся шагов.

— Кто идет? — спросил Суниаси.

К нему подошел индус и сказал:

— Суниаси, принцесса приказала передать: богиня ждет.

Суниаси обратился к убийцам:

— Идите и исполняйте свой долг.

Он поднялся по ступеням лестницы, подошел к двери и вложил ключ в замочную скважину.

— Я слышу звук открывающегося замка, — прошептал Джордж. — Да, я не ошибся. Сюда идут!

Внезапно его осенило. Он указал Эве на красную мраморную плиту:

— Скорее ложитесь!

Молодая девушка бессознательно выполнила требование Джорджа. А он стремительно извлек священное покрывало, похищенное в храме Бовани, которое хранил у себя на груди под одеждой, накрыл Эву, а сам скрылся за плитой. В ту же минуту дверь отворилась, и Суниаси произнес:

— Входите и поражайте!

Туги с веревками вошли в гробницу и медленно, с опаской двинулись вперед. Позади них шел Суниаси с факелом в руках. Вдруг все они попятнулись, и на их лицах появилось выражение страха и удивления.

— Встаньте и идите! — тихо приказал Джордж Эве.

Молодая девушка с наброшенным на нее покрывалом встала и сделала шаг вперед.

Индусы упали на колени.

— Покрывало Бовани! — вскричал Суниаси.

Из-за плиты появился Джордж. Он взял Эву на руки, сказав:

— Да, покрывало Бовани. И помните: первый, кто выдаст тайну здесь происходящего, будет поражен громоносной рукой богини!

— Мы будем молчать! — ответил растерявшийся Суниаси.

Джордж с Эвой вышел из гробницы. Стража лежала на земле. Джордж спустился в сад, и Казиль встретил его.

— Да будет прославлено имя Бога христиан, — прошептал он. — Я с вами, господин. Нельзя терять ни минуты. Только спасем мистера Эдуарда и Стопа.

Понятно, что стража, охранявшая Эдуарда, была не менее суеверна. Действие священного покрывала было неотразимым. Эдуард вышел на свободу и, увидев Эву живой, не мог скрыть своей безумной радости.

— Теперь мы должны спасти Марию! — воскликнул Джордж. — Где

лошади?

— Недалеко отсюда, за решеткой парка, господин, — отвечал Казиль.

— Сколько времени нам нужно, чтобы добраться до дворца Дургаль-Саиба?

— Примерно два часа.

— Поспешим...

— Я с тобой, брат! — воскликнул Эдуард.

— Нет. Тебе нужно спешить в Бенарес и отвезти Эву во дворец лорда Сингльтона. Стоп будет с тобой... Кроме того, жизнь наших соотечественников и самой Ост-Индской компании теперь в твоих руках. Скажи губернатору, что завтра ночью на кладбище слонов принцесса Джелла даст сигнал ко всеобщему побоищу. Понимаешь ли ты, Эдуард, насколько важно твое присутствие в Бенаресе?

— Я понимаю...

Этот разговор происходил между братьями, пока они шли к деревьям, у которых стояли лошади.

Джордж помог Эве сесть в седло. Мужчины не заставили себя долго ждать.

— Я с вами, господин, — сказал Казиль, — эта местность вам незнакома, а я проведу вас кратчайшей дорогой. Ваше лицо все еще покрыто темной краской, так что трудно не принять вас за индуса.

Джордж поблагодарил Казиля.

— Прощай, брат, — грустно сказал Эдуард.

И они разъехались. Эдуард с Эвой поскакали к Бенаресу, а Джордж с Казилем — во дворец раджи Дургаль-Саиба.

Наступил новый день.

XIII. ВО ДВОРЦЕ ДУРГАЛЬ-САИБА

Казиль верно определил расстояние. Через два часа путники увидели красные стены и куполообразную крышу дворца Дургаль-Саиба. Хотя по великолепию и величине он уступал аллахабадскому, но все же был роскошен и выглядел по-царски.

— Вот мы и у цели, господин, — проговорил Казиль, протягивая руку к зданию, величественно возвышавшемуся перед ними.

Джордж остановил своего скакуна, покрытого пеной и с окровавленными от ударов шпор боками.

— Нам надо подумать, — проговорил он, — как войти во дворец незамеченными.

Казиль сказал:

— Сейчас мы привяжем наших лошадей и оставим их под деревьями. Я отправлюсь вперед, а вы подождите некоторое время меня здесь, господин.

— Как, ты хочешь пойти один?

— Среди прислуги у раджи находится и мой двоюродный брат. Я отыщу его и обо всем расспрошу. Может быть, мне удастся найти возможность тайно ввести вас во дворец. Вам следует положиться на меня, господин, иначе ничего не выйдет.

— Хорошо, ступай. Но скорее возвращайся. Каждая минута промедления влечет за собой опасность хуже смерти!

А мы войдем во дворец Дургаль-Саиба, в его гарем. Это широкий зал, причудливо украшенный в восточном стиле, с мягкими диванами вокруг трех стен. Четвертая сторона образует две арки, выходящие во двор и к купальне.

К аркам подвешены тяжелые занавеси, гармонирующие с мебелью. В данный момент занавеси отдернуты и виднеется часть двора. Он вымощен розовым гранитом и со всех сторон огорожен. В середине двора — бассейн из белого мрамора. Бассейн весьма просторный и служит купальней обитательницам гарема.

В середине зала — круглый стол с золотыми насечками и перламутровыми украшениями.

Дургаль-Саиб ходил взад-вперед быстрыми шагами, и на его лице отражались пороки низкой души: гнев и сладострастие. Гордость надменного раджи была уязвлена сопротивлением молодой девушки до

такой степени, что его любовь могла уже перейти в ненависть.

Как будто решившись на что-то, он позвонил.

«Попытаюсь в последний раз, — подумал он, — и если мне это не удастся, я не остановлюсь ни перед чем».

Вошел евнух.

— Кто охраняет молодую девушку, привезенную сюда вчера?

— При ней Айеша, повелитель, — робко и с подобострастием отвечал евнух.

— Позови ее сюда, а сам стереги пленницу, да не забудь, что, если она убежит, ты околеешь от ударов палками.

Евнух удалился.

Через несколько минут в зал вошла старуха с сухим, сморщенным лицом, но с подкрашенными щеками и бровями. Войдя, она бросилась к ногам раджи, стараясь поцеловать их.

— Встань, Айеша, и отвечай, — сказал Дургаль-Саиб. — Но говори только правду.

— Спрашивайте, повелитель. Боги запрещают лгать!

— Что делает молодая девушка?

— Плачет.

— Неужели ты не можешь ее утешить?

— Я утешала ее, как могла, повелитель. И если бы вы слышали, как я это делала, вы остались бы довольны мной.

— И что же она отвечала?

— Она молчит.

— Ты говорила с ней по-английски?

— Да. Но чем больше я ее утешала, тем сильнее она рыдала.

— Она хоть что-нибудь ест?

— Ни к чему не прикасается.

— Но ведь она умрет, — нервно проговорил раджа, — если не будет пить и есть.

— Мне кажется, этого она и добивается, повелитель.

XIV. МАРИЯ

— Она хочет умереть! — прошептал раджа.

— К несчастью, дело обстоит именно так.

— Она говорила об этом?

— Нет, но она призывает смерть каждую минуту.

«Нечего делать, — подумал раджа, — решусь на последнюю попытку. Но горе Марии, если она окажет сопротивление!»

— Ступай и приведи ее сюда. И оставь меня с ней наедине. А сначала пришли сюда Минду.

Айеша удалилась, чтобы выполнить приказание раджи.

Тут же появилась Минда, служанка.

— Что прикажете, повелитель? — спросила она.

— Вот тебе ключ от шкафа в моей комнате. Там стоит серебряный флакон, позолоченный поднос и стакан. Принеси все это сюда. Если ты увидишь, что я не один, спрячься за занавеской. А когда я позвоню, подойти ко мне с подносом.

Едва Минда ушла, как отворилась дверь и в зал вошли Айеша с Марией. Старуха тотчас же удалилась.

Мария сильно изменилась за эти сутки, но красота ее все равно была ослепительной. Чудные глаза горели огнем, на длинных ресницах дрожали слезы, медленно скатываясь одна за другой.

При виде Дургаль-Саиба она не испугалась, но лицо ее побелело от гнева и презрения. Она шагнула к радже и проговорила:

— Что вам угодно? Неужели вам не надоело терзать бедную девушку, ничем не провинившуюся перед вами? Это бесчестно, это подло!

— Разве повторять вам уверения в моей любви — это значит терзать вас, Мария?

— Разумеется, потому что ваша любовь для меня равносильна оскорблению. Ведь я не могу разделить ее, не сделавшись самым презренным, самым низким существом.

— Вы не хотите понять моей страсти, Мария!

— И не хочу понимать.

— О, если бы вы знали...

— Не желаю знать.

— Выслушайте меня...

— Не хочу и слушать.

Дургаль-Саиб гневно топнул ногой.

— Однако я буду говорить, и, хотите вы или нет, мои слова достигнут вашего слуха. Я слышал от вас много обвинений в жестокости, Мария, но разве вы не топчете ногами мое сердце? Разве я виноват, что мое сердце пылает любовью к вам? Во всем виновата ваша ослепительная красота. Вина моя только в том, что я не слеп. Вы говорите о позоре. Но разве позор разделить имя, почет, богатство и власть со знатным раджей?

— Я отказываюсь, и так будет всегда.

— Вы недоверчивы, Мария, и мои искренние чувства принимаете за обман. Я согласен связать свою судьбу с вашей по всем обрядам вашей веры на всю жизнь. Ваша религия не разрешает многоженства, и я по одному вашему слову отошлю всех женщин своего гарема. Вы видите, Мария, что моя любовь непритворна... Я не лицемерю, когда говорю, что горю желанием назвать вас моей единственной женой.

— Вы же знаете, что это невозможно! — возразила Мария.

— Почему?

— Потому что мое сердце принадлежит Джорджу Малькольму.

— Он умер!

— От вашей руки, не так ли?

— Какая разница? Соперник устранен!

— Если Джордж Малькольм жив — я его невеста, если он мертв — я его вдова! — пылко проговорила Мария.

— Не надо в ваши годы хоронить сердце: оно еще оживится, и вы его отдадите мне.

Мария пожала плечами.

— Я не умею превращать ненависть в любовь.

Эти слова привели раджу в негодование. Лицо его покраснело, он выпрямился и прокричал хриплым, дрожащим от гнева голосом:

— Ты пренебрегаешь мной, безумная, берегись!

— Я не боюсь вас, — проговорила Мария, — меня охраняет Бог.

— Ты забываешь, что находишься в моих руках!

— Нет, я помню об этом. Но вы находитесь в руках Божьих.

— Я умоляю тебя, в то время когда могу приказывать! — закричал он. — Я унижаюсь... остерегайтесь, Мария.

— Чего мне бояться, раджа? Вы можете меня убить, но любви вы от меня не добьетесь!

— Да, я убью вас, если вы будете и дальше сопротивляться!

— Ну так убейте! Смерть станет для меня благодеянием. Я буду благословлять вас, Дургаль-Саиб. Смерть соединит меня с Джорджем.

Раджа был ошеломлен. Однако, оправившись, он спросил:

— Значит, между моей любовью и смертью вы выбираете...

— Смерть! — отвечала молодая девушка. — Поверьте, я на самом деле готова к этому.

— Так пусть исполнится ваше желание!

Мария начала мысленно молиться, ожидая, что Дургаль-Саиб поразит ее кинжалом, находящимся у него за поясом. Но ее ожидания не сбылись. Раджа приблизился к столу и позвонил. Занавеси распахнулись, и вошла Минда с подносом в руках.

— Поставь все это на стол и удались.

Служанка выполнила приказание.

Раджа пристально взглянул на Марию, и она выдержала этот взгляд. Поэтому он прямо приступил к делу. Приблизившись к столу, раджа наполнил стакан жидкостью из флакона.

— Выпейте это! — обратился он к Марии.

— Это яд? — спросила она.

— Да, но вы можете еще подумать... Приказывайте, и ваша жизнь станет счастливой.

Мария взяла стакан и залпом осушила его.

— Я теперь свободна! — с торжеством сказала она, бросив стакан к ногам Дургаль-Саиба. — Вы убили меня, убили моего жениха... Будьте прокляты, Дургаль-Саиб!

XV. НАПИТОК

Прошло несколько секунд. Марии казалось, что ее сердце замирает и смертельный холод охватывает тело. Дургаль-Саиб внимательно смотрел на нее, и его губы временами кривились от насмешки.

— Вы отравляете мои последние минуты! Не смотрите на меня так, дайте мне умереть спокойно, — умоляла Мария.

— Умереть! — с насмешкой сказал раджа. — Вы считаете, что умрете? Полноте!

— Я не могу понять, что со мной. Я слышу вас, но ничего не понимаю. Что вы сказали?

— Желая умереть, вы попали в расставленную мной ловушку.

— Что же еще? — спросила Мария с ужасом.

— Искусно приготовленная ловушка. Вы выпили не яд. Этот напиток вызывает бессилие. Душевное бессилие! Пройдет еще несколько минут, и вы в полной памяти и рассудке будете принадлежать мне, совершенно не сопротивляясь. Ваша ненависть не поможет вам, и вы даже без какого-либо насилия с моей стороны будете моей. Думаете ли вы о сопротивлении, гордая девушка?

Мария вскрикнула, пораженная услышанным. Она была в отчаянии. Затем попробовала не верить происходящему, бороться против непреодолимого, бежать без оглядки.

Раджа не противился ее попыткам, он был уверен в себе.

И в самом деле, Мария не сделала и двух шагов, как остановилась. Ей показалось, что мраморные плиты пола ускользают из-под ног. Она все еще боролась с собой, но страшное физическое и нравственное оцепенение, предсказанное Дургаль-Саибом, овладело ею. Руки ее как плети опустились вдоль тела, глаза стали неподвижными.

Она перестала думать. Она превратилась в какую-то статую из плоти и крови.

Раджа с выражением торжества на лице взял Марию на руки и положил ее на диван. Мария не произносила ни слова и не оказывала никакого сопротивления.

Если бы из ее глаз не текли слезы, ее можно было бы принять за мертвую.

Дургаль-Саиб сделал шаг назад и, бросив на жертву взгляд, полный сладострастия, сказал:

— Теперь ты моя, Мария Бюртель, и ни боги, ни люди не вырвут тебя из моих объятий!

— Лжешь, Дургаль-Саиб! — раздался голос, и в комнату ворвался Джордж Малькольм с кинжалом за поясом и револьвером в руке.

Дургаль-Саиб остолбенел.

— Джордж Малькольм!

— Да, Джордж Малькольм, и он вырвет из твоих рук жертву!

— Или сам станет жертвой! — закричал раджа. — Ты ворвался в мой дворец и погибнешь здесь, Джордж Малькольм!

Дургаль-Саиб уже хотел было позвонить, но Джордж прицелился в него, сказав:

— Малейшее движение с твоей стороны, и я буду стрелять. Ты будешь мертв прежде, чем кто-либо войдет сюда.

Рука раджи опустилась.

— Так-то лучше! — заметил Джордж.

— Вы хотите моей смерти...

— Вы сами не верите в это, — перебил его Джордж. — Убийства могут совершать только такие твари, как принцесса Джелла и раджа Дургаль-Саиб. Я пришел за Марией Бюртель.

— Я добровольно не отдам ее.

— Тем лучше. Мне давно хочется посмотреть на цвет вашей крови. Защищайтесь!

Сказав это, Джордж заткнул за пояс револьвер, вынул кинжал и подождал, когда раджа возьмет свой. Бой был непродолжительным, но ужасным. Оба противника были молоды, сильны, ловки, оба были охвачены ненавистью. Удары блестяще парировались с обеих сторон. Но вдруг в уме раджи мелькнула коварная мысль: выхватить из-за пояса Джорджа револьвер и выстрелить ему в лицо. И хотя все это раджа совершил очень быстро, Джордж успел заметить выпад раджи и вовремя отклонился. Пуля пролетела мимо, а порох слегка опалил его волосы.

— Мерзавец! — воскликнул Джордж. И поразил Дургаль-Саиба кинжалом прямо в сердце.

Раджа упал, но даже в предсмертной агонии злобная улыбка появилась на его лице:

— Я умру... но тебе отомстят... ты тоже погибнешь, Джордж Малькольм!

Звук выстрела поднял тревогу во всем доме. Послышался шум шагов и людской говор. Через минуту слуги могли ворваться в зал и покончить с убийцей хозяина. На это и рассчитывал Дургаль-Саиб, только что

испустивший дух.

И хотя подобная развязка была весьма вероятной, Джордж продолжал оставаться спокойным, вроде ничего и не произошло.

Но вот толпа слуг и рабов ворвалась в зал и переполнила его.

Увидев смуглого, богато одетого незнакомца возле плавающего в крови господина, люди закричали, потом раздались угрозы и сверкнули кинжалы.

Хладнокровие не покидало Джорджа. Он взял на руки Марию и направился прямо на толпу, протянув вперед руку, на одном из пальцев которой десятками огней сверкал огромный бриллиант, снятый с пальца статуи богини Бовани. Он закричал громовым голосом:

— На колени! Все на колени! Именем богини Бовани приказываю вам сделать это я, ваш повелитель! Она приказала, и я поразил Дургаль-Саиба. Вот кольцо богини!

— Это посланец богини! — закричали индусы, падая на колени в суеверном страхе.

Джордж твердой поступью прошел мимо распростершихся на земле индусов, не осмелившихся даже поднять головы. Он прошел к выходу. Казиль ожидал его с лошадьми.

— Жертвы спасены, — сказал Джордж, — теперь надо приняться за палачей.

XVI. «СЛАВА БОЖЬЕМУ ПРАВОСУДИЮ!..»

В этот час ночи над вершиной гор ярко блистала звезда Кали. Кладбище слонов было совершенно пустым.

Вдруг между скал к кладбищу проскользнул человек и подошел к подножию статуи бога Шивы. Он остановился и стал внимательно всматриваться в темноту. Кругом стояла тишина. Убедившись, что он один, человек вынул из-за пояса кремень и огниво с кусочком трута.

Он высек огонь и поджег фитиль маленькой ракеты, которая взвилась вверх, брызнув тысячами искр. Это был Согор, верный слуга принцессы Джеллы.

— Этот огонь послужит сигналом для собратьев. Они могут безопасно явиться на кладбище слонов.

Вскоре в ущелье послышался шум шагов.

— Это они. — И Согор направился ко входу на кладбище, спрашивая пароль у каждого из входящих, которые падали ниц, проходя мимо изваяния бога Шивы.

Не прошло и четверти часа, как все главари, человек шестьдесят, были в сборе. Появились принцесса Джелла с главной жрицей Жюбэ.

— Зажгите факелы! — приказала Джелла, садясь на гранитное подножие идола.

Приказание тотчас же было выполнено, и красноватые отблески факелов замелькали между деревьями.

Джелла искала глазами Суниаси и, увидев, подозвала:

— Они мертвы?

— Воля богини исполнена, повелительница, — отвечал он.

Суниаси, говоря это, не лгал. Читатели, конечно, помнят, что приказал ему Джордж Малькольм, которого тот принимал за посланника богини Бовани. Джелла по-своему поняла его ответ.

— Сердце мое трепещет от восторга, — обратилась она к Жюбэ. — Эта ночь станет венцом моей славы! Цель близка. Я займу трон моих предков!

— Да, — подтвердила жрица Жюбэ, — завтра принцесса Джелла воссядет на троне Индии и слава тамерлидов засияет вновь.

— Почему я не вижу Дургаль-Саиба? — спросила Джелла. — Разве он не пришел?

Никто не ответил. Спустя несколько минут раздался чей-то голос:

— Раджа Дургаль-Саиб не придет. Он умер.

— Как умер? — Джелла насторожилась. — Кто это сказал?

— Его поразили посланник богини Бовани.

Джелла вздрогнула.

— Если рука посланника Бовани поразила раджу, — сказала она, — значит, он был виновен перед богиней и заслужил смерть.

Но тревога не покидала ее.

— Царица, — напомнил Суниаси, — мы ждем ваших приказаний!

Джелла отошла от изваяния бога Шивы и очутилась среди толпы.

— Дети Бовани, — заговорила она. — Богиня предоставила нам доказательства своего расположения, послав к нам своего сына: он незримый присутствует среди нас и завтра будет сражаться за нас!

Толпа разразилась криками восторга.

— Заря давно ожидаемого дня занимается, — продолжала Джелла, — и час расплаты пробил. Племя ненавистных англичан вступило на нашу землю и попало наши права и нашу власть! Они распоряжаются нашими богатствами, угнетают нас, унижают наших богов и наши верования. Сначала робкие и смиренные, англичане распространяли свое могущество, шаг за шагом овладевая нашей обширной землей. Завоевание порождает завоевание. И Ост-Индская компания разрослась, захватила все наши владения, она растет и теперь, вытесняя нас самих, так что смело можно сказать: Индия принадлежит не нам, а Англии. Мы задушим исполина, грозного и ненавистного! Готовы ли вы?

— Мы готовы! — отозвались все в один голос. — Дайте условный сигнал!

— Сейчас полночь. Пусть при первом луче дневного света начнется избиение англичан, пусть их кровь потечет не ручьями, а целыми реками!

— Да, пусть льется кровь! Льется повсюду! — отвечали ей.

Голос принцессы звучал подобно призывной трубе, когда она закончила свою речь словами:

— Туги и фансигоры, используйте где хитрость и силу, где нож, где кинжал, где петлю. Скользите, как змеи, бросайтесь, как пантеры. Вас поведет за собой Шива, бог зла. Жюбэ благословит ваше оружие!

Главная жрица медленно, но громко произнесла:

— Шива, бог зла, и ты, Бовани! Верные дети просят вас: дайте нам силу, дайте нам хитрость, дайте нам победу! Я благословляю их оружие! — Она простерла руки над толпой, выкрикивая: — Слава Шиве! Слава Шиве! Слава Шиве! И пусть каждый англичанин падет от руки вашей, как пал Джон Малькольм. Через три дня Индия должна быть свободной!

— Индия освободится, но только от вас, негодяев, — раздался вдруг голос, заставивший Джеллу вздрогнуть.

В этот момент изваяние Шивы упало и разбилось на куски, а с его пьедестала прыгнул Джордж с револьвером в каждой руке.

Толпа в изумлении попятилась.

— Это он! — прошептала Джелла.

— Джордж Малькольм! — закричал Суниаси. — Смерть ему! Смерть!

— Да, смерть! Смерть! — кричала Джелла. — Убейте его во имя Бовани!

При этом приказании фанатизм и стремление к повиновению лишили индусов страха. Они готовы были броситься на Джорджа. Но вдруг из-за каменных глыб выбежали английские солдаты! Они отбросили в сторону маскировки и быстро разоружили индусов. В это время из пещеры вышли Эдуард Малькольм, лорд Сингльтон, Дьедоннэ, Стоп и Казиль.

— Связать мятежников! — распорядился губернатор. — Смерть ждет каждого, кто осмелится сопротивляться.

Дьедоннэ обратился к лорду Сингльтону:

— Помните, милорд, во время вашего бала я говорил, что для победы над этими злодеями придется принять вид скал или нарядиться обезьянами? Нам это удалось, не так ли?

Джелла диким взором смотрела на всех.

— Мы побеждены! — пробормотала она. — Но я не хочу видеть их торжества.

И, выхватив из-за пояса кинжал, хотела поразить себя, но за ее спиной стоял Казиль. Он схватил ее за руту и вырвал кинжал.

— Не торопитесь, — проговорил он. — Пусть свершится правосудие!

— Ко мне, Согор! — закричала Джелла.

Индус, услышав, что его зовут, рванулся вперед. Но Стоп приставил к его виску дуло пистолета и сказал:

— Не шевелись, мерзавец, или я выстрелю!

Джелла вздрогнула, и краска ненависти и злости запылала на ее лице. Она увидела Марию и Эву, только что вышедших из пещеры.

— И они здесь, — прохрипела Джелла. — Кто же их спас?

— Бог христиан, принцесса, — ответил Казиль. — Ваши кумиры побеждены их собственным оружием. При помощи покрывала и кольца вашей богини.

— Смотрите, принцесса, — сказал Джордж Малькольм. — Все ваши жертвы живы и свободны. Отец мой умер, но я выполнил его планы, dokonчил его дело и отомстил за него!

— Благодарю тебя, брат! — проговорил Эдуард, пожимая руку Джорджа.

— Я объявляю вам, Джордж Малькольм, от лица всей Англии благодарность, — сказал лорд Сингльтон. — А награда будет соответствовать вашим заслугам.

— Вот моя награда, милорд! — воскликнул Джордж, протягивая руки к Марии. — Разве существует награда ценнее и прекраснее этой?

— Я благословляю вас, Джордж, — сказала Эва.

— Я люблю вас, Джордж, — прошептала Мария.

— Да здравствует Англия! — крикнул во все горло Стоп, подбрасывая в воздух свою шляпу.

— Да здравствует Франция! — ответил ему Дъедоннэ.

— Слава Божьему правосудию, — прошептал Джордж, обращая к небу свое радостное лицо.

Внимание!

Текст предназначен только для предварительного ознакомительного чтения.

После ознакомления с содержанием данной книги Вам следует незамедлительно ее удалить. Сохраняя данный текст Вы несете ответственность в соответствии с законодательством. Любое коммерческое и иное использование кроме предварительного ознакомления запрещено. Публикация данных материалов не преследует за собой никакой коммерческой выгоды. Эта книга способствует профессиональному росту читателей и является рекламой бумажных изданий.

Все права на исходные материалы принадлежат соответствующим организациям и частным лицам.